

Дмитрий
Чернышев

КАК ЛЮДИ ВИДЯТ

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ ЛЮДЯМ, БЕЗ ТЕРПЕНИЯ И ПОМОЩИ КОТОРЫХ НЕ БЫЛО БЫ ЭТОЙ КНИГИ

Смельскому Александру Сергеевичу и Maxim

Агееву Дмитрию Викторовичу, Алу udalovalex У, Алонцеву Михаилу,
Анчиполевскому Сергею Юрьевичу, Аржанниковой Марине Николаевне,
Арсланову Константину, Артемьеву Олегу, Архиповой Ларисе Вячеславовне,
Байшихину Александру, Балеvu Роману, Бегичеву Павлу, Белкину Роману
Белову Александру, Беляковой Татьяне Львовне, Блохину Андрею, Бляхину Игорю,
обоим Богдановым Вадимам, Богуну Николаю Александровичу, Болдаревой Миле,
Большакову Дмитрию, Бондаренко Сергею Сергеевичу, Борисову Михаилу,
Борисовой Вере Федоровне, Бредихиной Нине Васильевне, Булдаковой Александре,
Буслай Степанычу, Быкадорову Дмитрию, Варламову Илье, Веницианову Дмитрию,
Веретенникову Дмитрию Станиславовичу, Волик Маргарите Александровне,
Волкову Дмитрию, Володину Егору Сергеевичу, Володиной Ольге Борисовне,
Воронову Александру, Вяткину Михаилу, Гаврюшову Андрею Владимировичу,
Галактионову Алексею, Галиеву Азату Фаатовичу, Галкину Кириллу, Глыбову Сергею,
Горовой Василине, Гузель Сергею Антоновичу, Давыдкову Денису, Дедикову Федору Сергеевичу,
Демчуку Максy, Дмитриевой Юле, Добридень Ирине, Довыденко Владимиру Михайловичу,
Дроздовой Юлии, Дружинину Егору, Евдокимову Андрею, Егорову Антону,
Ельшину Федору Анатольевичу, Желудкову Родиону, Журавлевой Виктории,
Зайцеву Алексею, Захаровой Полине, Захарченко Виктору, Зуеву Михаилу Юрьевичу,
Ильюшенко Дмитрию Владимировичу, Казакову Денису, Калькееву Владимиру Андреевичу,
Кисельгофу Мираву, Климовой Лидии, Клинову Глебу Борисовичу, Козленко Александру,
Козлову Антону, Колосовой Марине, Комаровой Ольге, Конюхову Павелу,
Королевой Марии Николаевне, Краскову Максy, Кривоपालову Дмитрию Валерьевичу,
Кузнецову Александру, Кузьмину Алексею, Куликову Антону, Кулишовой Олесе,
Курлыкину Александру, Кушлевичу Сергею, Ларилиель, Лебедеву Юрию, Лирник Антону,
Лобзевой Алине, Ляпиной Ярославе, Макаровой Елене, Малинину Артему,
Маслову Александру Витальевичу, Медведеву Владимиру, Мельниковой Людмиле Александровне,
Мешкову Александру, Мирошник Вадиму, Мицуре Дмитрию, Мусаткиной Елене,
Назаровой Валентине Юрьевне, Назарчук Катерине Александровне, Настасье, Негрей Алине,
Нестерову Александру, Никитину Даниилу, Никитиной Татьяне Вячеславовне,
Ожгибесову Алексею Владимировичу, Олейник Сергею, Осьминину Сергею Анатольевичу,
Охрименко Николаю, Ощепковой Елизавете Александровне, Павлику Антону, Паниной Несмеяне,
Перевалову Кириллу Владимировичу, Перовой Татьяне Алексеевне, Петерсу Олегу,
Петрову Максиму, Платонову Максиму, Полянской Екатерине, Понамореvu Александру,
Попову Сергею Павловичу, Прохоровой Галине Николаевне, Рабиновичу Илье, Ребику Алексею,
Ремезу Алексею, Рехтиной Елене, Рогожину Александру, Родину Павлу Викторовичу,
Рудченко Олегу, Рыжову Михаилу, Рязанову Максиму, Саввову Александру, Самойлову Евгению,
Саркисову Артуру, Сахненко Елене, Сергею, Силиниченко Андрею, Слепову Андрею,

Слепокурову Сергею Владимировичу, Смельскому Александру, Смолину Олегу, Степанову Алексею, Степановой Марии, Стретович Евгению, Тагильцевой Насте, Тимофееву Дениус Львовичу, Тимохину Егору Владимировичу, Типяеву Александру, Ткачуку Владимиру, Трубицкой Марине, Уваркину Ивану, Ульмаскулову Раулю, Федорову Денису, Филонову Антону, Фирстову Андрею Владимировичу, Фоломееву Антону Владимировичу, Хазову Алексею, Чуйкиной Анне, Шаповалову Ярославу, Шведу Дмитрию, Шевченко Алексею, Шеляховской Елене, Шестакову Максиму, Шигаевой Даше, Шохановой Светлане, Штепенко Анастасии Игоревне, Щербакову Сергею, Юрию Семенову, Юринову Вадиму Александровичу, Яковлеву Олегу

А также людям, которых, к сожалению, я знаю только по никнеймам:

4567, 4128327, 8800088, 2smile, 2uran, 4dinaa, a.v.lysenkov, abc373, abdubaeva, addict2blood, aivbvd, al2smirn, Alex Chorry, alex_lobov, alex-bel2003, alex.dudnikov, alex2k, alexander.stashchuk, alexandra, Alexey altrainings L, alexjimmor, alkli, alyukova, anatoly.borhovich, andr.starkov, andry, andyjam, aniretake, Anita, anna_maksi, anna.yaselman, anon418, ao55, apopov, arcady08, arn, arzamaskov, askort, av, avtobass, balance, bazhin61, belokurova, berezel, birdy_2003, bistrer, blagosklonov, booinbox, boris.br, botym, brichikovng, buckwheatkris, budavv, captainvoronin, cas_siopeia, Chysiuk Igor, crevice, cyrill.verbych, d, Dan Yves, dania.chuvashaeva, danielmcevi, darkarchitect, denni435, dent, derendyaev, dikmax, dima, dimka, dirkbikk96, dishdishyan, dishshushu, dmitry.korban, doddy1, dontchaknowme, droop, e78902, eelleenna, ekstrasens87, elfcheg, elkohergina, elya.vm, epavlenko.com, erniest29, etagizn, eugene_jj, eva.yannn, FAUst, fazlullin, frame, fresh-flower, fvv_vika, gapel, genord, georgicio, gigorilio, glena.elena, gm-w, gnezdin, go, goldiki, gperevozova, grachol, greenguard, grytsenkovpavlo, gsdstr, Guilfanov Ilfak, gulnazz, gymirbis, i-cl-i, i-crop, iam, ideynik, ig.grigoriev, igaros, illotum, ilya, ilyashargaev, info, is, isaamad, iskanderus, iskra.s.a.s, it.bruk, itorgovnikov, iva2000, ivan_shatalov, ivan-d1, ivan.charnetski, ivan.maryshev, ivanievlev, jahdie, joefins, julia4s, justddd1, kachanea, kae, kalushnya, kanzaki, kblkjil zuhuhuio uhioio, kemskemss, kender5e, kero.one, kinar82, koguanany, koka-mcse, kokoro.no.aseri, konst_dm, konstantin.lashuk, konstmail, koulkv, kriga, kriokamera, ksenia.chuykova, ktata, kubasse, kuharenok, kulabuhova.swetlana555, kumanika, LarCS-L, laune78, lawnmower-man, leogin, Leonov Oleksii, lex.pisarev, lily.alieva, liza-fly, loa, lomur00, m.karch, m.molodtsova, m897, mail, mailto.alexandro, mamontorama, maodzedunis, marinarus1, marlushka23, masavel, maxim7801, maxlethal, meadkar, meehey, metkere.com, michailovaster, milovanovav, Mist. Er, mitka, miwanya069, mmbx, moyapochta84, mpassov, mskmichel, mtvaradze, murky.cat, museyka, muto.boyz, nagaylik, nataliya, naugadina, navyes, nechaevu, nelleh, nht.bender, nikonovakate, niksm, Nnear, novikov, o.gonchar, odyssey80, oleg_s, oleg.yov, oleh, oleinik, olga_dp, olga784, ollyak, osipov_dv, owlripper, p-9, paragozin, pasha, passison, patarakina, pavelkudelin, pbdmn, pechnik, phis, pidvarko, pix-pix, pk, presariocq60, propavel, Pugatsov Andrei, puzz3d, pvproshko, quinikerr, qyarri, r.onin, ramagast, regedy, reukov, rikka_-, rutven, safin_r, sanphir, sapandrey, sashabastos, sav.iamsav, sekhsveda, semavl, serega30d, serge.prokurov, serpletnev, severgr, sgnd, shishkidesign, shlyapkina, shurik239, silins, sirponch, slayersp, smollett, sokolovpe, sokolx, sshayena, stimur, sunniest, swaydream, switnp, tak78, tam-barkhiyan, tenzzor, tequila00, testarossa1, thakina, tikonoff, timo, treus85, tsitsurskaya, tzozulina, u.usmanov, uho1564, umalex99, unique.evy, uraken1, vadim, vaflya, varvara.ld, vekodont, verakuz69, vespero, vesselovavv, Vimba, vinataly, vinsanti, vodaja, votosa, vpodobed, vskalinin, vspetrovskaya, vvk.73, vvvps, wellyouknow, whatersoer, work4eat, xabeeroff.k, y.fetisova, yepard, ymprivate, you_too, Yu S, yugene, yukotka, yuri kan, yury.ilinsky, yury.khrol, z-positive, zay100, zayafedotova, Zhdanovich Matsvei, zorikto.dabaev

ВСТУПЛЕНИЕ

(слово «вступление» не означает, что этот текст читать не надо)

*Я написал мой первый рассказ потому,
что я сам хотел бы прочесть такой рассказ.*
Тони Моррисон

Несколько слов о том, почему я решил написать книгу по фотографии, не являясь ни профессиональным фотографом, ни профессиональным писателем. Понимая, какое огромное количество книг, посвященных всему, что так или иначе связано с фотографией уже написано. Дело в том, что я не нашел среди множества прочитанных книг ни одной, которая бы учила видеть необычное в обычном, как отличить хороший кадр от посредственного. И отвечала бы на вопрос, почему из множества просмотренных снимков вам запоминается только один, но запоминается так, что вы его никогда уже не забудете?

Максимально близко, как мне кажется, к ответу на эти вопросы подошли два человека – Сьюзан Зонтаг в своих работах по фотографии и Ролан Барт в *Camera lucida*. Мне хочется разобраться с тем самым бартовским «пунктумом» – с тем случайным уколом в снимке, который и производит на зрителя впечатление. Немного перфразируя Д. Барнса – ухватить зрителя двумя пальцами за сердце и, ущипнув, оставить синяк, из которого разовьется гематома любви. Хочется поговорить на эту тему простыми словами, не используя при этом бартовский лексикон – онтологический, Тьюхе, суверенность «я», эвристические принципы и прочие *Mathesis singularis*.

Как-то я прочитал про художника Августа Наттерера, который однажды в приступе галлюцинации увидел 10 000 картин за полчаса и сошел с ума. И после этого начал писать картины. Я пятнадцать лет работал креативным директором, и мне иногда приходилось на работе в неделю просматривать по 40-50 000 фотографий. Я стал отбирать чем-то зацепившие меня снимки и пытался разобраться – чем же они мне так понравились.

В книге не будет рассказов о том, как устроен фотоаппарат: что такое выдержка, диафрагма и ISO (книг об этом написано огромное количество). Не будет рекомендаций по обработке снимков в фотошопе (мне вообще эта тема не кажется заслуживающей серьезного внимания) и не будет «воды» – всех этих длинных рассказов о том, как автор пришел к своей замечательной идее и о том, какой он молодец.

Я долго думал, чем иллюстрировать книгу. Сначала я хотел использовать только собственные фотографии и снимки своих друзей-фотографов, но потом понял, что этого мне совершенно недостаточно. Прошу рассматривать фотографии в книге не как желание нажиться на творчестве талантливых людей и не как попытку прикрыться их авторитетом. Нет – только как иллюстративный материал.

Кроме того, книгу можно использовать как самоучитель по фотографии. Тот, кто выполнит все задания в книге и заменит чужие фотографии на свои снимки, получит от меня специальный диплом.

После выхода своей первой книги «Как люди думают» я получил несколько сотен отзывов. Особенно часто в них встречалась одна и та же мысль – спасибо вам, что вы написали о том, что я давно смутно ощущал, но не смог сформулировать. И одна из целей этой книги состоит в том, чтобы помочь читателю вербализовать собственные мысли.

*Вы не сможете сделать снимок одной только камерой.
Вы приносите в него все фотографии, которые вы видели, книги, которые прочитали,
музыку, которую слышали, людей, которых любили.*
Ансель Адамс

Альфред Стиглиц

Фотография начиналась как магия и состояла из магических объектов – зеркало, хрустальный шар (линза), серебро. И как всякая магия ей нужны были контрасты – яркий свет и полная темнота. Адепты фотографии могли сотворить чудо – остановить время. Они воровали образ реальности, сохраняя его навсегда. И знакомство с фотографией нужно начинать с воровства. Нужно отсмотреть работы лучших фотографов мира и забрать у них все самое лучшее – идеи, приемы, ракурсы, композицию, работу с моделями, обработку снимков... – все. Нужно впитать их в себя и начать смотреть на мир их глазами. Не бойтесь воровать идеи – это не вещи. Идей от этого меньше не становится. Все равно сделать так же у вас не получится, да это и не надо. Это нужно для вдохновения и для поднятия внутренней планки как можно выше. Вы должны наполнить себя самым лучшим. Например, в Японии антиквар окружал своих учеников самыми дорогими подлинниками и, вырастая в такой атмосфере, те могли с первого взгляда распознать подделку.

Ницше считал, что человек в своем развитии может пройти три стадии – верблюда, льва и ребенка. Сначала любой человек – верблюд. Подобно верблюду, накапливающему в себе воду для долгого путешествия по пустыне, человек накапливает в себе знания, которые ему дают родители, общество, школа... Верблюд руководствуется этими знаниями, верблюд со всем согласен и ничего не ставит под сомнение. Он умеет говорить только «да». Так Квентин Тарантино в течение нескольких лет ежедневно смотрел по четыре-пять фильмов, прежде чем начал снимать свое кино.

Просмотр лучших фотографий – это стадия верблюда. Ее нельзя пропустить. Художники учатся рисованию, копируя великие картины. Начинающие кинематографисты переснимают планы из классических фильмов. Для фотографа хорошее упражнение – переснимать чужие фотографии, которые ему нравятся.

Обычное деление фотографов на профессионалов и любителей в корне неверно. Настоящий любитель – это человек, который занимается фотографией из любви к ней. И хотя, как правило, любитель проигрывает профессионалу во всем – в технике, во времени, в деньгах, в качестве и количестве сделанных снимков и в числе посещенных экзотических мест – без любви к фотографии даже крепкий профессионал останется в лучшем случае только ремесленником.

Список хороших фотографов огромен. Я расскажу только о нескольких, которые нравятся именно мне.

Альфред Стиглиц

Его пиктореалистические фотографии – нечто среднее между живописью и снимком. Если верить Британской энциклопедии, Стиглиц «почти в одиночку втолкнул Америку в мир искусства XX века» – в его «Галерее 291» фотографии выставлялись вместе с картинами современных художников: Матисса, Ренуара, Сезанна, Мане, Пикассо. С Пикассо связана и другая история – в 1911 году окончилась полным провалом выставка-продажа работ художника. Стиглиц писал: «Я продал один рисунок, который он сделал двенадцатилетним мальчиком, второй я купил сам... Мне было стыдно за Америку, когда я все работы вернул Пикассо. Я продавал их по 20-30 долларов за вещь. Всю коллекцию можно было купить за 2 тысячи долларов. Я предложил ее директору музея Метрополитен. Он ничего не увидел в работах Пикассо и сказал, что такие безумные вещи никогда не будут приняты Америкой».

Август Зандер

Зандер работал шахтером в Германии, потом увлекся фотографией, служил в армии помощником фотографа. В 1901 году поступил на службу в фотоателье в Линце и уже через три года выкупил его и назвал «Студией художественной фотографии и живописи Августа Зандера». В 1904 году получил золотую медаль на Парижской фотовыставке. Он решился на титанический проект – создать портрет нации. Зандер ездил по стране и снимал, снимал, снимал. Когда к власти пришли нацисты, книгу Зандера запретили, часть негативов уничтожили, а его сына посадили в тюрьму как социалиста на 10 лет (в 1944 он умер, так и не выйдя на свободу). Часть архива погибнет во время войны, другая часть будет уничтожена грабителями в 1946 году. Осталось всего 40 000 снимков.

Арнольд Ньюман

Американский фотограф, создавший свой жанр портрета – «портрет в естественной обстановке». Он мечтал стать художником, воспитывался на классической живописи и пытался через портрет раскрыть внутренний мир человека. Три года он работал в самых дешевых фотостудиях, иногда делая по сотне портретов в день.

Андре Кертес

Венгерский, французский и американский фотохудожник. Сторонник максимальной простоты снимка – «упрощайте, упрощайте и упрощайте». Создал большую серию читающих людей – On Reading. Завещал все свои негативы Франции.

Анри Картье-Брессон

Отец фоторепортажа и фотожурналистики. Тоже хотел стать художником. Один из основателей легендарного агентства «Магnum фото». Был первым зарубежным фотографом, посетившим СССР после смерти Сталина. О нем рассказывали, что он умел стать невидимым для людей, которых снимал.

Антанас Суткус

В детстве копил деньги на велосипед, но почему-то купил фотоаппарат. На Западе стал известен раньше, чем в СССР. Отказался от съемок коллективов и снимал простых людей, их жизнь и заботы. Делал из репортажной фотографии художественную.

...

Это только крошечная часть прекрасных фотографов на букву «А». У меня не стоит задача, рассказать вам про историю фотографии, скорее – заинтересовать. Как советовал Сергей Аверинцев: «Как писать? Мысль не притворяется движущейся, она дает не указание пути, а образец поступи. Хорошо, когда читатель дочитывает книгу с безошибочным ощущением, что теперь он не знает больше, чем он не знал раньше».

Нет.

Все-таки назову еще нескольких любимых фотографов.

Александр Родченко
Лени Риффеншталь
Йозеф Куделка
Дэвид Бейли
Владимир Вяткин
Роберт Франк
Гарри Виногранд
Александр Петросян
Владимир Лагранж
Викентий Нилин
Энни Лейбовитц
Евгений Умнов
Эллиотт Эрвитт
Александр Слюсарев
Чема Мадоз
Энсель Адамс
Ромуальдас Ракаускас
Сэм Хаскинс
Брюс Дэвидсон
Робер Дуано
Ральф Гибсон
Доротея Ланж
Салли Манн
Брассай
Сергей Максимишин
Себастьян Сальгадо
Хорст П. Хорст
Юджин Смит
Ирвинн Пенн
Хельмут Ньютон
Грегори Колберт
Роберт Капа
Ричард Аведон
Андреас Фейнингер
Майкл Кенна
Норман Паркинсон
Игорь Мухин
Диана Арбус
Аркадий Шайхет
Группа ТРИВА
Вивиан Майер
Ян Саудек
...

Здесь оставлено много свободного места для того, чтобы вы добавили своих любимых фотографов.
Или вычеркнули из списка тех, кто вам не понравился.

РАЗВИТИЕ ВОООБРАЖЕНИЯ

Удивительно, но серьезным препятствием к прогрессу человека в фотографии является прогресс фотографической техники – у начинающего фотографа начинает все сразу получаться хорошо (точнее, начинающему фотографу кажется, что все получается хорошо – цвета такие яркие, а снимки такие резкие).

И пропадает весь длительный, но жизненно необходимый процесс ученичества. Это как если бы в живописи не нужно было бы очень долго сначала рисовать простейшие геометрические фигуры, затем гипсовые бюсты и чучела животных, потом переходить к работе с натурщиками, не нужно было бы изучать анатомию и законы перспективы, не нужно было бы ездить на этюды и разбираться в смешении цветов, работать со светом, оттенками и полутонами.

Между тем для того, чтобы научиться видеть интересный сюжет, нужно сначала научиться строить интересный сюжет. Из любых подручных материалов – чем проще они будут, тем лучше. Попробуйте, например, с помощью коробка спичек рассказать историю Ромео и Джульетты. Возьмите атлас звездного неба и нарисуйте свои собственные созвездия – представьте себя первым человеком на Земле, дающим имена созвездиям. Придумайте, как снять ветер без вывернутого зонта и летящей шляпы. Или попробуйте снять время. Или выберите любое стихотворение, которое вам нравится, и сделайте фотографию по его мотивам.

Например, Владимир Бурич:

Я иду за водой
и о дно моего ведра
головами бьются ромашки.

или

Я лежу на спине
и смотрю в потолок
с ушами полными слез.

Или Лорка «Прелюдия»

И тополя уходят –
но след их озерный светел.

И тополя уходят –
но нам оставляют ветер.

И ветер умолкнет ночью,
обряженный черным крепом.

Но ветер оставит эхо,
плывущее вниз по рекам.

А мир светляков нахлынет –
и прошлое в нем потонет.

И крохотное сердечко
раскроется на ладони.

/перевод А. Гелескул/

Начинайте с простых вещей. За вдохновением не нужно ехать на другую сторону земного шара – «Что интересней на свете стены и стула?». Об этом же пишет Кафка: «Тебе не надо выходить из дому. Оставайся за своим столом и слушай. Даже не слушай, только жди. Даже не жди, просто молчи и будь в одиночестве. Вселенная сама начнет напрашиваться на разоблачение, она не может иначе, она будет упоенно корчиться перед тобой».

Не бойтесь выглядеть идиотом. Марк Белл, актер и преподаватель пластики Лондонской академии музыкального и драматического искусства рассказывал: «В мои обязанности входит обучение молодых актеров работе в комедийных ролях. В основе таких ролей лежит то, что мы называем образом Клоуна. Этот Клоун есть в каждом из нас, и каждый может обнаружить в себе комическую сторону своего «я». Представьте себе, что в большинстве из нас живет существо, которое мы называем «полным идиотом», и мы все время пытаемся скрыть это. На первых занятиях мы и занимаемся поиском этого существа, а затем смотрим, какой образ на этой основе можно сформировать, какой это будет тип идиота». У японцев есть прекрасная поговорка: «Будем ли мы танцевать или нет – все равно мы выглядим как идиоты. Тогда лучше танцевать».

Начните с простого: напишите на листе бумаге цифры от нуля до девяти, а потом пририсуйте к ним пару штрихов или точек так, чтобы они превратились во что-то другое, узнаваемое:

Например: дуло, спичка, лицо, грудь, кактус... Чем меньше дорисовывать, тем лучше.

Представьте, что у вас есть только два знака – скобка и точка. Попробуйте с их помощью нарисовать что-нибудь.

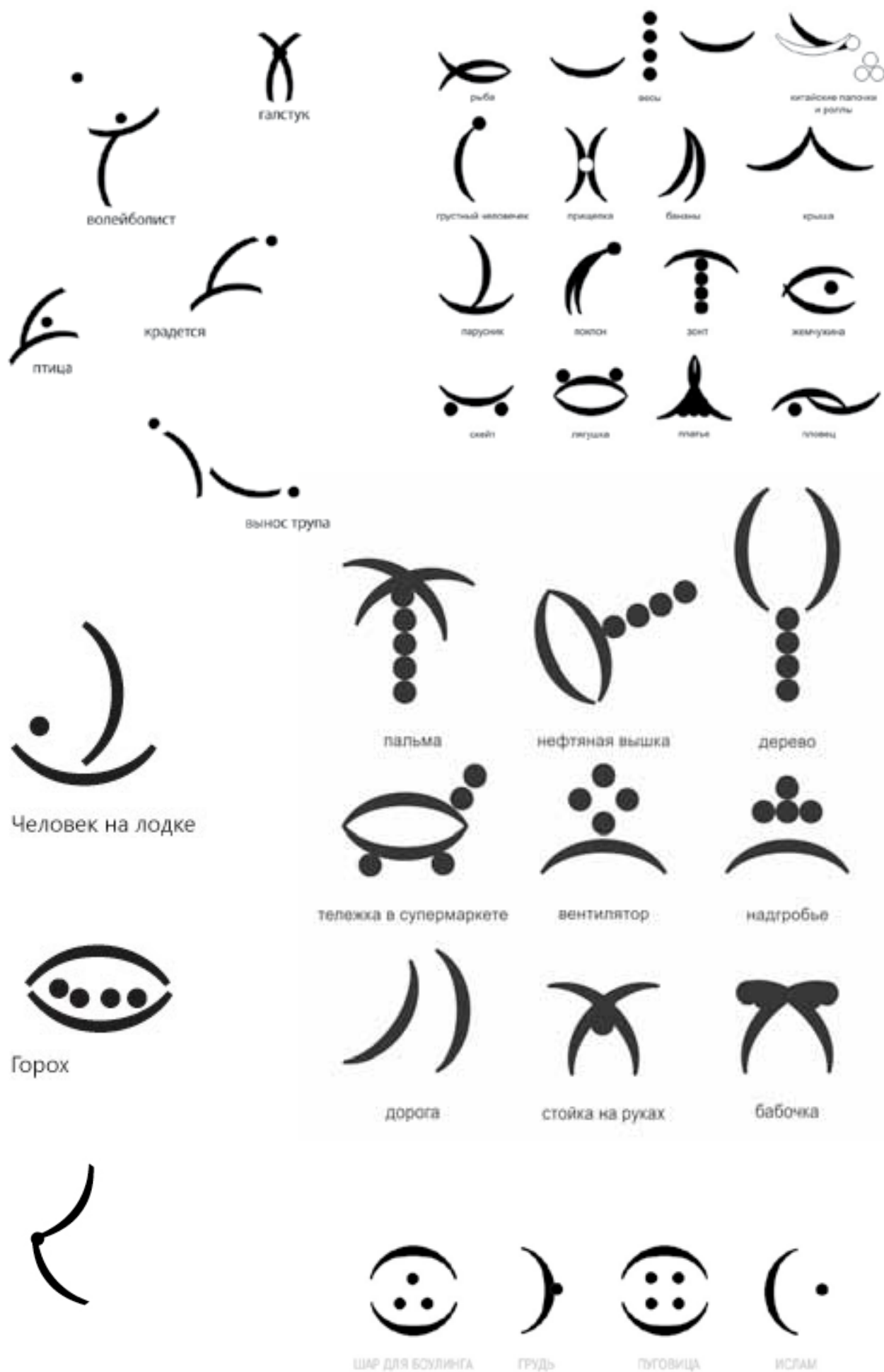

ЧЕЛОВЕК

АРМИЯ

Я как-то дал это задание в своем журнале. Вот, что получилось:

Почему я предлагаю начинать с примитивов? Ограничения включают человеческое воображение. Однажды Хемингуэй придумал рассказ из шести слов. For Sale: Baby shoes, never worn (русский вариант вдвое короче: «Продаются пинетки. Неношеные»). И создал целый жанр шестисловных рассказов.

Извини, солдат, мы продаем ботинки парами.

Наша спальня. Два голоса. Я стучусь.

На разбитом ветровом стекле было написано «молодожены»...

Появились и очень короткие страшные истории:

Последний человек на Земле сидел в комнате. В дверь постучались.

/Фредерик Браун. «Кратчайшая страшная история из когда-либо написанных»/

Я начинаю укладывать ребенка в постель, а он говорит мне: «папа, проверь монстров под кроватью». Я смотрю под кровать, чтобы его успокоить, и вижу там своего ребенка, который смотрит на меня с ужасом и дрожащим голосом говорит: «папа, там кто-то другой в моей кровати».

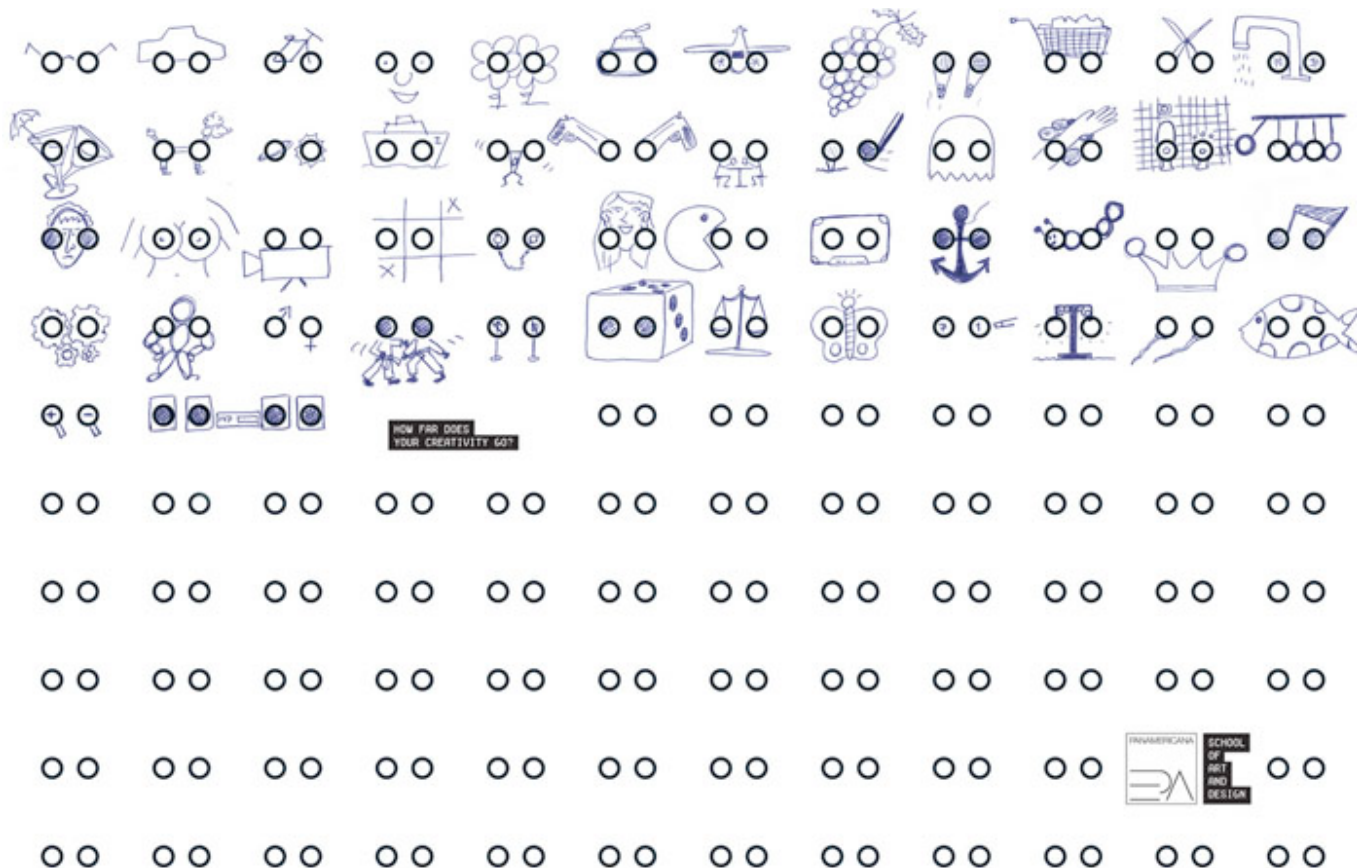
Проснулся я из-за того, что услышал стук по стеклу. Сначала я подумал, что кто-то стучит в мое окно, но потом услышал стук еще раз... из зеркала.

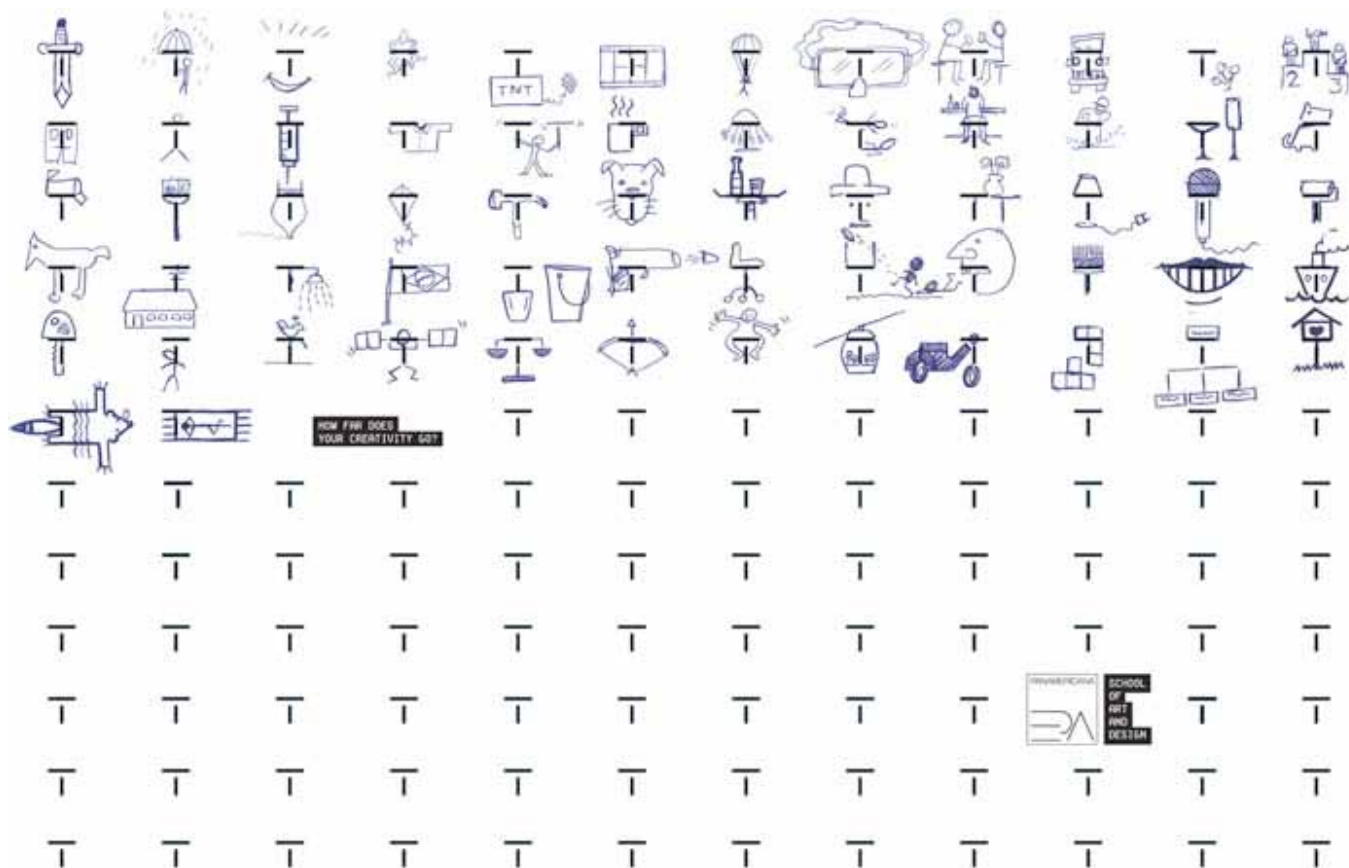
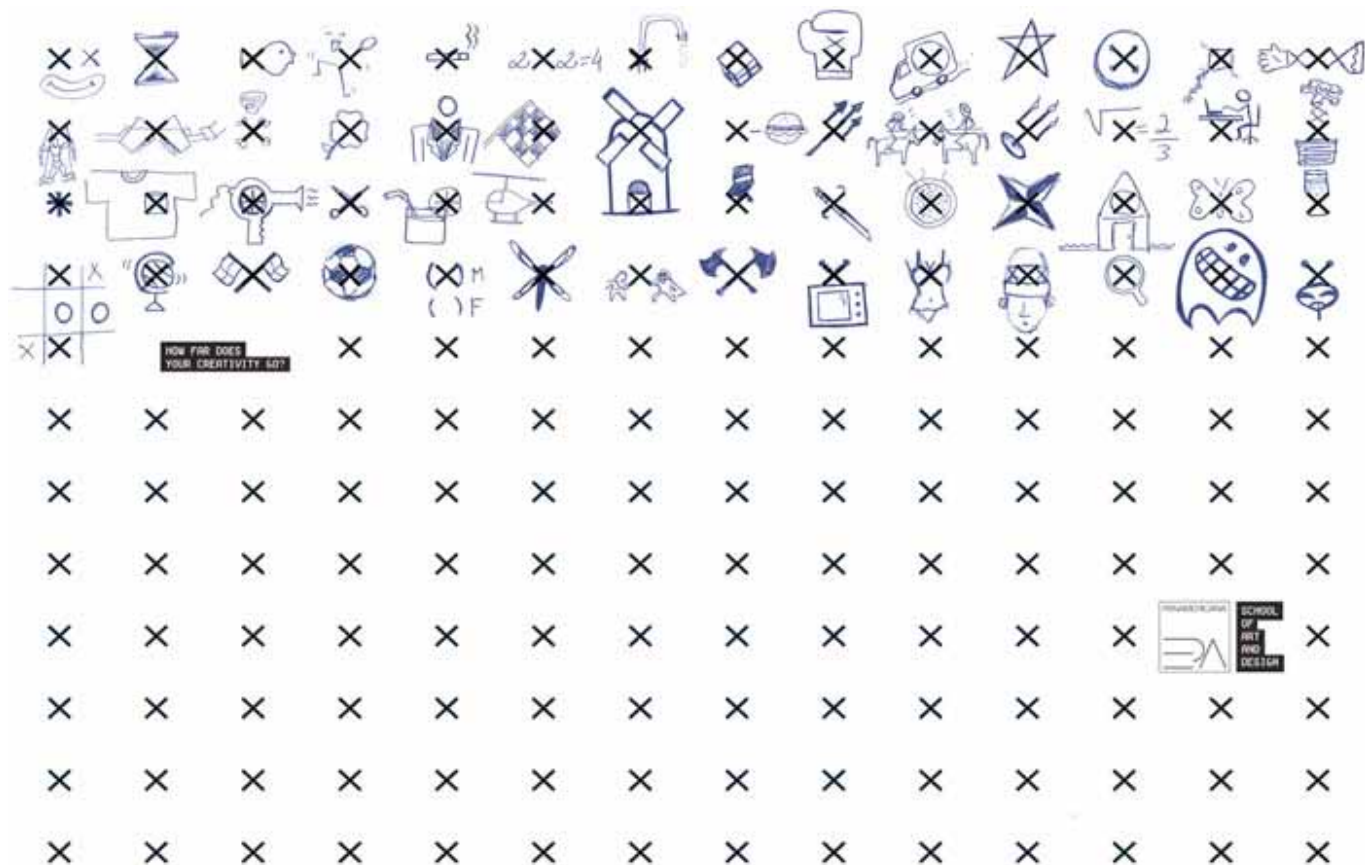
С утра я обнаружил на телефоне свежую фотографию себя спящего. Я живу один...

А Тонино Гуэрра однажды выиграл пари. Он утверждал, что сможет сделать полноценный фильм с сюжетом в десять секунд. И вот, что получилось:

«Женщина смотрит телевизор. Идет трансляция запуска космического корабля. По мере того как отсчитывается время до старта: 10, 9, 8... — женщина берет телефонную трубку, крутит диск. В тот самый момент, когда на экране показывают пуск ракеты, она произносит в трубку: «Приезжай, он улетел...»

А вот прекрасное упражнение Бразильской школы искусств и дизайна. Заполните дальше сами:

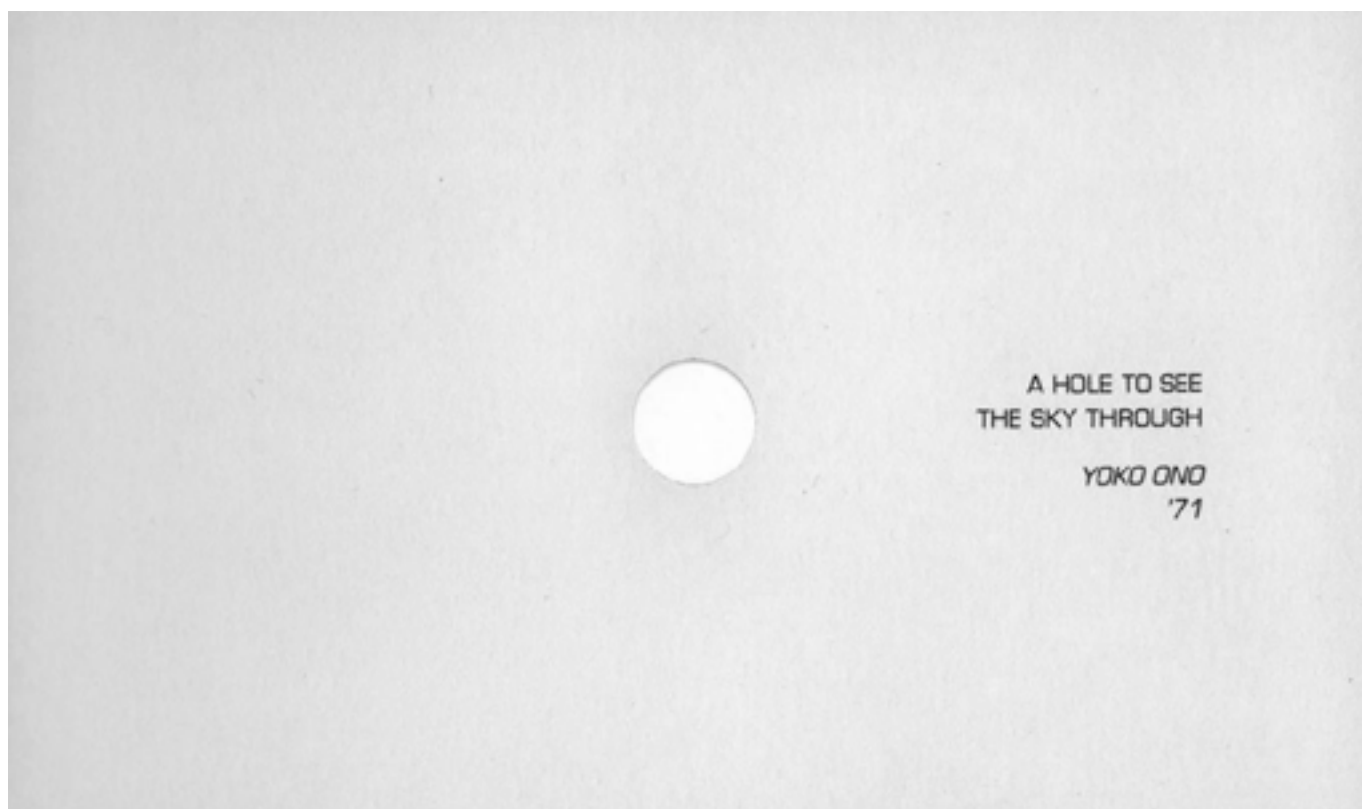

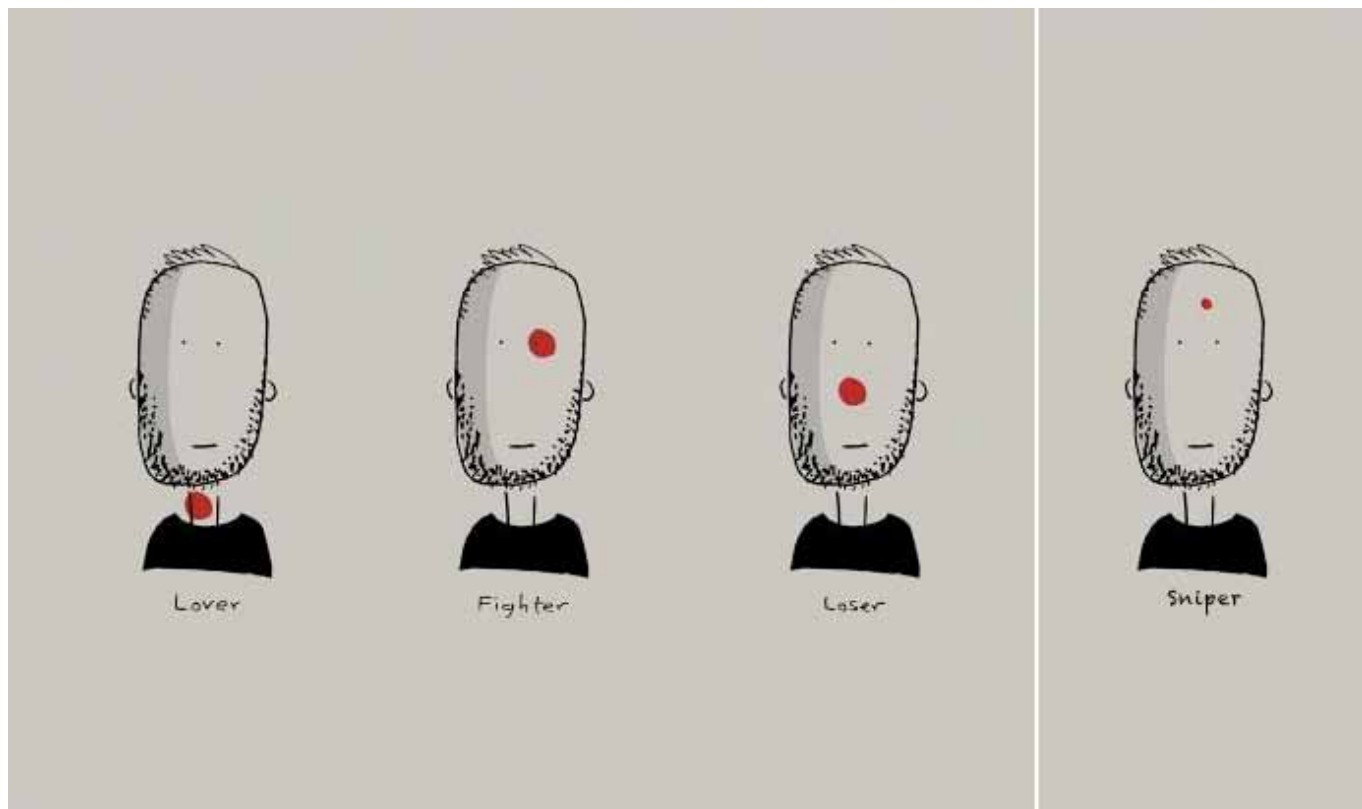

Представьте, как сильно изменились бы детские рисунки, если бы школьные тетради печатали не с клеточками, а, например, с треугольничками. Или с концентрическими кругами.

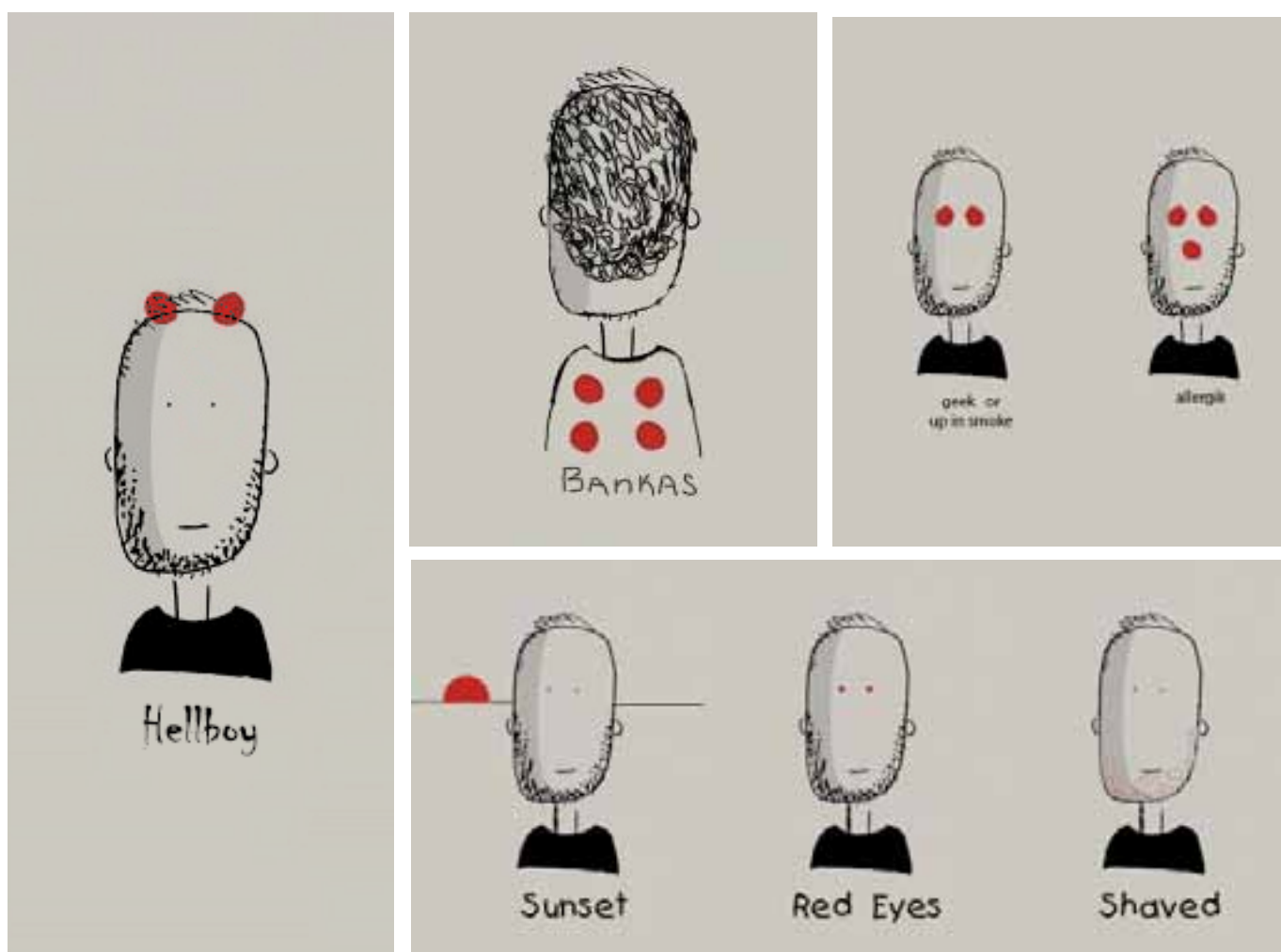

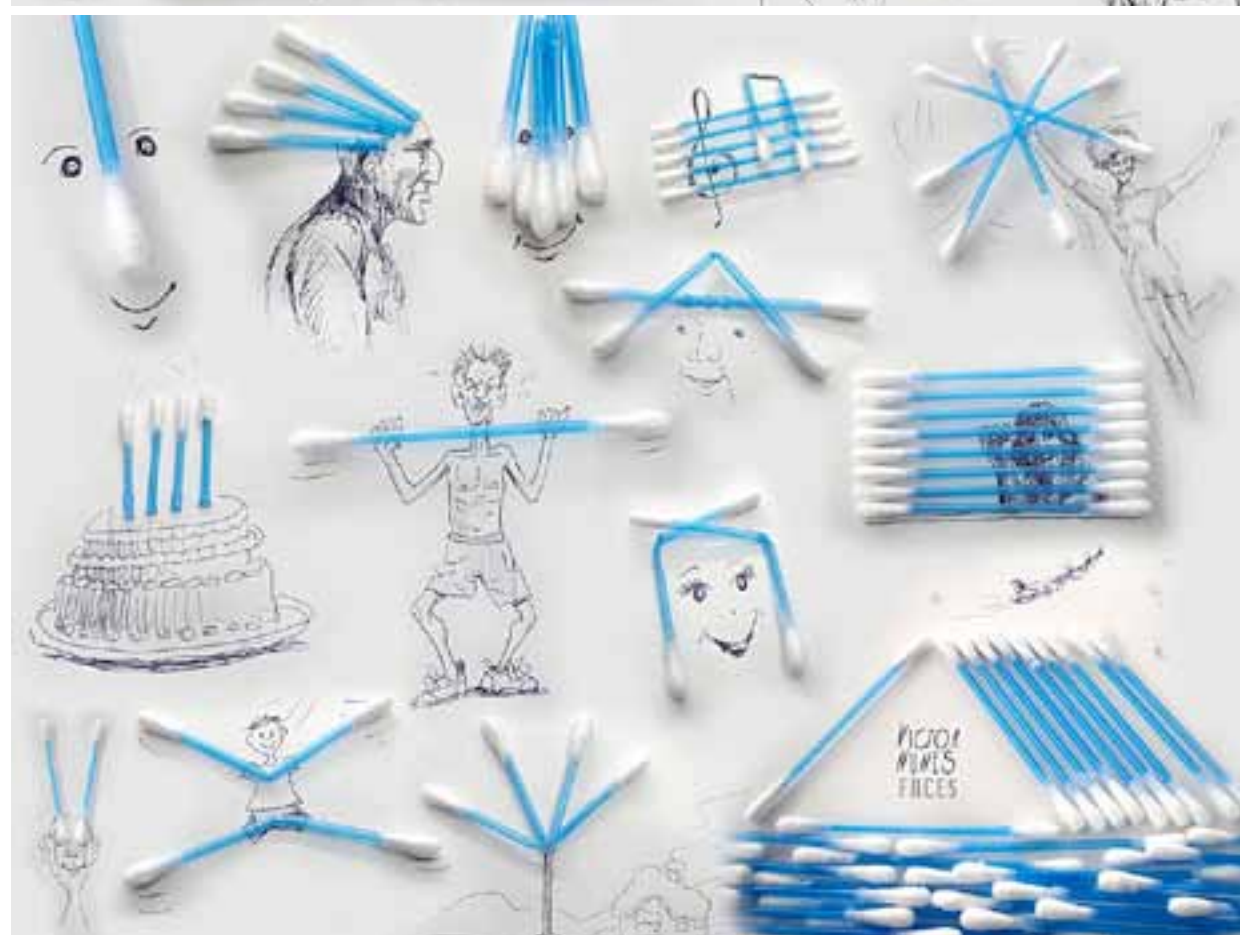
Несколько работ с примитивами классиков. Фильм Такеши Китано «Самурай в туалете». Фильм Майкла Ансары «Человек надувает жевательную резинку». Работа Йоко Оно «Отверстие, через которое можно смотреть на небо»:

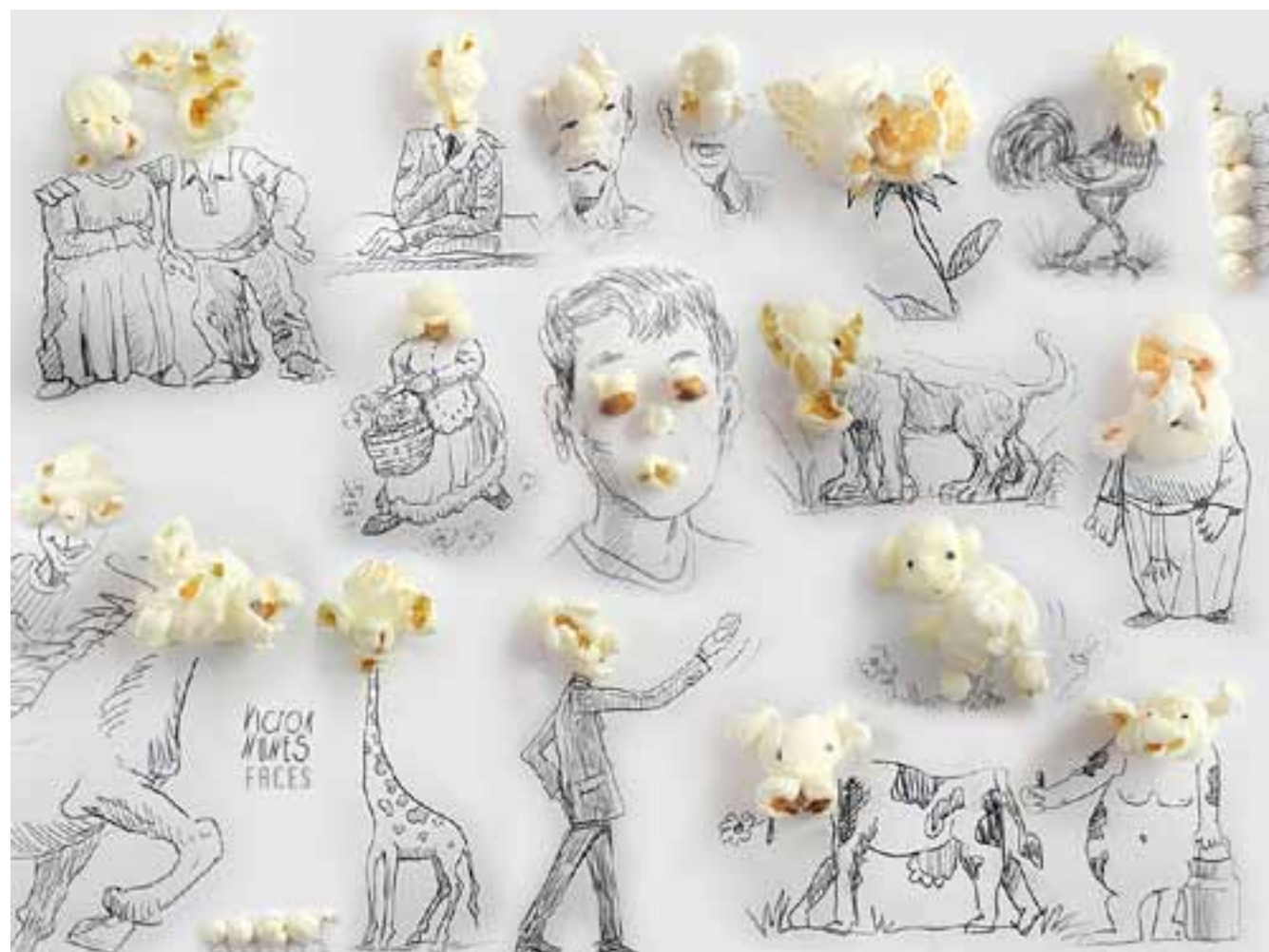

Еще про работу с примитивами. Однажды я увидел в интернете рисунок с красными точками – любовник, боец, лузер. И сначала сам предложил свой вариант – снайпер, а потом попросил читателей сделать то же самое. Попробуйте и вы продолжить этот ряд:

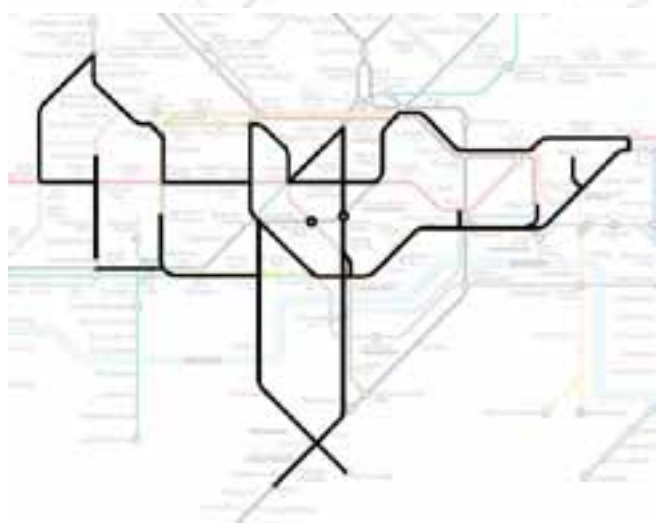
[illegible]

Очень хорошее упражнение на развитие воображения – искать знакомые образы в кроне деревьев, в рисунках на обоях или в трещинах на асфальте. Пусть вас не смущает то, что это считается одним из симптомов шизофрении.

У Стругацких как-то была идея включать шизоидов в состав экипажей космических кораблей: «шизоидные типы обладают ярко выраженной способностью непредвзятого ассоциирования. Там, где нормальный человек в хаосе невиданного волей-неволей стремится углядеть знакомое, известное ранее, стереотипное, шизоид, напротив, не только видит все так, как оно есть, но способен создавать новые стереотипы, прямо вытекающие из сокровенной природы рассматриваемого хаоса».

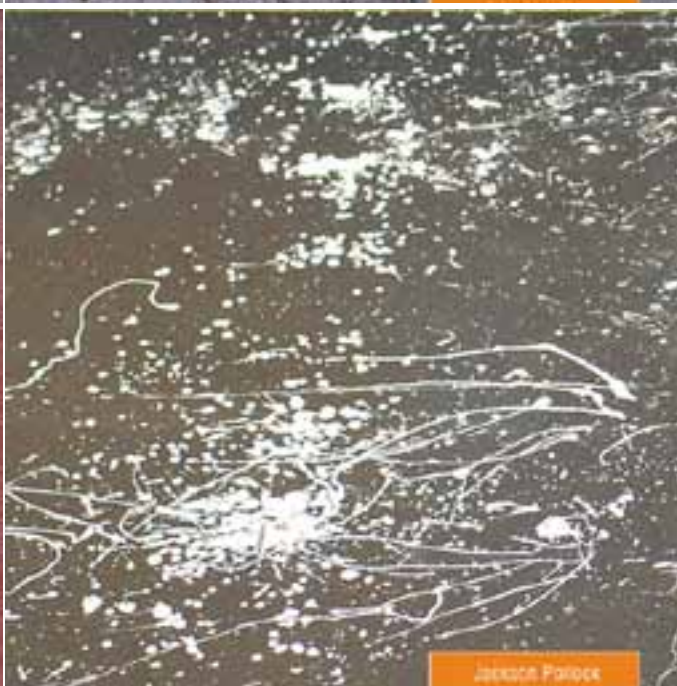
Англичанин Поль Миддлвик ищет животных в карте Лондонского метро.

У Михаила Гаспарова в книге «Записи и выписки» есть еще интересный рецепт поиска вдохновения: «К. вырезывал из газетных объявлений слова, склеивал в непонятные фразы, приклеивал на стенах комнаты, из-под потолка висела стрелка на нитке, каждое утро он раскручивал ее и вдумывался в фразу».

Вдохновение можно найти везде. Как-то в заурядной надписи «Метро Текстильщики» я увидел и метр, и текст, и стиль.

А однажды я сделал серию фотографий, посвященных творчеству художников двадцатого века – я увидел рифмы к их полотнам на стенах и на асфальте.

Иногда стоит добавить совсем немного, чтобы помочь другим увидеть новое в обычном.

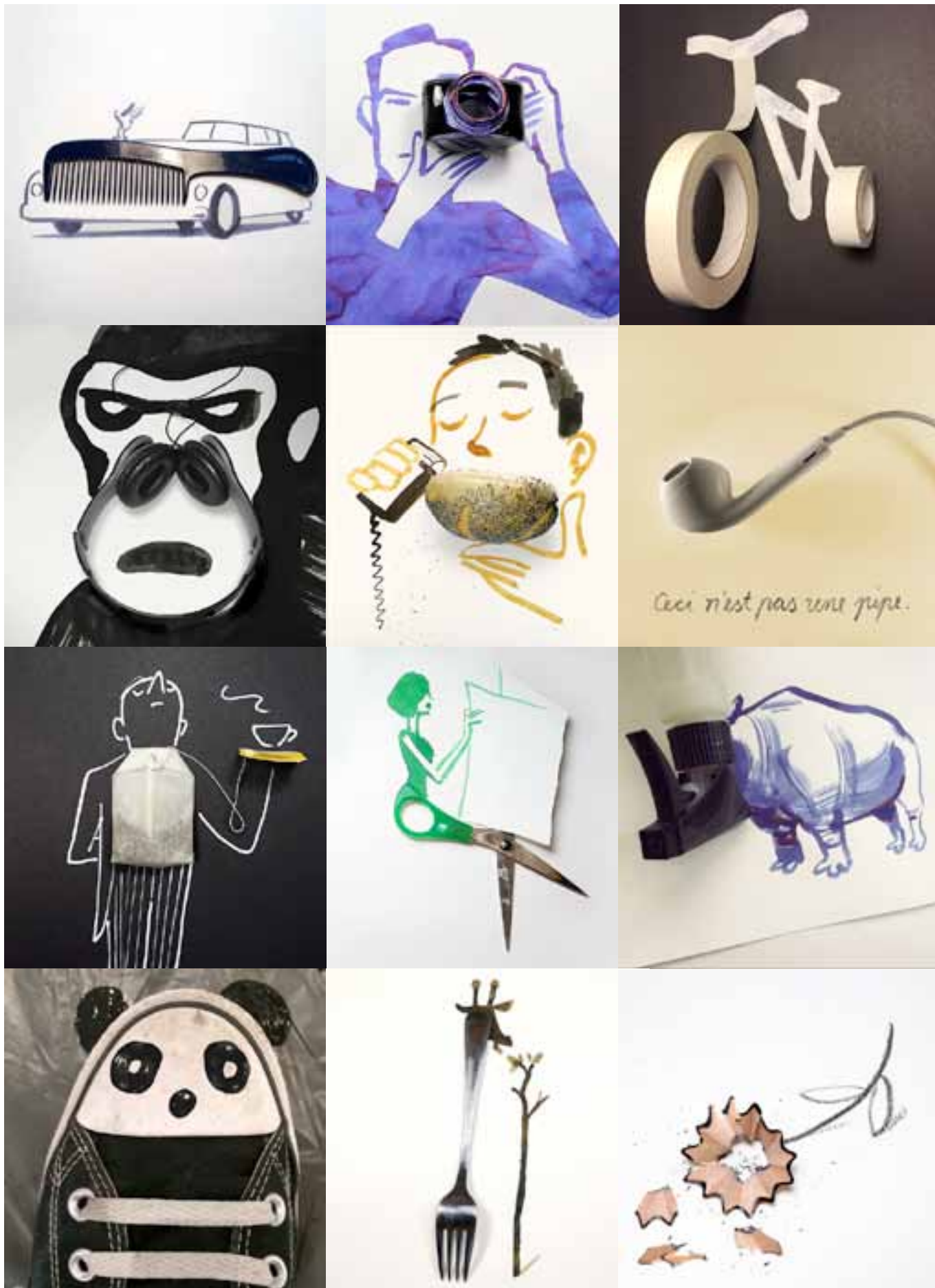
Прекрасная работа Паши 183 (Павел Пухов)

© Роман Коровин «Использованные радуги»

Бесплатные волшебные палочки. Автор неизвестен.

Попробуйте, как Кристоф Ниман, взять любой предмет со своего стола и «дорисовать» его так, чтобы он превратился во что-нибудь другое. Качество рисунка при этом совершенно неважно – лишь бы читалась ваша идея.

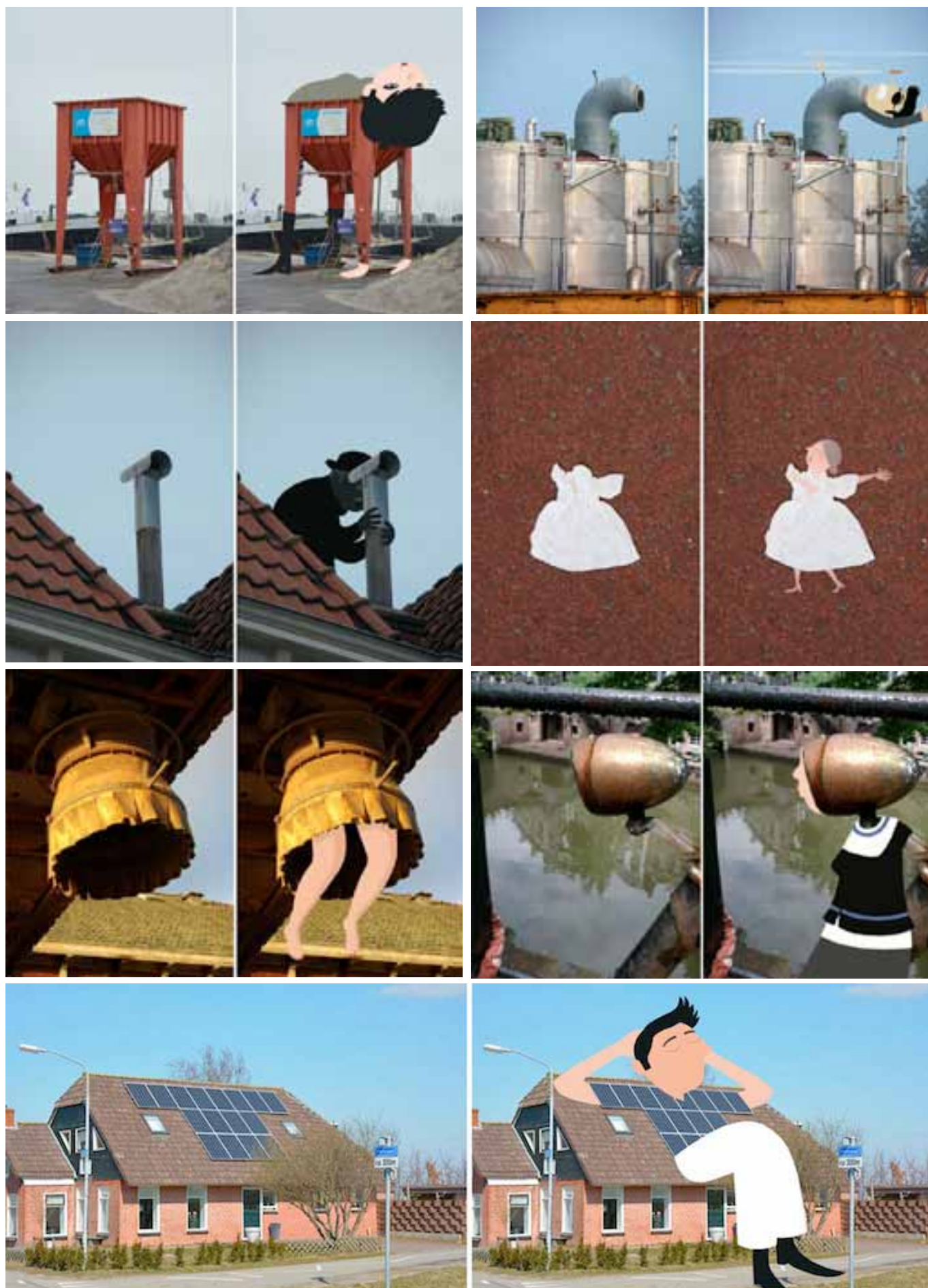
Или, как Кейт Шарп, найдите ассоциативную фотографическую рифму к любому предмету вокруг вас. Для этого достаточно просто сформулировать какой-нибудь признак этого предмета – рифленость, чешуя – и найти им аналог.

Несколько моих работ:

В школе нерадивые ученики часто дорисовывали изображения картин, схем и карт в учебниках. Это порочная практика, тем не менее, прекрасно развивает воображение. Посмотрите на работы Tineke Meirink:

В теории рисунка есть понятие «негативного пространства». Это пространство, не занятое предметами. Оно тоже может подчиняться законам композиции. Точнее – это изнанка композиции. Практически это то же самое, что паузы в музыке.

В фотографии с помощью негативного пространства можно подчеркивать формы и размеры и расставлять смысловые акценты. Посмотрите, что делает из пустого пространства (неба) Thomas Lamadieu:

Очень часто, когда фотограф приезжает в другую страну, у него открывается второе дыхание и третий глаз – все кажется ему интересным и увлекательным, на каждом шагу он находит сотни сюжетов. А потом, после возвращения домой, фотограф как бы слепнет. Все кажется ему пресным, унылым и избитым. Между тем все дело только в личных настройках, которыми можно и нужно управлять. Представьте, например, что вы – инопланетянин, который никогда не был на Земле и у которого есть только несколько часов, чтобы составить о ней свое представление – для вас все в новинку и все необычно – и телеграфный столб и Собор Василия Блаженного. Попробуйте сделать такую серию фотографий – с инопланетной логикой и вкусом. Усложню задание – ваш рост 40 сантиметров.

Честертон как-то придумал слово «мурефок» (mooreeffoc – перевернутое coffe-room). Он использовал его «для обозначения того внезапного остранения давно привычных для нас вещей, когда они вдруг предстают в неожиданном ракурсе».

Пояснение Толкиена: «Мурефок — фантастическое слово, но вы можете встретить его в каждом городе нашей страны. Для разъяснения обратимся, скажем, к такому примеру: сидя в кофейне, вы вдруг видите это слово через стеклянную дверь... Слово «мурефок» может помочь вам внезапно осознать, что Англия — абсолютно чужая вам страна, промелькнувшая когда-то в истории и затерянная в древних веках, либо, наоборот, страна, окутанная туманами такого отдаленного будущего, в котором можно очутиться только с помощью машины времени; вы можете при этом обнаружить, что ее обитатели — удивительно странные и интересные люди, отличающиеся необычными привычками. Однако все это — не более чем действие телескопа времени, сфокусированного на той или иной точке».

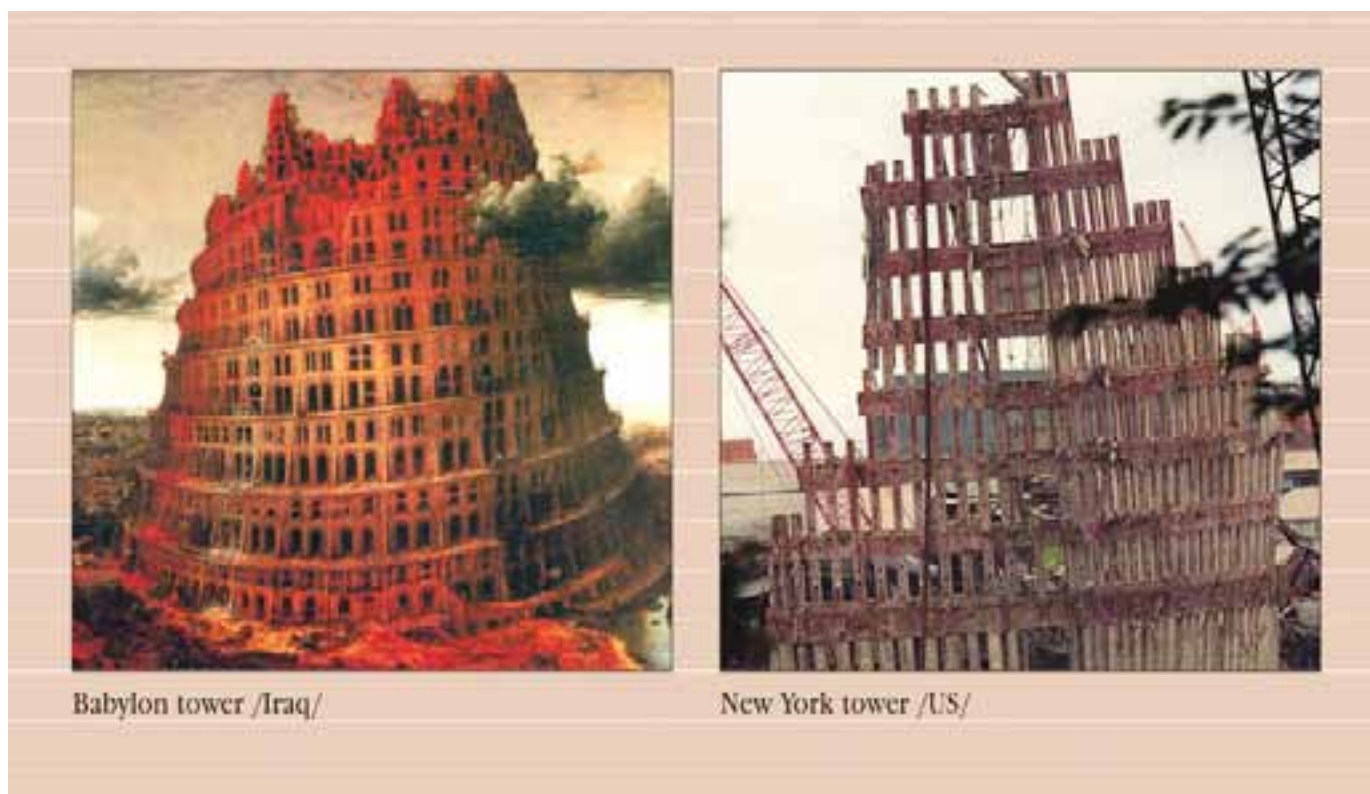
Это очень полезное упражнение – взглянуть на все новыми глазами. Вы начинаете видеть то, что никто не видит.

В Соборе Святого Павла в Лондоне под куполом Шепчущей галереи я увидел исчезающую улыбку Чеширского Кота.

Читая биографию Набокова, я понял, зачем мумифицировали фараонов. Связь с превращением гусеницы в бабочку очевидна. Такая же вера в жизнь после смерти. Такая же надежда на умение летать. Такое же бережное пеленание.

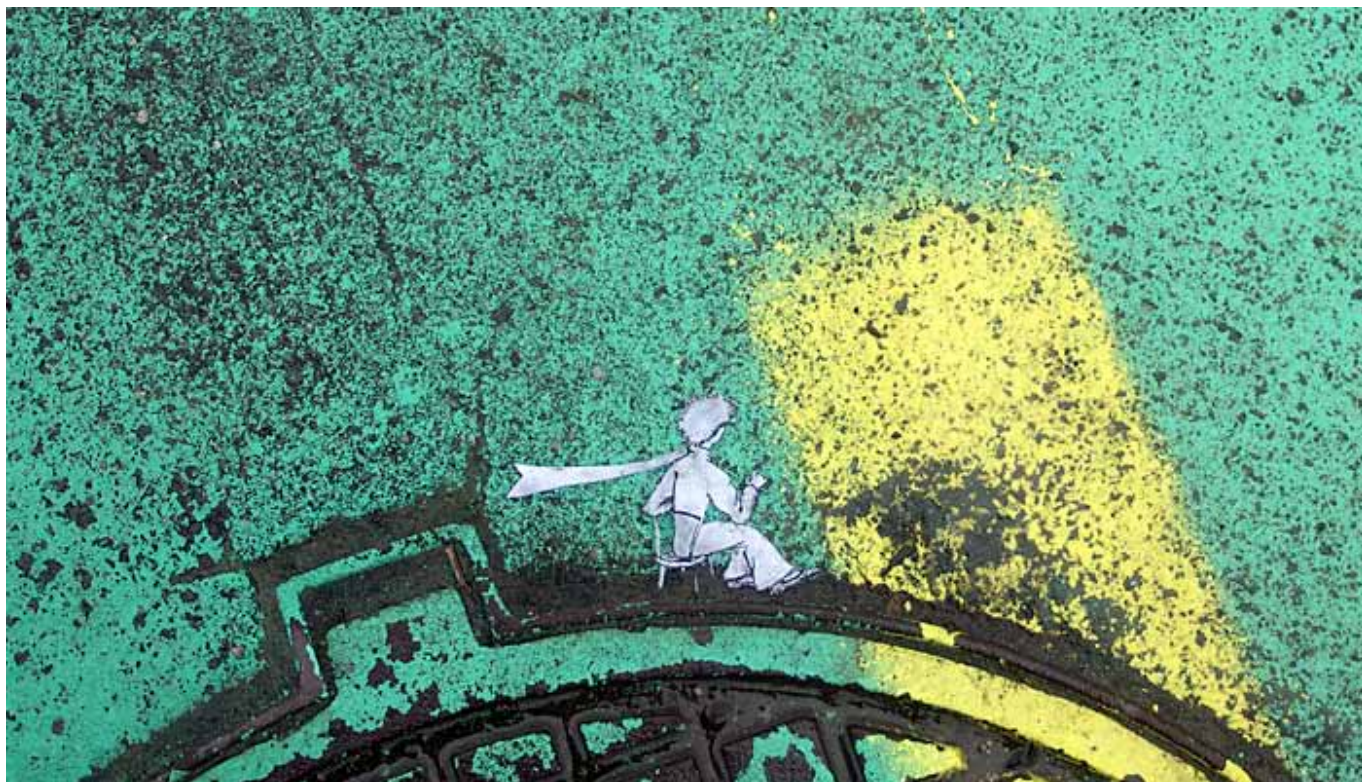

После крушения башень-близнецов 11 сентября 2001 года меня поразило сходство Вавилонской башни Брейгеля с руинами ВТЦ. Война была неизбежна – Вавилон находился в Ираке.

Я совершил самый страшный грех из всех возможных грехов. Я не был счастлив.
Борхес

Не бойтесь выглядеть чужаком в глазах окружающих. Один мой знакомый, занимающий высокий пост в крупной компании, ушел из нее и стал фотографом, когда вдруг осознал, что не смог вспомнить ни одного события за весь прошедший год.

Попробуйте смешивать разные реальности. Распечатайте несколько иллюстраций из вашей любимой книги и найдите им место в городе. Например, вот так:

И тогда, как по волшебству, следы от жевательной резинки на асфальте превратятся в звезды, а канализационный люк станет маленькой планетой с вулканом.

Считается, что очень просто отличить животное-хищника от животного-вегетарианца: у хищников глаза расположены на передней части морды, чтобы видеть жертву. У вегетарианцев – по обе стороны головы, чтобы видеть врага.

Это действительно и по отношению к объективам. Они дают вам редкую возможность смотреть на мир другими глазами:

С длиннофокусным объективом вы становитесь охотником. Осторожно, мягко переступая, приближаетесь, чтобы не спугнуть жертву. И на секунду замираете перед атакой. Кто-то из семейства кошачьих? Хищная птица?

С широкоугольником вы – травоядное. Вы смотрите на мир панорамным взглядом. Вам никогда не придет в голову, что можно подкрадываться к закату.

Возможно, с широкоугольником вы видите мир до грехопадения. А с телевиком – после.

Макрообъектив превращает вас в насекомое. Вы замечаете каплю росы и цветочную пыльцу.

И совершенно очевидно, в кого вы превратитесь с объективом «рыбий глаз».

И только с «полтинником» вы смотрите на мир глазами человека.

Первый снегопад является магическим событием. Вы ложитесь спать в одном мире и просыпаетесь совсем в другом, и если это не волшебство, то что вообще тогда – чудо?

/Дж. Б. Пристли/

Занятие фотографией может излечить человека.

Во многих шаманских обществах, когда к знахарю приходил человек с жалобой на уныние, подавленность или депрессию, ему задавали несколько вопросов:

Когда ты перестал танцевать?

Когда ты перестал петь?

Как давно ты не был очарован чудесными историями?

Как давно ты не пытался найти утешение в тишине?

И кстати, когда вы перестали петь?

В русском языке понятие «фантазия» имеет негативные коннотации – перестаньте фантазировать. Между тем именно люди с хорошо развитой фантазией могут делать мир лучше. Например, множество фасадов домов изуродовано кондиционерами и спутниковыми антеннами.

Придумайте дизайн панели, закрывающей кондиционер.

Это может быть скворечник, маленький шведский домик с красными стенами, лейкопластырь, арт-объект...

Спутниковую антенну можно замаскировать под подсолнух, гриб, летающую тарелку...

5 октября 1793 года во Франции был введен новый Республиканский (революционный) календарь. Он знаменовал разрыв с традициями, дехристианизацию и «естественную религию», ассоциируемую с природой. У новых месяцев были очень красивые названия: жерминаль — месяц прорастания, флореаль — месяц цветения, прериаль — месяц лугов. Каждый день был связан с животным (дни, оканчивающиеся на 5), орудием труда (на 0), растением или минералом (остальные дни).

Попробуйте сделать фотокалендарь хотя бы на несколько дней.

Например – девятое фримера (месяц заморозков) — день можжевельника.

Хорошие фотографы много ходят пешком и стараются все время ходить разной дорогой. А я как-то поставил перед собой задачу – ходить на работу все время одной и той же дорогой и стараться каждый день увидеть там что-то новое. Как и любое ограничение, это прекрасно развивает фантазию и воображение.

Можно добавить к территориальному ограничению и соревновательный эффект – прийти вместе с друзьями и попытаться сделать лучшие снимки на ограниченном пространстве за ограниченное время.

У Бунина в «Жизни Арсеньева» есть пассаж: «...пошел в трактир на Московской. Там выпил несколько рюмок водки, закусывая селедкой; ее распластанная головка лежала на тарелке, я глядел и думал: «Это тоже надо записать – у селедки перламутровые щеки». А хороший фотограф замечает такие вещи везде. Под окном нашего дома стояли мусорные баки. Когда вдалеке начинала гроыхать гроза выходил дворник и накрывал их крышками. Это было похоже на цветы, которые закрывались перед дождем.

Если вы станете фотографом, вы будете знать, когда зацветают яблони и когда появляются одуванчики. Вы будете радоваться как ребенок первому снегу и приближающейся грозе и знать многое о человеке по его походке, одежде и манере держаться. Фотографов трудно обмануть.

Вы будете замечать, что трамваи «стригут» деревья

...что от снега, как от солнца, остаются тени

...что отражения от стекол могут давать человеку еще одну тень

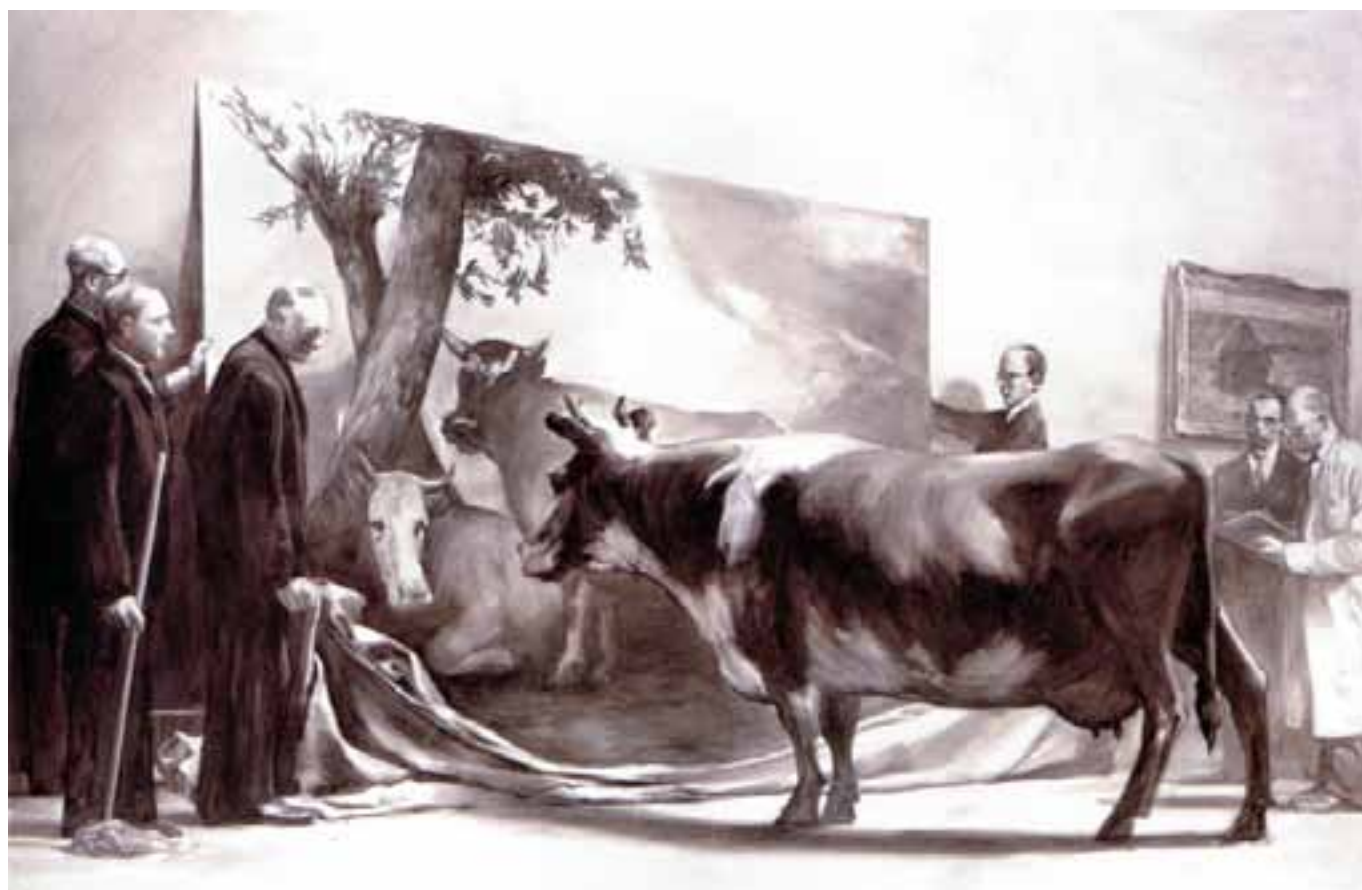

...и мироздание будет постоянно радовать вас

СПАСЕНИЕ ЖИВОПИСИ

*Вопреки распространенному мнению,
художник никогда не опережает свое время,
просто большинство людей находятся далеко позади.*
Варез

Художники встретили появление фотографии с насмешкой – слишком низким было качество изображений. А длительность выдержки позволяла фотографировать только неподвижные объекты. Великий Делакруа как-то снисходительно посетовал на то, что фотография не появилась раньше – она могла бы стать подспорьем для начинающих художников. Но, как мне кажется, именно появление фотографии спасло живопись. Точнее вывело ее из бесконечного тупика реализма.

Практически вся живопись до начала XIX века была реалистической. Мастерство художника определялось тем, насколько похоже он копирует действительность. Нарисовано похоже – значит это хороший художник.

Сохранилось множество историй о критериях мастерства живописца. Древнегреческий художник Зевксис однажды написал мальчика, держащего кисть винограда. Когда картину выставили на всеобщее обозрение, к ней стали слетаться птицы и клевать виноград. Зрители стали рукоплескать художнику, а он был очень недоволен тем, что недостаточно хорошо написал мальчика – птицы его не боялись.

В другой легенде, Зевксис и Паррасий решили так: каждый из них нарисует картину, принесет ее на площадь. И какая из работ будет оценена выше, тот и победит. В назначенный день художники принесли на площадь картины, закрытые покрывалом. Один снял покрывало, и летающие над ним птицы начали клевать гроздь винограда, написанную творцом, до того она была реалистична. Когда же второго художника попросили снять покрывало с картины, он сказал, что сделать этого не может, потому что покрывало нарисовано. Тогда оппонент склонил перед ним голову и произнес: «Ты победил. Я смог обмануть глаза птиц, а ты обманул глаза живописца».

Но реализм – вовсе не единственный (и уж совершенно точно – не самый интересный) способ творческого самовыражения. Отход от реализма был связан со стремительным прогрессом фотографии.

Если сначала сюжетом большинства дагеротипов были достопримечательности Парижа: отели, здания, железнодорожные вокзалы, то потом на снимках начали появляться люди. Очень скоро стало очевидно, что фотографии недостаточно городских видов или природы, что людей интересуют прежде всего они сами. Повышение чувствительности позволило перенести съемки в студию. А потом и отказаться от специальных устройств, помогающих клиенту сохранять длительную неподвижность, необходимую для съемки. И художники начинают осваивать новую технику.

В 1863 году Российская Императорская Академия художеств проводила ежегодный конкурс на Большую золотую медаль. Победитель получал право на шестилетнее пенсионерство в Италии. Пенсионеры Академии получали в год 1500 рублей золотом, что составляло почти 6000 рублей ассигнациями.

После объявления темы конкурсантов на сутки запирали в изолированных мастерских, где они за 24 часа должны были нарисовать эскиз будущей картины. Претенденты дважды просили изменить условия конкурса и предоставить им свободный выбор сюжета. Их просьбы остались без ответа.

В 1863 году лучшие выпускники, награжденные к началу конкурса малой золотой медалью Академии «За успех в рисовании», должны были нарисовать «Пир в Валгалле» – на троне бог Один, окруженный богами и героями; на плечах у него два ворона; в небесах, сквозь арки дворца Валгаллы, в облаках видна луна, за которой гонятся волки. И все художники, кроме одного, отказались участвовать в конкурсе. Это был знаменитый Бунт четырнадцати.

Они организовали Санкт-Петербургскую артель художников. Артельщики сообща снимали квартиру, в которой, кроме комнат были три большие общие художественные мастерские. Художники отдавали в общую кассу 10% от каждой самостоятельно проданной работы и 25% от совместно выполняемых работ. И они приняли совместное решение приобрести фотографический аппарат за огромные деньги – 150 рублей серебром. Выпускник Академии, работавший преподавателем искусств, в то время получал 135 рублей в год. С использованием фотоаппарата художники писали не только портреты аристократии и богатого купечества, но и самого царя и членов царской семьи.

Для написания картин камеру используют Дега и Делакруа, Ван Гог и Гоген, Сезанн и Муха. Если с появлением такого предмета обихода, как зеркало возникает понятие рефлексии, то массовая фотография совпадает с появлением психоанализа. С осознанием тождества между человеком и его изображением на фотокарточке связана красивая история из книги Виктора Папанека «Дизайн для реального мира». «В начале Первой мировой войны в Галиции и Польше, на окраине старой Австро-Венгрии деревенские фармацевты бойко торговали фотографиями мужчин-моделей. Каждый из этих лукавых лавочников имел в продаже четыре стопки маленьких фотографий размером десять на пятнадцать сантиметров. На одной фотографии – чисто выбритый мужчина, на второй – мужчина с усами. На третьей – с большой бородой, на четвертой – мужчина с усами и бородой. Молодой человек, призванный на военную службу, покупал одну из четырех фотографий, которая наиболее подходила к его лицу, и дарил ее своей жене или возлюбленной на память. И это срабатывало! Потому как изображение даже постороннего человека, с правильной формой усов больше походило на лицо уезжающего мужа, чем что-либо еще».

Именно фотография помогает художникам-реалистам «остановить время» чтобы более правдоподобно изображать, например, движение лошади.

Внизу:

репродукция картины

«Скачки в Эпсоме»

Жерико Жан-Луи-Теодор

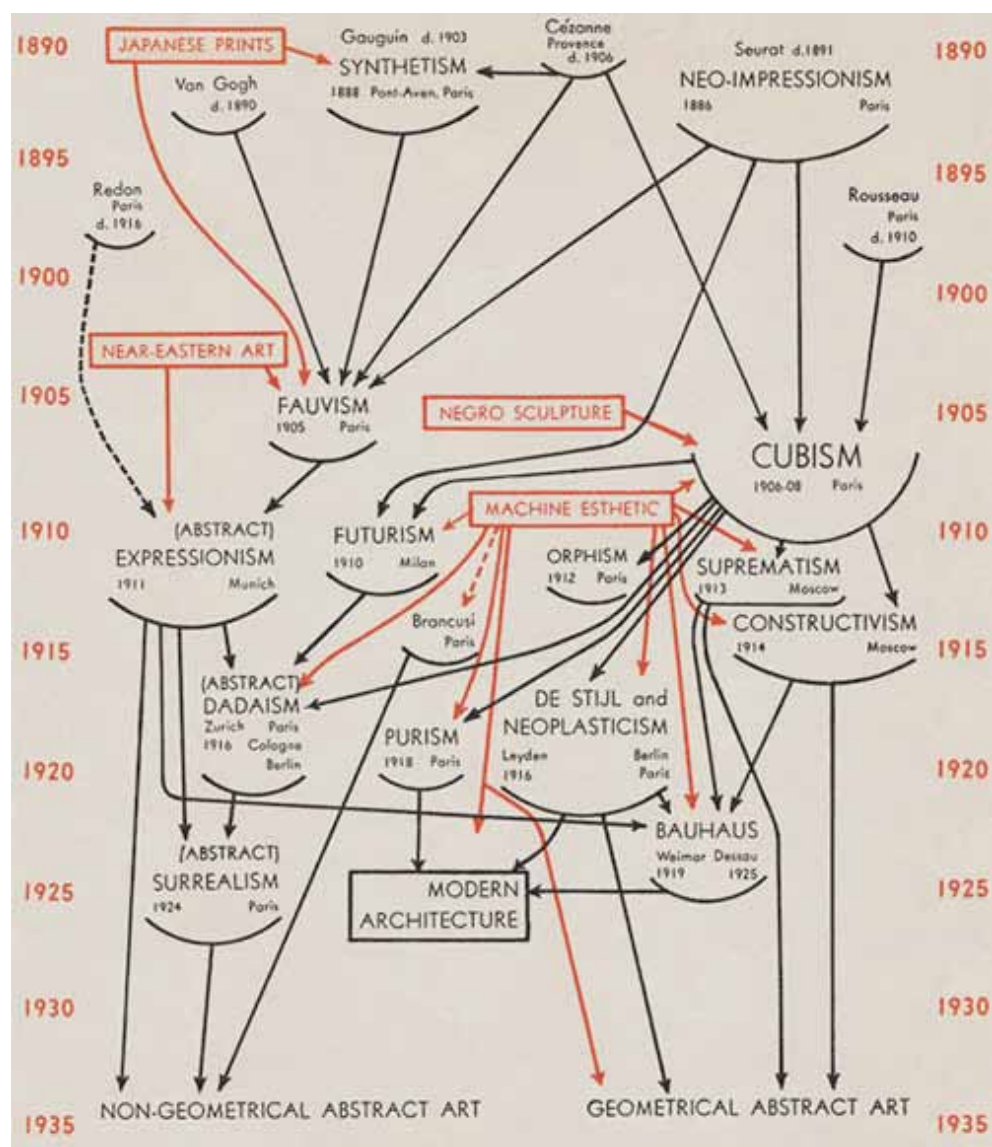

Но для живописи фотография оказалась и сильнеешим испытанием. Представьте на минуту: живописцу нужно было много лет учиться в Академии, ставить рисунок, ездить на пленеры, делать бесчисленные наброски, сеанс портрета мог занимать несколько недель, некоторые картины писались годами... и тут приходит фотограф, который делает точную копию реальности. В сто раз быстрее и, самое главное – в сто раз дешевле.

Правда, первые дагеротипы были чрезвычайно дороги: к примеру, в Берлине в 1844 году цена пластинки четвертного размера составляет около двух талеров – это заработок берлинского плотника за две недели (и этих денег едва хватает, чтобы свести концы с концами). Но цены начинают стремительно падать. Например, в Нью-Йорке, где клиенты придавали куда большее значение техническому качеству снимков, нежели роскошному антуражу, портреты были сравнительно дешевы: в 1846 году дагеротип (разумеется, малого формата) мог стоить всего один доллар, включая кожаный футляр или рамку.

Число профессиональных дагеротипистов и зарегистрированных ателье быстро растет, конкуренция также способствует снижению цен. Так, число жителей Нью-Йорка выросло за 1840-1850 годы с 300 до 500 тысяч человек, что же касается фотоателье, то в 1846 году их было 16, в 1850 уже 59, в 1851 – 71, а в 1853 – более 100. (Мишель Фризо «Новая история фотографии»). Обыватели начинают привыкать к возможности просто и быстро увековечить себя на снимке.

И все. Небывалый реализм фотографии, с которым художнику-реалисту конкурировать практически невозможно, заставил живопись принципиально измениться.

Возможно, фотография оставила без куска хлеба сотни талантливых художников. Но она дала мощный толчок, (а точнее – пинок под зад), развитию изобразительного искусства.

Живопись перестала быть классической. Появились импрессионизм, фовизм, постимпрессионизм, авангардизм, экспрессионизм, кубизм, абстракционизм, супрематизм, конструктивизм, сюрреализм, поп-арт... и еще десятки направлений. Художник перестал только копировать мир, иногда приукрашивая его, и стал рисовать то, что он чувствует, то, что он понял и то, что он смог себе представить.

Уильям Тернер

«Метель. Пароход выходит из гавани и подает сигнал бедствия, попав в мелководье»

Появляется Уильям Тернер – предтеча импрессионизма. Он начинает писать в классической манере и быстро добивается признания. Тернера сравнивают с Рембрандтом. В 1802 году он становится самым молодым художником, удостоившимся звания королевского академика. Тернер занимает должность профессора перспективы в Королевской академии.

Но ему становится тесно в рамках реализма. Викторианская публика, воспитанная на классическом понимании искусства, начинает все резче критиковать Тернера. Некоторые его работы граничат с абстракционизмом. Они создают художнику репутацию сумасшедшего. Королева Виктория отказывает ему в возведении в рыцарское достоинство.

Тернер все время ищет возможность посмотреть на мир «незамыленным» взглядом. В 1842 году он пишет картину «Метель. Пароход выходит из гавани и подает сигнал бедствия, попав в мелководье». Во время бури Тернер был на этом корабле. Он упросил матросов привязать его к мачте (а ему в это время было уже под семьдесят). На целых четыре часа. Насквозь промокший и замерзший он впитывает в себя впечатления: «Я не надеялся уцелеть, но я считал своим долгом дать отчет об этом, если уцелею».

Уильям Тернер. «Дождь, пар и скорость»

В 1844 году Тернер пишет одну из самых своих известных работ – «Дождь, пар и скорость». Чтобы посмотреть иначе на мир, он высовывается из окна мчащегося во время дождя поезда, а потом зарисовывает увиденное.

Затем появляются импрессионисты. Первоначально этот термин был ругательным. Французский критик Луи Леруа, побывавший на первой выставке импрессионистов, написал ядовитый фельетон «Выставка художников-впечатленцев». В нем он прицепился к Клоду Моне, который одну из своих картин назвал «Впечатление. Восход солнца». Он ругал Моне за такое отношение к искусству: «Я не вижу никакого восхода, одно только впечатление». Художники приняли вызов, сделав слово импрессионисты своим названием.

За право смотреть на мир по-новому художники подвергались серьезной травле со стороны прессы и обывателей. И нужно было обладать незаурядной смелостью и чутьем, чтобы отважиться вложить деньги в новое искусство. Наш великий меценат Иван Морозов купил 278 французских картин и 23 скульптуры за 1 410 665 франков (чуть больше полумиллиона рублей). Например, «Девочку на шаре» Пикассо за 16 000 франков. Сегодня ее стоимость около \$200 000 000. А по оценке Сотбис стоимость его коллекций на сегодняшний день составляет около \$5 000 000 000. Стоимость коллекции Сергея Щукина еще выше – \$8 500 000 000.

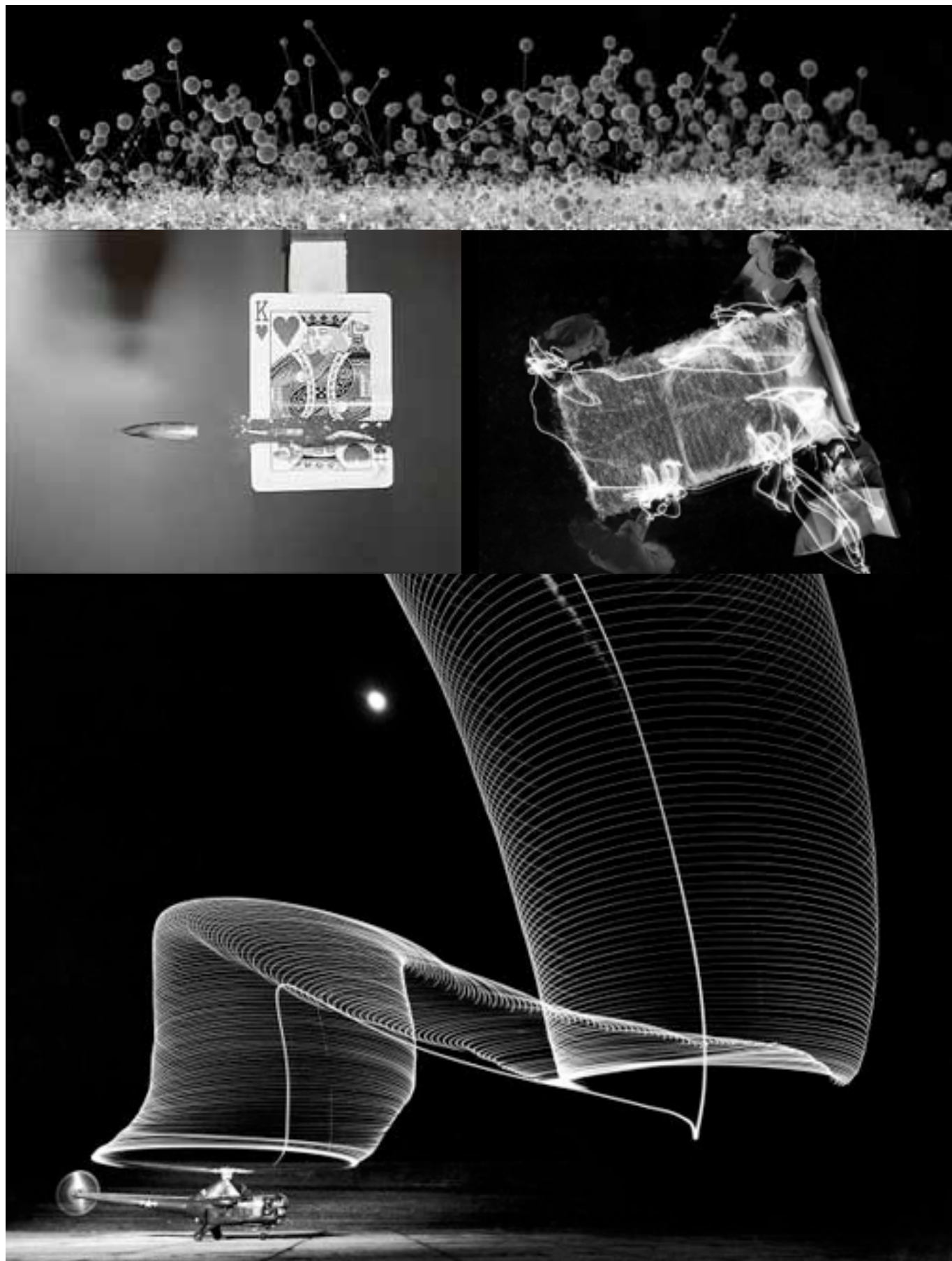
Фотография невероятно расширила наши представления о мире. Начну с мелочей. Например, на рисунках часто изображают стремительно несущийся автомобиль с овальными, а не круглыми колесами. Овальные колеса на старых фотографиях объясняются низкой скоростью работы затвора в шторных фотокамерах. Это было время повального увлечения скоростью и считалось, что такое искажение как нельзя лучше подчеркивает стремительность. Потом из фотографии овальные колеса плавно переселились в комиксы.

Идея передачи скорости через смазанность рисунка также идет из фотографии.

Джакомо Балла. Динамизм собаки на поводке. 1912

С помощью фотографии мы можем видеть остановившееся и ускоренное время, макро- и микромир, мы можем сохранить свои впечатления и увидеть места, в которых мы никогда не бывали. Делать зарубки на память и видеть, как растут наши дети и как стареют наши родители. Никто до нас не видел утонувший «Титаник» и восход на Марсе. Не будет преувеличением сказать, что современной науки не было бы без фотографии.

Алексей Титаренко. Черная и белая магия Санкт-Петербурга

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Все, что нужно для фильма — это пистолет и девушка.
Жан-Люк Годар

© Steven Klein

Немного упрощая, можно сказать, что суть фотографии — производить впечатление. Генерировать эмоции. Сопереживать. И в этом фотография может многое позаимствовать у других родов человеческой деятельности, производящих впечатление — у литературы, поэзии, кинематографа, живописи, современного искусства. Принципы те же.

Сьюзан Зонтаг считала, что писатель должен состоять из четырех человек:

1. Одержимого
2. Глупца
3. Стилиста
4. Критика

Первый предоставляет материал, второй позволяет ему выйти наружу, третий отвечает за вкус, четвертый — за интеллект. В великом писателе присутствуют все четыре, но вы все равно можете быть хорошим писателем, если в вас есть только первые два, потому что они самые важные.

Это же действительно и для фотографа. Он должен быть одержимым и снимать очень много. За счет этого профессионалы и выигрывают у любителей – они снимают на порядок больше. И даже если их талант примерно одинаков, шансы профессионала на удачный снимок намного выше. Я слышал рассказ про фотографов National Geographic, которым перед поездкой в командировку выдавался большой блок фотопленок – с расчетом на то, что в результате фотограф привезет одну-две удачные фотографии. Снимайте как можно больше.

Фотограф должен не бояться критики и показывать свои работы. Как говорил Анри Картье-Брессон: «Ваши первые 10 000 фотографий будут самыми плохими». Но показывайте только лучшее из лучшего. Хорошие фотографии из сотни сделанных снимков показывают не более одного-двух. Это работа вашего внутреннего стилиста. Одна из самых полезных практик – разбор сделанных снимков. Что можно было улучшить? Как встать? Как изменить ракурс?.. Это как в шахматах – шахматисты обязательно разбирают сыгранные партии, стараясь улучшить свою игру.

Фотографу трудно беспристрастно оценивать свои фотографии. Он слишком сроднился с ними. В английском есть хорошее слово «калопсия» – иллюзия, что вещи выглядят более красивыми, чем в действительности. Так женщины кажутся гораздо привлекательнее перед самым закрытием бара. Особенно часто калопсии подвержены фотографы, которые любят рассуждать о своем творчестве.

И любой фотограф может угодить в ловушку общественного мнения, когда у него появляется собственный стиль. Когда его начинают хвалить за узнаваемые фотографии. Если автор поддается этому давлению, он заканчивается как художник и начинает повторяться. Но настоящие фотографы не боятся идти наперекор мнению критики – они все время меняются, хотя сделать это невероятно сложно. За свою жизнь великий японский художник Хokusай больше 50 раз менял имя, каждый раз делая это имя известным, и каждая перемена означала новый период творчества.

Маргарет Этвуд давала совет для писателей, действительный и для фотографов: «Единственный способ писать правду заключается в предположении, что все написанное никто никогда не прочтет. В противном случае вы начнете оправдывать себя. Пишите так, как будто вы пишете правой рукой, а левой тут же стираете написанное».

Фотограф может многому научиться у мастеров современного концептуального искусства. Даже если вы относитесь к нему как к эпатажу или шарлатанству, согласитесь, что оно умеет производить впечатление:

1953 — Роберт Раушенберг выставил «Стертый рисунок Де Кунинга» — рисунок Виллема Де Кунинга, который Раушенберг стер. Он поднял многие вопросы о природе искусства, дав возможность зрителю решать, может ли стертая работа другого художника быть творческим актом, может ли быть эта работа искусством только потому, что знаменитый Раушенберг стер ее.

1957 — Ив Клейн объявил, что его живопись теперь невидима и демонстрировал ее в пустой комнате. Эта выставка была названа «Поверхности и уровни невидимой живописной чувствительности».

1961 — Роберт Раушенберг послал телеграмму в Galerie Iris Clert, в которой говорилось: «Это портрет Iris Clert, если я так утверждаю», в качестве своего вклада в выставку портретов.

1961 — Пьеро Мандзони выставил свое собственное дыхание (в воздушных шарах) как Bodies of Air, а также подписывал тела других людей, объявляя их живущими произведениями искусства.

1962 — Работа Христо Явашева «Железный занавес»: баррикада из бочек для нефтепродуктов на узкой улице в Париже, которая создала большую пробку. Произведением искусства была не сама баррикада, а автомобильная пробка.

1962 — Пьеро Мандзони создал «Основание мира», выставив планету как собственное произведение искусства. Это был постамент, на котором надпись «Основание мира» была перевернута, и для того, чтобы прочесть ее, приходилось наклонить голову – получалось, что весь земной шар действительно покоится на этом основании.

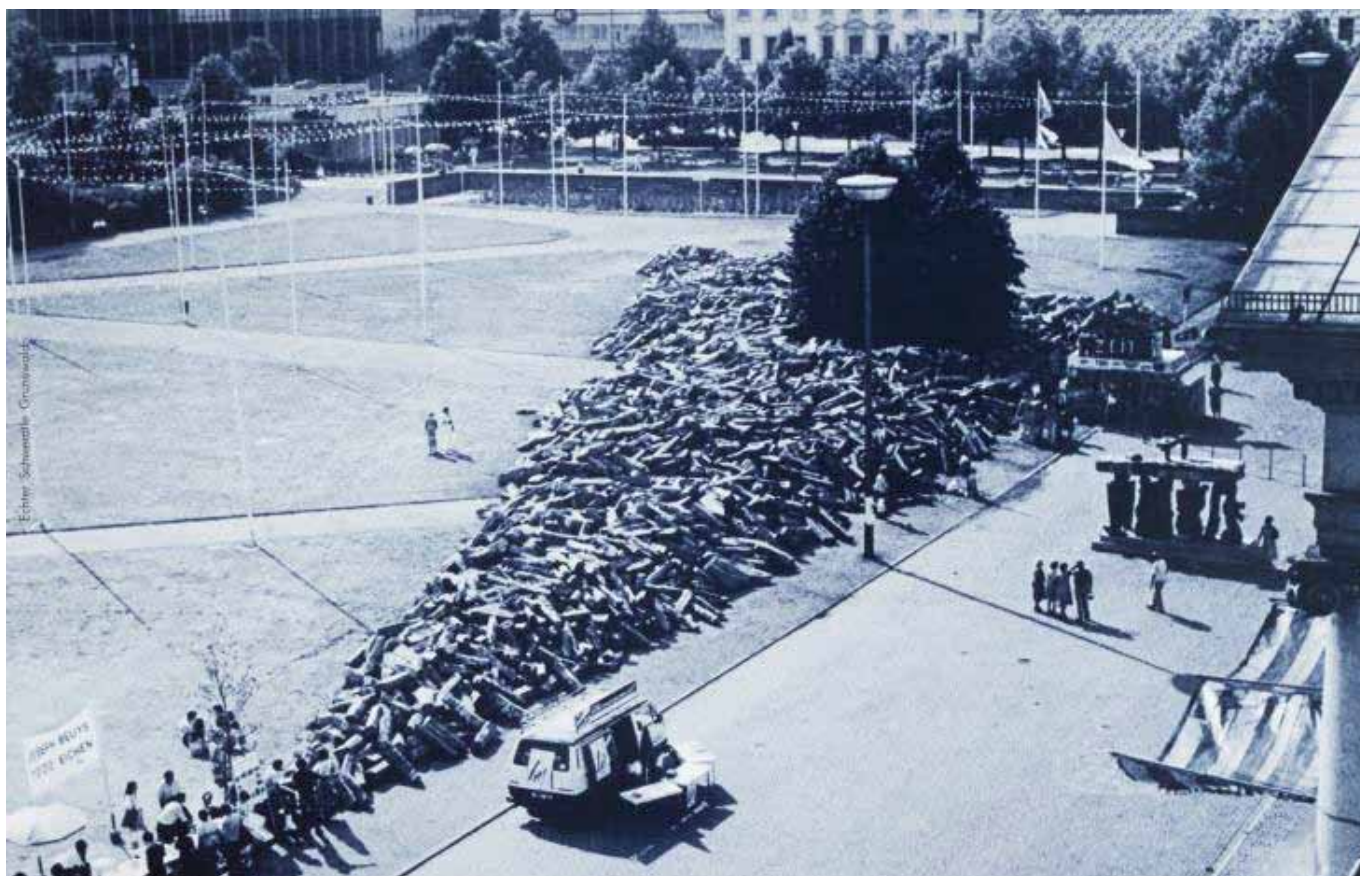
1972 — Fred Forrest купил кусок пустой площади в газете Le Monde и пригласил читателей заполнить ее своими собственными рисунками.

В 2000 году провокационный художник Марко Эваристти провел перформанс в художественной галерее Trapholt (Дания). Посетители увидели десять блендеров, в каждом из которых плавала золотая рыбка. Любой из зрителей мог нажать на кнопку и уничтожить ее.

Через час один из посетителей нажал на кнопку. Тут же была вызвана полиция, которая отключила электричество. Директор галереи был обвинен в жестоком обращении с животными, предстал перед судом и был оштрафован на 2000 датских крон (269 евро).

Подождите секунду. Не читайте дальше. Прислушайтесь к своим ощущениям от этой истории.

Самое интересное было в том, что посетители галереи фактически разделились на три группы. Был садист-зритель, решивший нажать кнопку. Были многочисленные зрители-вуайеристы. А остальные были моралистами, осуждающими псевдоискусство. Но никто не заставлял никого убивать рыбок. Зрители фактически сами создали такую напряженную атмосферу, что один из них не выдержал и нажал кнопку.

В 1982 году немецкий художник Йозеф Бойс привез и свалил перед зданием музея города Кассель 7000 базальтовых блоков. С условием – можно было убрать один блок, только посадив в городе один дуб. Через пять лет в городе росли 7000 дубов.

В 1977 году на площади Фридриха в немецком городе Кассель была установлена буровая вышка. За 79 дней она пробурила скважину глубиной в один километр. Потом в эту скважину опустили латунный стержень диаметром 5 сантиметров и длиной 1 километр.

И все это прикрыли массивной плитой с отверстием в центре. Сегодня это выглядит вот так: Это работа американского скульптора Уолтера Де Мария «Вертикальный километр».

Может быть миллиард лет назад кимберлитовые трубки тоже были произведением искусства.

А художник Мартин Киппенбергер построил воображаемую систему метро с реальными входами по всему миру. Он считал, что хороший художник первым обнаружит фальшь и сделает ее заметной для других. Плохой будет еще долгие годы цепляться за привычное и комфортное, оправдывая свою ложь традицией и другой «высокой» фигней.

*Прежде чем жаловаться на недоступность современной поэзии,
стоит спросить себя, сколько раз вам вообще удавалось
искренне и глубоко поделиться личным опытом.*
Уистен Хью Оден

Работа Петра Рейхета в соавторстве с Александром Тиме – «Ковер-самолет». 1989

Если же современное искусство вам претит – вернитесь к классике.
Классическая живопись – прекрасное пособие по изучению сюжета, композиции и света.

*Покуда эта женщина в Риксмузеум
в написанной тишине и в средоточенье
молоко из кувшинчика в миску
каждодневно переливает,
Свет не заслуживает
конца света.*

Вислава Шимборская

«Молочница» (Девушка/женщина/
служанка с кувшином молока»,
«Кухарка»)).
Вермеер Делфтский.
1658-1660

«Тонущая Собака». Франсиско Гойя. 1819
Сила почти пустого холста и трагического сюжета

Даже на один и тот же сюжет один и тот же автор может смотреть по-разному. У Гюстава Доре было две версии картины «Семья акробата» – ребенок, умирающий на руках у матери. За кадром осталось цирковое представление, во время которого ребенок получил травму. Одна версия «земная», а другая «инферральная».

Уинстон Черчилль в ответ на известие, что государственное финансирование культуры будет сокращено из-за начала войны, воскликнул: «Так за что же тогда, черт возьми, мы будем сражаться?»

Эгон Шиле, австрийский художник (1890–1918). В семнадцать лет он нашел своего идола, Климта, и показал ему некоторые из своих рисунков: «В них есть талант?» «Да», – ответил Климт, – «Даже слишком много!»

В книге «Как продать за \$12 млн чучело акулы» приведены правила, определяющие восстребованность картин. Интересно, будут ли они работать для коммерческой фотографии?

Какого рода работы лучше растут в цене? Портрет привлекательной женщины или ребенка будет стоить дороже, чем портрет пожилой женщины или несимпатичного мужчины.

Christie's утверждает, что можно распределить цвета от наилучшей продаваемости к наихудшей: красный, белый, голубой, желтый, зеленый и черный.

Яркие цвета продаются лучше, чем блеклые.

Горизонтальные картины – лучше, чем вертикальные.

Обнаженная натура дороже, чем скромность, а обнаженное женское тело – дороже, чем мужское.

Сюжетные работы продаются лучше, чем пейзажи.

Натюрморт с цветами стоит дороже, чем с фруктами, а роза – дороже, чем хризантема.

Спокойная вода на картине увеличивает ее стоимость, бурная вода – уменьшает. Кораблекрушение стоит еще дешевле.

Чистокровные собаки дороже дворняжек, скаковые лошади дороже упряжных.

Если на картине присутствует дичь, то чем дороже обходится охота на нее, тем больше она увеличивает стоимость картины; к примеру, рябчик втрое дороже утки.

Существует и более конкретное правило: картины с коровами никогда не продаются по хорошей цене. Никогда!

Еще одна важнейшая вещь, которой можно и нужно учиться у классической живописи – это свет (и цвет). От света зависит все. И саму фотографию сначала называли «светопись». Все, что вы видите вокруг себя – это прямой или отраженный свет. Свет бывает утренним, дневным, вечерним и сумеречным. Свет может падать фронтально, диагонально, сбоку, может быть контровым и зенитным. Свет может быть фоновым, заполняющим, контурным, моделирующим и немного рассеянным. Портреты великолепно получаются, когда солнце находится низко – оно освещает все волшебным «золотым» светом.

Великий Клод Моне рисовал Руанский собор более пятидесяти раз, каждый раз восхищаясь, как меняется здание при разном освещении.

В 1938 году Элизабет Беррис-Майер выпустила небольшую книжку «Исторический путеводитель цвета». Интересна сама идея – упростить цветовую палитру эпохи до нескольких доминирующих цветов. В эпоху Людовика XV моду диктовала Жанна-Антуанетта Пуассон – маркиза де Помпадур. В эпоху Наполеона моду на цвет устанавливала Жозефина. Ван Гог скрестил европейскую живопись с японской гравюрой. Морис Дени сказал о Гогене: «Он освободил нас от всех ограничений, которые накладывала на нас идея копировать природу».

Интересна история происхождения самого понятия – цвет. Сначала в любой цивилизации появляются слова, обозначающие «темное-светлое». Следующим словом обязательно будет «красный» – цвет крови (кстати, гораздо более позднее слово «червонный» происходит от слова «червь» – от кошенильного червеца, из самок которых добывали красный краситель кармин).

Следующая группа – желтый (желчь) и зеленый (кстати, у травоядных желчь зеленого цвета) и, возможно – синий. Хотя очень многие народы не различают синий и зеленый. У греков это был цвет моря. В Казахстане одним словом обозначают цвет голубого неба и цвет молодой травы.

Затем идет коричневый (кора). Потом оранжевый, фиолетовый... и так далее.

История восприятия цвета хорошо видна на количестве выделяемых цветовых сегментов радуги. Аристотель различал только три цвета радуги: красный, зеленый и фиолетовый. В 1073 году киевский летописец писал: «В радуге суть червеное, и синее, и зеленое, и багряное». В старофранцузском не было названий самих цветов – оранжевого и фиолетового. Не было их и в русском. Ньютон сначала выделил в радуге только пять цветов (красный, желтый, зеленый, голубой и фиолетовый), но затем, из соображений гармонии, увеличил их до семи (интересен перевод Кантемира: фиалковый – пурпурный – голубой – зеленый – желтый – рудо-желтый – красный).

На одном цвете может держаться все – картина английского художника Фредерика Лейтона «Пылающий июнь». 1895

В мифах индейцев Южной Америки есть история про то, как черно-белый мир стал цветным.

У Юрия Лотмана есть история про Питера Устинова. Когда режиссера спросили, почему он снял «Билли Бадда» черно-белым, а не цветным, он ответил, что ему хотелось, чтобы фильм был правдоподобнее. Любопытен и комментарий А. Монтегю: «Странный ответ, но еще более странно, что никто не нашел в нем ничего странного».

В китайской живописи был период, когда художники почти полностью отказались от цвета. Считалось, что черной тушью можно передать практически все, а цвет только отвлекает (напрашиваются параллели между цветной и черно-белой фотографией).

Я читал историю про китайского художника, у которого закончилась черная тушь и он изобразил росток бамбука красной. Коллеги подняли его на смех:

– Где ты видел красный бамбук?

– Простите, а где вы видели черный бамбук?

Клод Моне. «Водяные лилии в пруду». (1915-1926)

Под конец жизни у Клода Моне развилась катаракта. Зрение резко ухудшилось, Моне жаловался друзьям на сильные боли и на то, что видит все как в тумане. И в возрасте 82 лет он дал согласие на удаление хрусталика в левом глазу. Теперь свет мог беспрепятственно проникать через отверстие (афакия). У людей в глазах находятся три пигмента, реагирующих на синий, красный и зеленый цвета, каждый пигмент отвечает за определенный цвет. При этом пигмент может реагировать и на цвет, относительно близкий спектрально к тому, за который он отвечает. Пигмент, реагирующий на синий, реагирует и на фиолетовый, но слабее, и совсем слабо на ультрафиолетовые волны. У большинства людей хрусталик в глазу не пропускает ультрафиолетовую часть спектра, однако у художника, после удаления хрусталика, глаз стал реагировать на ультрафиолет.

И Моне стал видеть ультрафиолет как лиловый или голубой цвет. Лилии, которые мы видим белыми (во всяком случае, большинство из нас), он видел светло-голубыми.

Цвет довольно быстро становится явлением символическим. Например, в геральдике используются всего семь цветов. Первоначально их было только четыре: красный, синий, черный и белый, но затем были добавлены еще три цвета: зеленый, желтый и пурпурный.

В прекрасной книге Мишеля Пастуро «Символическая история европейского средневековья» приводится история возникновения предубеждения против рыжих.

Иуду Искарриота часто изображают рыжим только на том основании, что в Германии начиная с XII века его прозвище Искарриот (по-немецки Ischariot) – человек из Кариота, поселения южнее Хеврона – было разложено на *ist gar rot* (то есть «совершенно красный»). И красный стал цветом Иуды: в его сердце полыхает адское пламя, и изображать его следует с пламенеющими волосами, то есть рыжеволосым, ибо рыжий цвет является знаком коварной природы и свидетельствует о его предательстве.

ФОТОГРАФИЯ И ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Быть мрачным и непонятным очень просто.

Охрещенно трудно быть добрым и ясным.

Стивен Содеберг

Фотография в своем развитии старательно копировала огнестрельное оружие. Оба эти процесса были сначала очень сложными. Для зарядки огнестрельного оружия солдаты должны были последовательно выполнить целый ряд команд: 1. Заряжайте оружие. 2. Откройте полку. 3. Возьмите патрон. 4. Разорвите патрон. 5. Насыпьте порох. 6. Закройте полку. 7. Оружие налево. 8. Патрон в ствол. 9. Выньте шомпол. 10. Прибейте. 11. Вложите на место шомпол. 12. На плечо. 13. Изготовьте оружие. 14. К щеке. 15. Огонь.

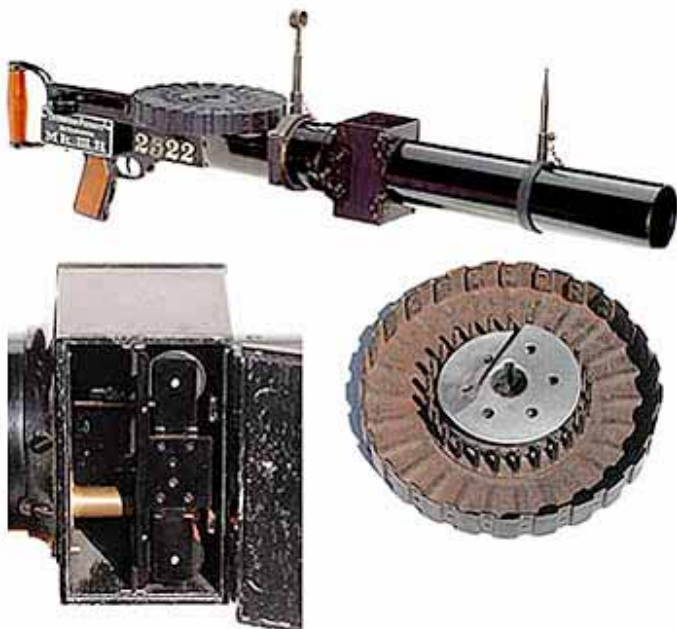
Зарядка камеры была еще сложнее: 1. Тонкий лист серебра припаивался к толстому листу меди. 2. Серебряная поверхность полировалась до блеска. 3. Серебряная пластина в темноте обрабатывалась парами йода, благодаря чему становилась чувствительной к свету. 4. Подготовленная пластина помещалась в темноте в фотокамеру. 5. Камера устанавливалась на треногу, выносилась на улицу и направлялась на любой неподвижный предмет, освещенный ярким солнцем. 6. Объектив открывался на время от 15 до 30 минут.

Прогресс был стремительным. В обоих случаях все началось с упрощения и унификации. И оружие и камеры перестали быть штучными изделиями. То, что можно было взять барабан от одного револьвера и вставить его в другой, сначала выглядело как чудо. Потом это стало нормой. Запчасти для камер тоже стали взаимозаменяемы.

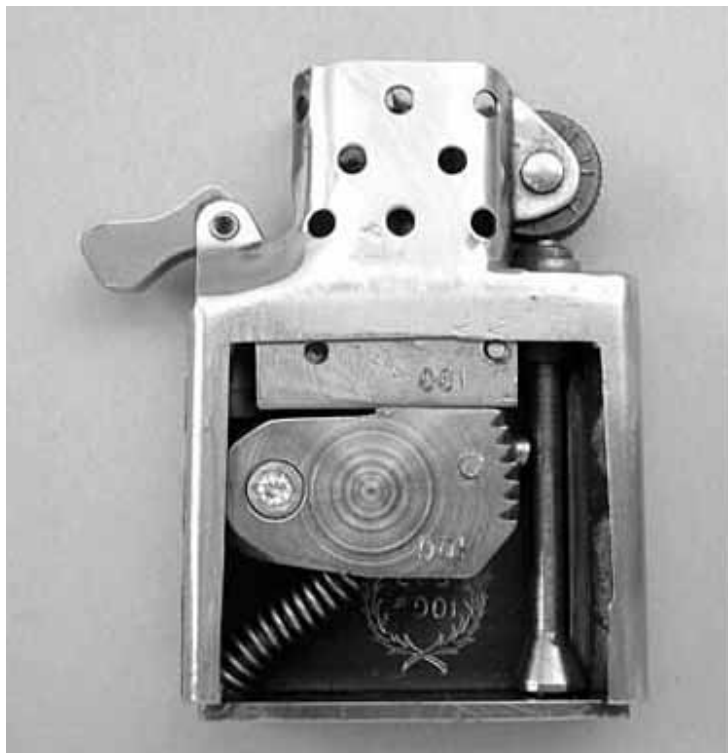
Важнейшим этапом стал переход на унифицированные патроны. Для камер таким зарядом потом станет стандартная 35-миллиметровая пленка.

И оружейники и фотографы мечтали об увеличении скорострельности. В 1883 году Хайрем Максим создал свой легендарный пулемет со средним темпом стрельбы 10 выстрелов в секунду. В 1889 году Уильям Фризи-Грин получил первый патент на кинокамеру. Она называлась хронофотографической камерой и делала 10 снимков в секунду. Физиолог Маре создал специальную камеру для наблюдения за животными. Камера стала походить на оружие даже внешне. В английском слово shot (выстрел, кадр) делает это подобие гораздо заметнее.

Пилоты тренировались с фотокамерами вместо пулеметов. Потом пленку проявляли и по ней определяли, кто победил в воздушной дуэли.

И оружейники и фотографы увлекались шпионскими фокусами. Они прятали свои изделия в зажигалки, трости, портсигары, брелоки, портмоне.

У Тима Скоренко есть стихотворение о сходстве работы снайпера и фотографа:

«Все дело не в снайпере: это его работа, он просто считает погрешность и дарит свет, прицел, запах пота, и выстрел – восьмая нота, и нет ничего романтического в этом, нет. Ни капли романтики в складках небритой кожи, в измученном взгляде – страшнее всех параной, он так – на винтовку, на спуск, на прицел похожий – чудовищно сер, что сливается со стеной. Поправка на ветер, ввиду горизонта – тучи, движение пальца, родная, давай, лети, он чует людей, как по подиуму, идущих, и смотрит на них в длиннофокусный объектив. Ребенок ли, женщина, это не так уж важно, холодные пальцы, холодная голова, бумажный солдат не виновен, что он бумажный, хорват же виновен, к примеру, что он хорват. Все лягут в могилу, всех скосит одна перчатка, по полю пройдет прицельный железный серп, бредущие вниз постепенно уйдут из чата: серб тоже виновен, постольку поскольку серб.

Мы вместе на крыше. Мой палец дрожит на кнопке. Я весь на пределе, поскольку ловлю момент, когда же он выстрелит, жмет в бутылке пробка, он – главный на крыше, я – просто дивертисмент. Снимаю глаза, чуть прищуренные, так надо, снимаю движение взгляда, изгиб плеча, ты здесь, в объективе, небритый хозяин ада, сейчас заменяющий главного палача. Ты Бог мой, мишень, ты мой хоспис, моя отравка, мое хладнокровие, снайпер, готово сдать, а я все снимаю твое – эксклюзивно – право прощать и наказывать, путать и расплетать. Ты в фокусе, снайпер, ты – фокусник под прицелом – с прицелом в руках, с перекрестием на зрачке, в момент фотоснимка ты перестаешь быть телом, карающий идол на крошечном пятнышке. Лишь десять секунд ты их гонишь, как мячик в лунку, по пыльной дороге в колесных стальных гробах; модели твои – точно лица с полотен Мунка, не знают о том, кем решается их судьба.

А он говорит мне с улыбкой, снимай, фотограф, я знаю твой стиль, я журналы твои листал, я тоже умею быть умным, красивым, добрым, таким же, как все, без вживленного в глаз креста. Но помнишь, вчера на пригорке, вон там снимал ты каких-то вояк, поедающих сыр с ножа? Я палец на кнопке держал полминуты с малым.

Но я милосердней тебя. И я не нажал.»

На фотографии показано, как повысить точность стрельбы, сделав некое подобие примитивного штатива. Точно так же можно сделать из веревки простейший штатив для фотографа, привязав ее к камере и натянув ногой.

И камеры и оружие можно считать средством нападения. Есть стрелок и есть его цель. В случае с огнестрельным оружием средства защиты от нападения тоже прогрессировали довольно быстро. Появлялись кирасы, каски, бронежилеты и всяческие укрытия от ружейного огня. С фотографией все гораздо сложнее. Если вы не хотите сниматься, чем вы сможете защититься от назойливого фотографа? Своей ладошкой?

Любое повальное увлечение неизбежно вызывает ответную реакцию. Есть огромное количество людей, которые не хотят фотографироваться. Неудачный снимок может испортить человеку настроение. Или карьеру. А настоятельные просьбы не снимать часто не действуют. Вспомните «эффект Стрейзанд».

В одном из фильмов Вуди Аллена был прекрасный сюжет – человек не в фокусе. Героя все видели «разблуренным». Для фотофобов это было бы идеально. Хотя человечество уже изобрело несколько универсальных способов противодействия фотоаппаратам (вуаль и паранджа) – не все могут их использовать.

Мне кажется, что было бы правильным создать новый знак – «Не снимайте меня, пожалуйста». У военных это был красный крест – не стреляйте в меня, пожалуйста.

Любой фотограф, снимающий людей, начинает думать, как охотник. Ищет сюжеты и выслеживает цель. После перехода на цифру стреляет очередями в надежде на один удачный кадр. Но это только первый этап. Чтобы прогрессировать, фотограф должен перейти на другую сторону. Картье Брессон говорил об этом так: «Чтобы попасть в цель, фотограф должен сам стать целью». Необходимо полюбить то, что вы снимаете – только это и даст вам хороший результат. Это невероятно трудно – гораздо легче смотреть на людей свысока или занять отрешенную позицию наблюдателя. Видеть в людях средство для достижения своей цели – хорошего снимка, общественного признания, зависти коллег, денег и славы... У Александра Башлачева было о любви к ближнему:

Да как же любить их – таких неумытых,
Да бытом пробитых, да потом пропитых?
Да ладно там – друга, начальство, коллегу,
Ну ладно, случайно утешить калеку,
Дать всем, кто рискнул попросить.
А как всю округу – чужих, неизвестных,
Да так – как подругу, как дочь, как невесту?
Да как же, позвольте спросить?

Тем не менее, без этого ничего не получится. Это правило даже не обсуждается. Потому что в противном случае ваша снисходительность или отрешенность все равно будут сквозить в каждом вашем снимке. Если любовь для вас слишком сложна, людям можно, например, сострадать.

Сергей Максимишин рассказывал о том, как он снимал женские бои в грязи. Собеседник спросил его о том, что именно он снял. Максимишин ответил:

- Борьба, лица, брызги, довольные лица зрителей...
- И это все?
- Да. А что еще?
- А ты снял, как утром эта девочка идет с фингалом под глазом за молоком для ребенка? А ты снял, как эта невыспавшаяся студентка, которая подрабатывает таким образом, спит потом на лекции?...

Прекрасный фотограф Уильям Юджин Смит в 1971 году работал над фото-эссе об отравлении ртутью жителей деревни в заливе Минамата (Япония). Через несколько месяцев он был жестоко избит охранниками компании Chisso, ответственной за сбрасывание ртути в воду залива. Чудом остался в живых. Он говорил: «Я не сделал ни одной фотографии – хорошей или плохой – не заплатив за это душевным покоем».

И еще одна его фраза: «Что толку в глубине резкости, если не испытываешь глубоких чувств?» Но вы не сможете передать на снимке глубокие чувства, если сами их не испытываете. Так что без любви к людям вам все-таки не обойтись.

Это очень тонкое понятие:
все, что вы любите, и есть вы.
/Руми/

СЪЕМКА ЛЮДЕЙ

*Многие люди начинают нервничать, когда они собираются сфотографироваться.
Не потому, что будут плохо выглядеть, а потому что они боятся осуждения камеры.
Люди держат в голове свой идеализированный образ.
И расстраиваются, когда не находят его на снимке.*

Сьюзен Зонтаг

Несколько лет назад в игре «Что? Где? Когда?» была показана фотография Красной площади, на которой днем не было ни одного человека. Знатоки тогда не смогли угадать причину отсутствия людей. А она была проста – время экспозиции составляло тогда десятки минут, люди просто не успевали запечатлеться на снимке. А первый человек получился на фотографии случайно – он застыл на месте перед чистильщиком сапог.

Общество закладывает в человека желание нравиться окружающим. Если вы нравитесь, значит, вы хороший. И люди старательно запоминают несколько дежурных поз и выражений лица, когда, как им кажется, они выглядят хорошо. Причем критерии «красивости» меняются со временем. Практически невозможно найти на средневековых полотнах улыбающихся или смеющихся лиц – считалось, что смех от дьявола. Нет даже открытых ртов. А сегодня откройте любой женский журнал – у четырех из пяти женщин губы будут полуоткрыты (считается, что это сексуально). Или возьмите один из самых навязчивых образов – duckface (утиное лицо). Девушкам кажется, что выпяченные губы, сложенные «бантиком» и изображающие поцелуй, выглядят мило. Существует контр-движение antiduckface. Его активисты считают, что «утиное лицо» смотрится глупо и непривлекательно.

Фотографии детей потому и подкупают нас своей искренностью – дети еще не научились каменеть лицом и принимать заученные позы. Их эмоции чисты, они не хотят понравиться во что бы то ни стало.

Со взрослыми гораздо сложнее. У них уже сформировались собственные стереотипы. Что-то они подсмотрели в кино, что-то переняли у своих кумиров и знакомых. Они знают, какие позы нужно принимать – героические для мужчин и соблазнительные для женщин. Как-то я провел час на носу корабля, наблюдая за тем, как фотографируется пассажиры. Увидел несколько закономерностей.

Если на мужчине темные очки, он будет сниматься в двух позах: в героической (широко раздвинуты ноги, скулы напряжены) или в расслабленной (небрежно облокотившись о поручень, демонстрируя пресыщенность жизнью). Если мужчина в шортах, он будет принимать различные фривольные позы: садиться на корточки, ложиться на палубу, подпрыгивать или подталкивать корабль.

Женщины в коротких одеждах обязательно принимают соблазнительные позы: распускают волосы, упирают руку в бедро, делают томный взгляд. Девушки с красивыми зубами всегда улыбаются. Женщины в длинных одеждах принимают степенные позы. Снимаются в профиль, приставив ладонь ко лбу. А молодые пары обязательно встают на носу корабля и замирают в позе из «Титаника».

В Лондоне я совершенно случайно оказался на официальном мероприятии, «звездой» которого был прекрасный английский актер Колин Ферт. После официальной церемонии к нему выстроилась очередь из молодых девушек, желающих сфотографироваться с ним. И все (все!) перед тем, как нажать на кнопку своего телефона, клали ему голову на плечо и улыбались.

Одной из задач хорошего фотографа и является вывод человека из этого заученного состояния.

Чтобы вывести человека из состояния фотографической комы Филипп Халсман просил всех подпрыгнуть – в этом состоянии лицо человека меняется, он не может одновременно лететь и «держат лицо». У Халсмана прыгали все: от Одри Хепберн до Ричарда Никсона.

Однажды я задал вопрос в своем журнале: «Знаете ли вы какие-нибудь простые приемы, помогающие человеку раскрыться перед камерой?» Из ответов:

- Сказать, что это лишь настройка аппаратуры.
- А у меня на работе во время корпоратива фотограф вместо «Скажите чиииз» произнес: «Теперь все вместе скажите: «Я увольняюсь». Реакция была потрясающая.
- Говоришь: раз, два, три, фотографируешь, модель расслабляется, потому что думает, что ее/его больше не будут фотографировать. И в этот момент делаешь еще один снимок.
- В Ленинграде было ателье фотографа, которого знал и любил весь город. Сделанные им фото на документы или художественные есть у всех поколений петербуржцев. Он снимал старым фотоаппаратом в форме большого деревянного ящика. Просил сесть, расслабиться и неожиданно задавал простой вопрос, не требующий срочного ответа. Ответ приходил в голову, в глазах появлялась мысль и чувство радости, в этот момент вспышка. У всех лица были освещенные мыслью и открытием.
- Какой-то голландский, кажется, фотограф в интервью рассказывал о съемке музыкальной группы. Группа стояла с манерными заученными лицами, и фотограф в какой-то момент вдруг снял штаны и продолжил съемку. Лица вышли живыми!
- Есть старый прием, о котором писали еще в «Советском фото»: «до» и «после». То есть интенсивно фотографировать, пока съемка «еще не началась» и люди не успели надеть свои маски, и после официально закончившейся съемки.
- А я прошу сказать «Зарплата!». Всегда срабатывало.
- У меня есть отличный рецепт, само как-то придумалось: я прошу (настойчиво, снова и снова) человека сделать серьезное лицо и не улыбаться. Самое позднее после 3-4 повторений человек будет смеяться, принимать смешные позы, стараясь сдержать смех, а еще полминуты спустя он будет во всю смеяться, раскидывая руки и описывая в воздухе бесполезность сопротивления смеху.

- Очень простой прием – попросить что-нибудь поподкидывать в воздух, например – ключи. С одной стороны человек сосредотачивается на задаче, с другой – отвлекается от мыслей. Очень интересные лица, бывает, получаются.
- Сказать что фотоаппарат сломался. Так получился один из лучших фотопортретов Пикассо.
- Говорю «Снимаю на счет три. Один... три!» и, пропустив счет «два», снимаю. Люди понимают, что снимок уже сделан, да их еще и надули, расслабляются, и тогда я делаю тот кадр, который хотел.

Алексей Герман рассказывал, что одному артисту перед командой «мотор!» он давал оглушительную пощечину. У артиста были пустые глаза. А после пощечины пустыми глаза хотя бы первые несколько секунд точно не будут. Критики потом отмечали, что лица у людей в этот момент совершенно невероятные, очень естественные, живые и совершенно разные.

Несколько моих фотографий

Сильнейшим подспорьем для фотографа является место съемки. Например, взрослых очень хорошо снимать в зоопарке, когда они смотрят на животных. С них слетает все напускное и лица становятся почти детскими. Вообще любая сильная эмоция резко увеличивает возможность снять хороший портрет.

Это могут быть предвкушение, азарт, нетерпение, недоумение, обида, восторг, любовь, ненависть... – любая сильная эмоция (подробнее на этой теме я остановлюсь в главе «Физика фотографии»).

Позволю себе процитировать Сэй-Сенагон «Записки у изголовья»:

«Как взволновано твое сердце, когда случается:

Кормить воробьиных птенчиков. Ехать в экипаже мимо играющих детей. Лежать одной в покоях, где курились чудесные благовония. Ребенок играл с самодельным луком и хлыстиком. Он был прелестен! Мне так хотелось остановить экипаж и обнять его.

То, что глубоко трогает сердце:

Почтительная любовь детей к своим родителям.

Мужчина или женщина, молодые, прекрасные собой, в черных траурных одеждах. В конце девятой или в начале десятой луны голос кузнечика, такой слабый, что кажется, он почудился тебе.

То, что напоминает прошлое, но уже ни к чему не пригодно:

Узорная циновка с потрепанными краями, из которых вылезают нитки. Ширмы с картинами в китайском стиле, почерневшие и порванные. Художник, потерявший зрение.

Любитель легких походов, когда он стар и немощен. Сад ценителя утонченной красоты, где все деревья были уничтожены огнем. Еще остается пруд, но ряска и водяные травы уже начали глушить его...»

Годам к двадцати пяти среднестатистический мужчина обычно обзаводится выражением лица серьезного человека. Можно продолжить в стиле Сэй-Сенагон.

Как прекрасен мужчина, когда он становится похож на ребенка:

Когда мужчина смотрит, как его ребенок читает со сцены стихотворение.

Когда мужчина подъезжает к вокзалу и смотрит в окно поезда, пытаясь найти в толпе встречающих.

Когда мужчина, отстояв длинную очередь на жаре, разворачивает мороженое.

Когда мужчина смотрит на играющих животных.

Когда мужчина играет с сыном в свою любимую игру.

Когда мужчина ждет результата пенальти.

Когда мужчина видит через витрину магазина игрушечную железную дорогу.

Когда мужчина первый раз садится на новый мотоцикл.

Когда близорукий мужчина снимает очки.

Когда мужчина разворачивает подарок, не зная, что в обертке.

Когда мужчина входит с ребенком в отдел игрушек...

И еще про важность места. Фотографов можно условно разделить на три класса: конструкторы, грибники и рыбаки. Конструкторы собирают фотографию в студии или на природе – это постановочные кадры. Грибники путешествуют по городу в поисках интересного сюжета – у них есть свои любимые, «грибные» места (из хороших грибников, кстати, получаются хорошие фотографии – у них прекрасно развит навык распознавания важного в хаосе). А рыбаки сидят на одном месте и часами ждут своего снимка. Подавляющее большинство фотографий состоят всего из двух элементов: переднего и заднего планов. А если есть хороший задний план – все остальное дело терпения.

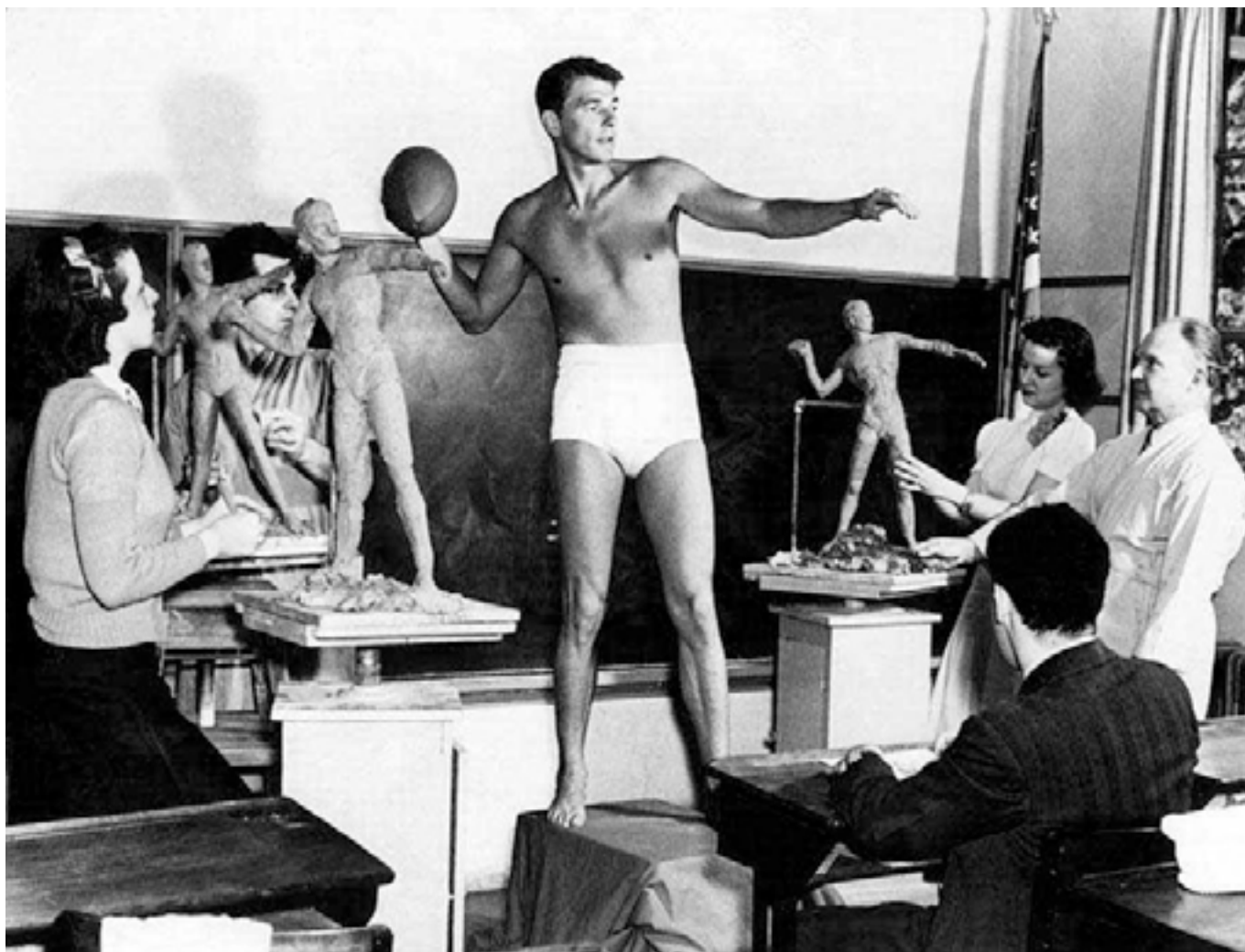
Однажды я застал цветение сакуры в Стокгольме. Это было «грибное» место. Я сидел несколько часов на скамейке и любовался не цветами, а людьми. Точнее – тем, как меняются их лица.

КРАСОТА

Красивая женщина, глядя на свое отражение в зеркале, вполне может считать, что это ее отражение. Некрасивая женщина знает, что это не так.

Симона Вейль

Рональд Рейган позирует как идеально сложенный мужчина

У меня есть собственный рейтинг фотографий. В самом низу этого рейтинга находится съемка изначально красивых людей, животных, растений и природных явлений. Конечно, и среди таких снимков есть множество шедевров, но ценю я этот жанр невысоко, потому, что эта красота очевидна всем. Фотографу трудно добавить что-то от себя к потрясающе красивому закату на тропическом острове или к грациозности какого-нибудь представителя семейства кошачьих.

Кроме того, за последние десятилетия произошла колоссальная инфляция красоты. Красивыми женщинами переполнены все гляцевые журналы, красивой природой – журналы уровня National Geographic.

Красоты можно добиваться по-разному. Раньше богатые женщины носили с собой мопсов – считалось, что их уродливые мордочки выгодно оттеняют женскую красоту. В современном английском есть понятие «биоаксессуар» – это некрасивая подруга, которую девушка берет с собой на вечеринку, чтобы на ее фоне выглядеть привлекательнее.

Интересно сравнить стандарты женской красоты девятнадцатого века и двадцать первого. По заказу короля Людвига I немецкий художник Йозеф Карл Штилер создал серию портретов самых красивых женщин Германии. Написанные в 1827-1850 годах картины отражали идеал красоты Людвига I, а не социальный статус портретируемых. Там были и немецкие принцессы и простые горожанки, например, Хелена Зедльмайр, дочь мюнхенского сапожника.

Людам нравится выглядеть красивыми, а если это невозможно – умными, солидными, значительными и т.д. Удивительное выражение у людей на старых фотографиях. Они совершенно не стараются понравиться. Основной критерий – степенность и достоинство.

Сохранилось письмо в газету Таймс, февраль 1915:

Сэр,

Мне хотелось бы немного рассказать о своевольных методах работы паспортного отдела Министерства иностранных дел. В специальной анкете, предназначенной для заполнения паспорта, я описал свое лицо как «умное». И, разумеется, я надеялся увидеть именно это описание при получении паспорта, однако, вместо этого, неизвестный мне чиновник вставил в соответствующей графе слово «овальное».

С уважением,
Бассет Дигби

Стандарты красоты постоянно меняются. Когда Валентин Серов в 1911 году выставил свою картину «Портрет Иды Рубинштейн», разразился скандал. Пресса упражнялась в остроумии, называя модель зеленой лягушкой и грязным скелетом. Даже Суриков назвал картину безобразной, а Репин сказал, что это «гальванизированный труп». Серов умер в разгар травли.

Карикатура Алексея Радакова

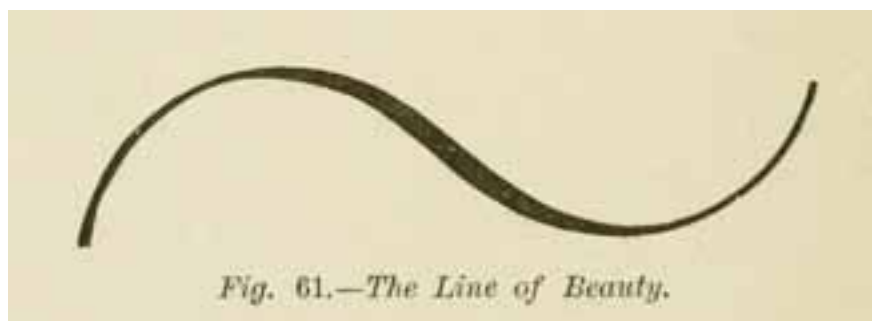

Адольф Зеглер. Четыре элемента

В 1937 году в Германии были организованы две выставки – «правильного» и «неправильного» искусства. Посмотреть на выставку «Великое немецкое искусство» пришло 800 000 посетителей. На «Дегенеративное искусство» – три миллиона.

Британский историк искусства и дизайна моды Джеймс Лавер в 1937 году вывел закон изменения представлений о женской моде – Закон Лавера (Laver's Law):

непристойно	за 10 лет до сегодняшнего дня
бесстыдно	за 5 лет
смело	за 1 год
умно	сегодня
безвкусно	спустя 1 год
отвратительно	спустя 10 лет
смешно	спустя 20 лет
забавно	спустя 30 лет
причудливо	спустя 50 лет
очаровательно	спустя 70 лет
романтически	спустя 100 лет
красиво	спустя 150 лет

В трактате Уильяма Хогарта «Анализ красоты», написанном с целью закрепить неустойчивые понятия о вкусе (1753 год), автор предлагает формулу красоты. Это S-образная линия.

1) Акимъ Вивтанюкъ, 122 лѣтъ, участникъ Бородинскаго сраженія, 2) Петръ Лангевъ, 118 лѣтъ, очевидецъ сѣднованія Наполеона и его арміи черезъ Свѣицкии, 3) Степанъ Жунъ, 110 лѣтъ, очевидецъ Отечественной войны, 4) Гордей Громовъ, 112 лѣтъ, очевидецъ сѣднованія французскихъ войскъ черезъ село Красное, 5) Мамениъ Пятаченковъ, 120 лѣтъ, очевидецъ пребыванія французскихъ войскъ въ городѣ Кирсановѣ, и 6) старуха 107 лѣтъ, очевидица Отечественной войны.

Сегодня, во время культа молодости, люди стараются сбросить несколько лет и преуменьшают свой возраст. А еще сто лет назад в России существовал культ старости – к старикам шли за советом, мнение пожилого человека ценилось очень дорого. И старики прибавляли себе по десять, двадцать, тридцать лет.

У старости есть свое очарование. Коко Шанель говорила, что в 50 лет каждый получает то лицо, какое он заслужил. В японском языке есть понятие «ваби-саби» – скромная простота. Ваби ассоциируется со скромностью, одиночеством, неяркостью, однако внутренней силой. Саби (ржавчина) – с архаичностью, неподдельностью, подлинностью. Эту эстетику порой описывают как красоту того, что несовершенно, мимолетно или незаконченно. «Ваби-саби» – это суть вещей, которая проявляется только со временем.

Еще несколько терминов из японского, которые могут быть полезны фотографу:

«Югэн». Наблюдать, как солнце заходит за холм, покрытый травами и цветами, идти вперед все дальше и дальше по огромному лесу, не задумываясь о том, пора ли возвращаться, стоять на берегу и видеть, как лодка исчезает из виду за далекими островами в море, созерцать полет диких гусей, которые были видны, а затем затерялись среди облаков.

«Моно-но аварэ» – печальное очарование вещей. Аварэ — это то, что вызывает восторг, взволнованность. Аварэ — внутренняя суть вещей, поэтому писатели и поэты, прежде всего, призваны были выявлять аварэ.

Лев Толстой писал о красоте: «Удивительное дело, какая полная бывает иллюзия того, что красота есть добро», но задолго до него, еще в XIV веке арабский философ Ибн Хальдун первым выступил против того, что внешность человека есть отражение его моральных качеств. А также выдвинул еретическую гипотезу, утверждая, что темная кожа негров – это не проклятие, наложенное за грехи на всех потомков Хама, а следствие жаркого климата.

Но работая с изначально красивыми вещами, легко попасть в ловушку кажущейся простоты. Избыточность красоты оборачивается кичем. Это довольно сложно объяснить словами. Попробую пояснить мысль картинками.

Море, красивая полуобнаженная девушка, развевающаяся туника, саксофон, да еще и пролетающая чайка – это избыточно. Почти как на рисунке из приключенческой книжки справа: неумная фантазия автора все никак не может остановиться – смертельной схватки не на жизнь, а на смерть с питоном было бы достаточно. Но есть еще и кровожадный тигр, и несущийся на всех парах поезд.

Один древнегреческий живописец написал Елену золотыми красками. Ему сказали: «Ты не сумел сделать Елену красивой, ты сделал ее нарядной».

Слева – плохой фоташоп (к изначально красивому снимку была добавлена и лошадь и ее отражение). И даже прекрасный плакат, посвященный ядерной бомбардировке Хиросимы, избыточен. Горящая бабочка – настолько сильный образ, что достаточно было бы и одного насекомого. Есть хорошая китайская пословица: «Одна стрела сбивает одного орла. Две стрелы – это уже слишком много». Но изучать плохие фотографии очень полезно. Они хорошо учат – как не нужно делать.

ФИЗИКА СНИМКА

*Мир полон магических вещей, терпеливо ждущих,
когда наши чувства станут острее.*
Уильям Батлер Йейтс

Я бы предложил попробовать посмотреть на основную задачу фотографии – производить впечатление – с точки зрения физики. Это работа, которую должен совершить снимок, чтобы достучаться до зрителя, занятого своими проблемами и перегруженного информацией. И чтобы совершить эту работу, фотография должна обладать некоторой энергией. Откуда можно взять эту энергию – один из самых главных вопросов в фотографии.

И еще это немного напоминает сделку – вы требуете у зрителя внимания и в ответ на это должны компенсировать его потраченное время. Если вы даете больше, значит, сделка для зрителя выгодна, а если меньше – нет. Одна из самых разгромных рецензий, которую я видел, выглядела очень вежливо: «Знаете, я посмотрел всю вашу выставку, но, к сожалению, совсем ничего не почувствовал».

Одним из признаков хорошей рекламы является напряжение, возникающее между картинкой и текстом. В фотографии это же напряжение может быть достигнуто за счет контраста (или конфликта) между разными частями снимка. Энергию для совершения работы внутри зрителя такая фотография, почти как гидроэлектростанция, берет за счет перепада высот – настроения, эмоций, размеров, цвета, разницы между войной и миром, движением и покоем...

Итак – контраст / конфликт

На контрасте / конфликте держится девять десятых всей литературы и кинематографа. Потому что конфликт противоположен скуке. Потому что с конфликта начинается действие. Ле Карре говорил: «Конфликт — очень важная вещь. «Кошка села на подушку» — это не начало романа, а вот «Кошка села на собачью подушку» — да». В старинных летописях вообще не упоминалось обычное мирное время — только войны, пожары, коронации, голод и эпидемии.

Хороший рисунок Гранта Снайдера, посвященный разнообразным конфликтам в литературе. Прекрасно работает и для фотографии.

Классический конфликт: человек против природы, человек против человека, человек против Бога.

Конфликт эпохи модерна: человек против общества, человек против самого себя, человек, восстающий против отсутствия Бога.

Постмодернистский конфликт: человек против технологий, человек против реальности, герой против автора.

Все в мире окружено облаком ассоциаций, например, тигры считаются опасными, а котята – милыми. Хорошим запасом энергии обладают кадры, в которых автор будет ломать стереотипы. Представьте себе дружелюбную акулу или разъяренного хомяка.

Еще одна разновидность контраста – смысловой конфликт – контраст между нашим представлением о человеке или животном и его реальным поведением. Например, Фидель Кастро, катающийся с горки на ковре, или кошка, мирно сосуществующая с мышами.

*Камера – это инструмент,
который учит людей, как видеть без камеры.*
Доротея Ланж

Противоположностью контраста (непохожести) является сходство. Под давлением социума люди становятся похожими друг на друга. Как-то утром на Манхэттене я видел ожившую картину из фильма «Матрица» – из метро поднимались сотни клерков. Все они были одеты одинаково. Черные ботинки, черные брюки, белая рубашка. В левой руке они несли пиджак на плечиках (чтобы не помялся), в правой – стаканчик кофе из «Старбакса».

Способность человека распознавать знакомые сюжеты или взаимосвязи в случайном шуме называется апофенией. Интернет забит картинками с человеческими профилями, которые угадываются в скалах, сердечками из облаков и смайликами, сделанными из любой ерунды. У каждого морского народа есть легенда про окаменевшего дракона, превратившегося в остров – видите, видите, как похож этот остров на чудовище?

Как работает эта система распознавания понятно. Узнавание своих – это частный случай распознавания чужих. Наш мозг постоянно обрабатывает колоссальное количество информации с единственной целью – распознать опасность. За то, что вам мерещится змея в куске шланга или маньяк в тени дерева, скажите спасибо вашему мозгу. Это он вас стремится уберечь от неприятностей. Особенно обостряется чувствительность в незнакомой и потенциально опасной обстановке. Или после просмотра фильма ужасов.

Лучше всего понятно, как работает система, когда в ней начинаются сбои. И в случайности видят закономерность. Религиозные люди могут увидеть лик Христа в пятнах плесени на стене или профиль Богородицы на подгоревшем тосте. Апофения начинает граничить с одержимостью.

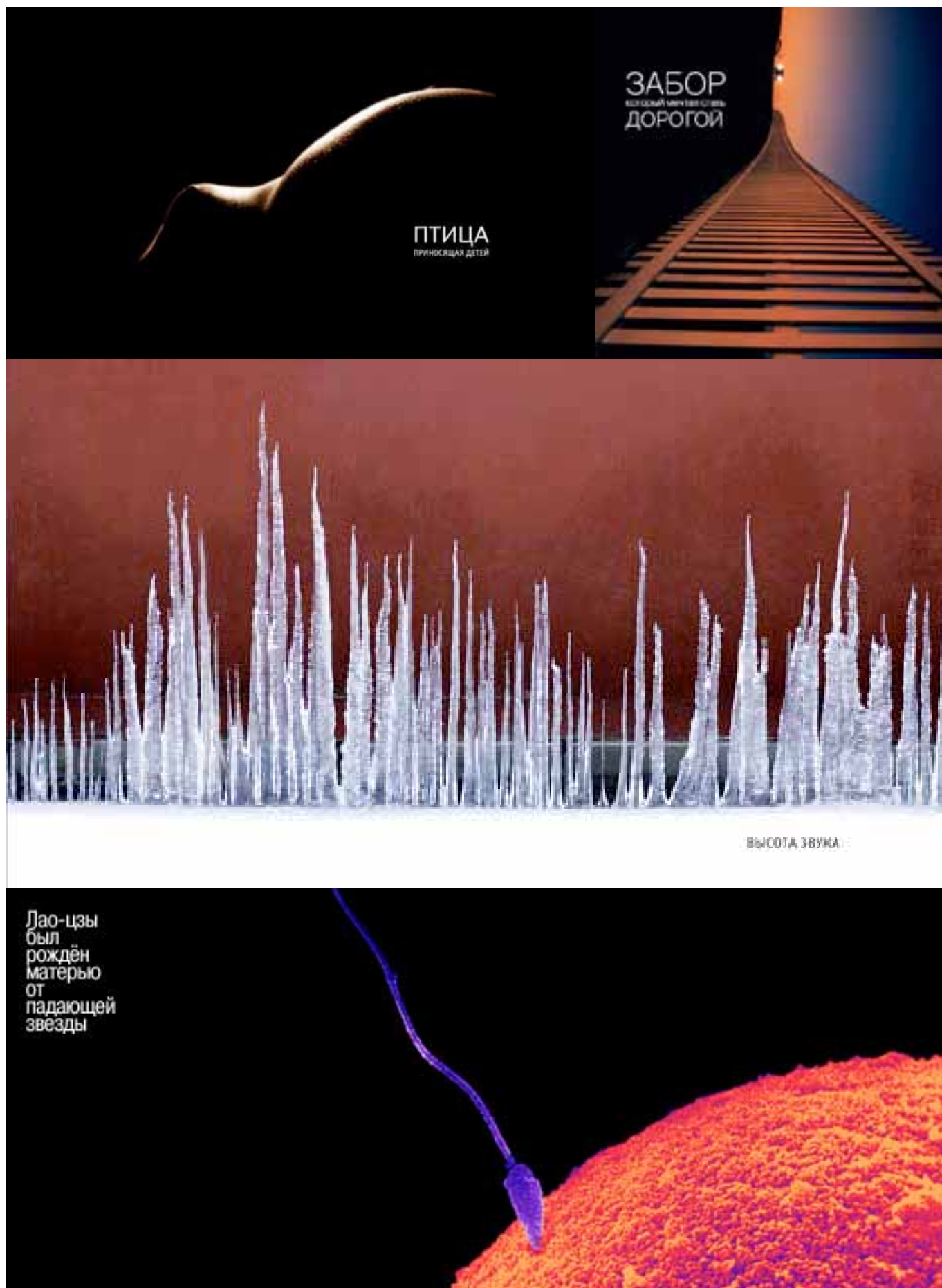

Очень хорошим упражнением является поиск «рифмы» к картинам или фотографиям. Попробуйте продолжить последовательность.

Или попробуйте сыграть в фотографическое буриме – найдите снимок, который хорошо бы при-
страивался к этой паре. С любой стороны.

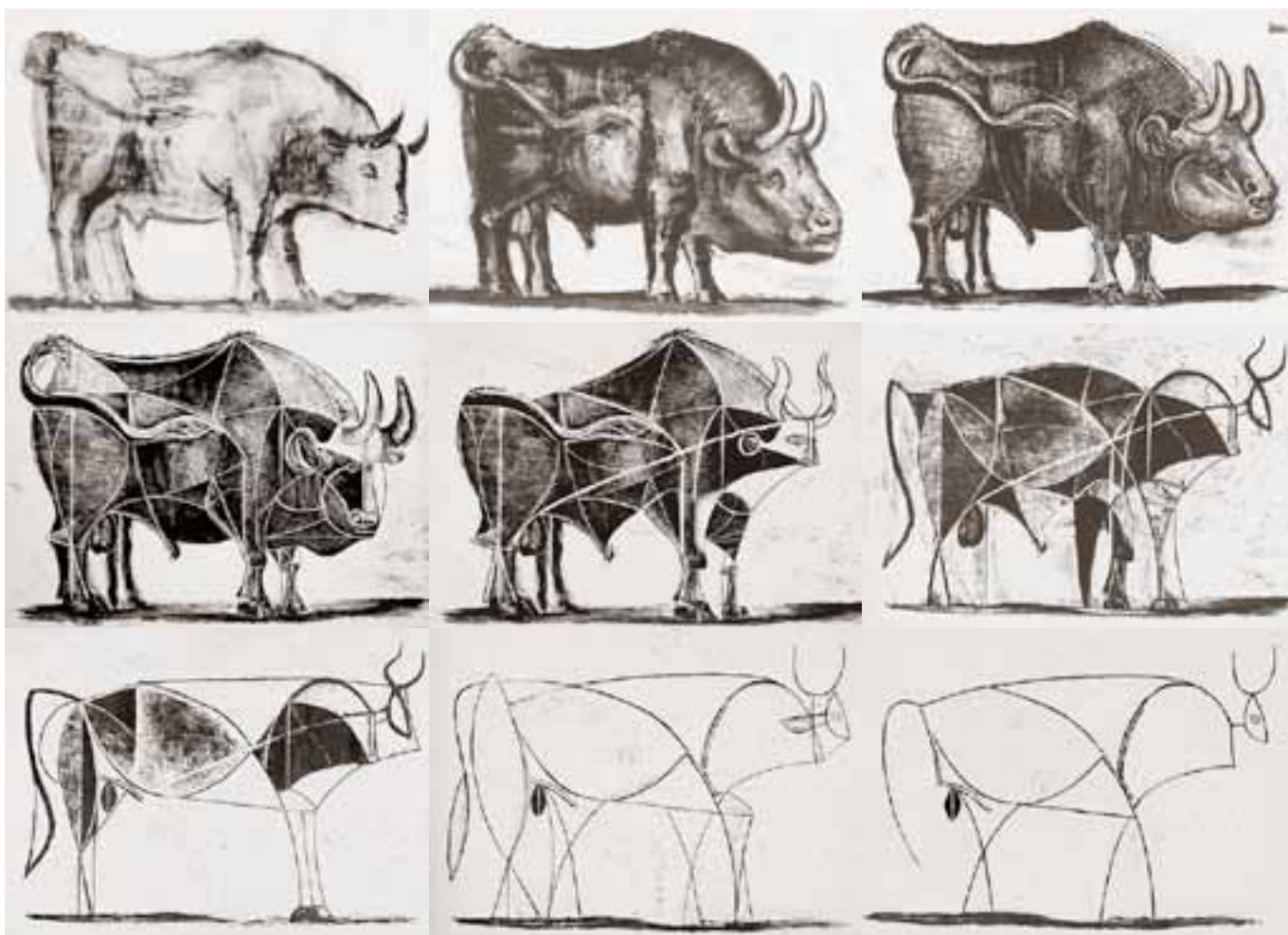

У меня есть большая серия работ под названием «маленькие пикты» – в них я ищу «рифмы» между разными реальностями.

Человек очень легко находит связь между любыми предметами – на этой энергии работает огромное количество фотографий.

Интересно наблюдать за деконструкцией предмета – понять, в какой момент он перестанет быть узнаваемым. У Пикассо была серия «Быки» – даже в нескольких штрихах бык оставался быком.

Автопортрет. 1967 год

1996 год

Еще одна история про деконструкцию. Не только образа, но и личности. В 1995 году американский художник Уильям Утермохлен узнал, что у него болезнь Альцгеймера. И он начал большой проект – серию автопортретов. Уильям хотел запечатлеть, как изменяется сознание человека при прогрессирующей деменции.

1996 год

1997 год

1996 год

1998 год

1999 год

2000 год

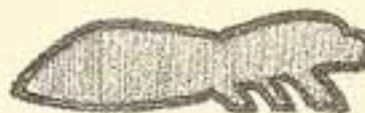
A REALISTIC

B SEMI - REALISTIC

C DECORATIVE

D DECORATIVE

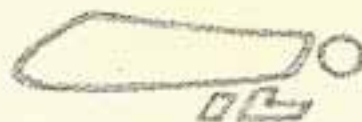
E DECORATIVE

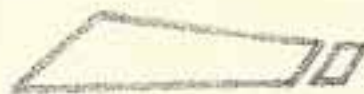
F DECORATIVE

G SYMBOLIC

H SYMBOLIC

J ABSTRACT

Одинаковые люди обладают колоссальной энергией – эта толпа может стать армией.

Но гораздо интереснее искать сходство на другом уровне. В этом случае фотограф начинает понимать мир немного глубже. Человек может находить связь между двумя любыми предметами на снимке – так случайная мелодия и случайный видеоряд в некоторых местах волшебным образом совпадут. А иногда даже не нужно помещать второй объект для «рифмы» – она уже находится в голове у зрителя – так поза обезьяны слишком человекоподобна и смотрящий подключает энергию своего воображения.

*Мне не нравится хороший вкус.
Это худшее, что может случиться с творческим человеком.*
Хельмут Ньютон

Разумеется, говоря об источниках энергии для фотографии, нельзя не упомянуть самый мощный из них – сексуальную энергию. Если верить британским ученым, среднестатистический мужчина не менее двадцати раз в день думает о сексе.

Существуют крайне противоречивые данные о том, какой процент трафика в сети приходится на эотику и порнографию. Цифры отличаются на порядок. Однако достоверно известно, что ученые из университета Монреаля во время проведения исследования о влиянии порнографии на человека столкнулись с неожиданной проблемой. Они так и не смогли найти ни одного мужчины, который бы никогда в жизни не видел порно.

*В пять лет я научился читать.
Ничего более важного в моей жизни так и не произошло.*
Марио Варгас Льюса

Еще один мощнейший источник энергии для фотографии – детство. Оставим за скобками красивые детские лица. Они самодостаточны и наименее интересны.

Помните, у Сэлинджера в «Стропилах» рассказ о детской красоте:

«...– Рассказать вам, откуда у Шарлотты те девять швов? – спросил я внезапно. Мне казалось, что голос у меня звучит совершенно нормально. – Мы жили на озере. Симор написал Шарлотте, пригласил ее приехать к нам в гости, и наконец мать ее отпустила. И вот как-то она села посреди дорожки – погладить котенка нашей Бу-Бу, а Симор бросил в нее камнем. Ему было двенадцать лет. Вот и все. А бросил он в нее потому, что она с этим котенком на дорожке была чересчур хорошенькая. И все это поняли, черт меня дери: и я, и сама Шарлотта, и Бу-Бу, и Уэйкер, и Уолт. Вся семья.

Я уставился на оловянную пепельницу, стоявшую на столике.

– Шарлотта ни разу в жизни не напомнила ему об этом. Ни одного разу».

Детские фотографии вызывают у зрителя множество эмоций. Это и интерес, который можно сформулировать лапидарным «Как быстро течет время». Это и щемящее чувство, замешанное на узнавании себя в любой детской фотографии – тема, прекрасно проработанная в театре Евгением Гришковцом. Это и тоска по утраченному волшебному времени, когда не было взрослых забот и проблем. Это и желание защитить, и непосредственность реакций – их радость неподдельна, а горе безутешно. Здесь и любимый жанр сентиментальных женщин – дети, делающие что-то как взрослые. Это очень сложный жанр, тема настолько избита, что в ней очень трудно удержаться на грани и не свалиться в откровенный кич. Интереснейшая тема – взросление детей. Неизбежность перехода из одного мира в другой.

*Жизнь – это комедия для тех, кто думает.
И трагедия для тех, кто чувствует.*
Жан Расин

В истории с детской фотографией энергия снимка бралась из воспоминаний. Но энергию можно брать и из воображения. Для этого достаточно рассказать историю и оборвать ее в самой кульминационной точке – все остальное додумает и довоображает себе зритель. По этой же схеме работают жанровые картины – «Опять двойка», «Не ждали»... Это хлеб папарацци и военных фотографов.

Некоторые фотографии нужно сопровождать рассказом – так они действуют гораздо сильнее. Например – эта: 1 февраля 1960 года четверо чернокожих студентов заняли предназначенные для белых места в закусочной универмага «Вулворт». Обслуживать их отказались, но они спокойно просидели до закрытия магазина часом позже. На следующее утро 20 чернокожих студентов заняли места в закусочной группами по три-четыре человека.

В подготовленных студентами инструкциях особое внимание уделялось личной дисциплине и достойному отказу от насильственных методов, который они предлагали всему миру: «Не наносите ответного удара, не отвечайте ругательствами на оскорбления... Всегда проявляйте дружелюбие и вежливость...»

Сидячие забастовки начались по всей стране. К ним начали присоединяться и белые. На фотографии — реакция белых. На забастовщиков выливали кетчуп и горчицу, их посыпали солью и перцем. Били кастетами в спину. А они просто продолжали сидеть.

После заявления Джона Леннона о том, что «Битлз» популярнее Иисуса, радиостанцией KLUE (Техас) было организовано сожжение дисков группы. На следующий день в башню KLUE ударила молния. Почти все оборудование было сожжено, директор новостных программ оказался в больнице.

7 мая 1945 года. Немцы капитулировали в Голландии два дня назад. Внезапно снайпер открывает стрельбу по людям, празднующим окончание войны. Убито и ранено около ста человек. Люди прячутся от снайпера за столбами и только маленький ребенок не понимает, в чем дело.

На площади Маяковского с помощью фанерных силуэтов выбирают место для будущего памятника Владимиру Владимировичу.

Вот-вот сейчас все произойдет...

Еще одна разновидность фотографий, энергия которых берется из воображения – это некий магический реализм. Когда, по выражению Стругацких «хочется странного». Сюжеты таких фотографий, как правило, очень просты. Они рассказывают не столько истории, сколько сказки. Кажется, что снимки сделаны не при свете солнца, а при лунном свете. Еще эту энергию можно назвать энергией сновидения.

АРИФМЕТИКА СНИМКА

*Фотография – это не спорт. У нее нет правил.
Все должно быть испытано.
Билл Бранд*

Как-то я читал историю про человека, который допытывался у шахматиста – ну ведь должен же быть такой ход в шахматах, сделав который ты обязательно победишь? Конечно, в фотографии нет четких правил. Точнее – на множество правил съемки и композиции: правило золотого сечения, правило восьмерки, правило динамической симметрии, правило уравнивания снимка, правило диагоналей, правило свободного пространства (воздуха) впереди объекта, правило желательного направления движения (слева направо), правило «подойди ближе» и т.д. есть огромное количество примеров, опровергающих эти правила. Железно работает только одно правило – всегда носите камеру с собой. Камера – это ваши вериги. У японцев есть пословица: «Даже если меч понадобится один раз в жизни, носить его нужно всегда».

Только скажу несколько слов про арифметику снимка. Начну с единицы. Что можно донести до зрителя, когда на фотографии есть только один человек? Единица – это очень много. Предлагаю не рассматривать собственно портрет – это слишком очевидно, давайте попробуем взглянуть иначе. Проще всего единицей выразить одиночество. Причем одиночество – это не обязательно грусть. Это могут быть размышления, задумчивость – любая индивидуальная эмоция. Не верьте Маяковскому с его партийным «Единица – вздор, единица – ноль». Единица это, прежде всего, начало самостоятельности. С единицы начинается личность. Свобода. Поступок. Подвижничество. Подвиг.

Единица – это очень неустойчивое состояние. Она постоянно норовит скатиться или в сторону нуля, или, что бывает гораздо чаще – превратиться в двойку. Потому что в одиночестве, если не страшно, то, во всяком случае, неудобно. Следующая цифра – два...

*Вглядываться. Это способ тренировки глаз.
Вглядываться, слушать, наблюдать.
Умереть, зная что-то. Вы здесь не долго.*
Уолкер Эванс

Пространство снимка – это замкнутый самодостаточный мир. И двое в нем – это всегда диалог. Между двумя объектами на фотографии обязательно устанавливается связь. Если этой связи нет, значит один из объектов на снимке лишний, и он должен быть удален. Потому что, если второй не помогает, то, значит – мешает.

Когда на снимке два персонажа, они физически не могут не общаться между собой. Их отношения могут строиться на контрасте (это когда объединяет непохожесть) или на сходстве. Двое могут быть объединены общим делом – миром или связаны между собой войной.

Два может превращаться в один. Или стремиться к трем.

*Я думала, что никогда не смогу потерять то, что много фотографировала.
На самом деле, мои фотографии показывают мне – сколько я потеряла.*

Нан Голдин

Три – это, прежде всего, создание чего-то нового. Это синергетический эффект. Если один – это свобода и одиночество, два – любовь и ненависть, три – это ревность и непобедимость. Троих достаточно, чтобы бросить вызов миру (неважно – мушкетеры это, богатыри или товарищи).

Три – прекрасный символ. На три все делится без остатка: время – на прошедшее, настоящее и будущее; пространство – на высоту, длину и ширину; мифология – на Явь, Правь и Навь.

От того, какие силы на фотографии мощнее – центробежные или центростремительные, зависит, сольются ли три в одно или распадется на два или один.

Числами за пределом трех практически можно пренебречь. 80 процентов всего, что вы хотите сказать, можно сделать через единицу. Еще процентов 15 – через двойку. И три процента на тройку. Арифметика снимка на этом заканчивается. Четыре, пять, шесть... вы, как правило, сможете без потери смысла сократить до трех или двух. Закройте рукой pilota, сидящего вверху по центру, и вы даже не заметите его отсутствия. Экономьте на статистах. Не так важно – сколько точно человек противостоит герою. Много. Весь мир. С постепенным увеличением массовки люди начинают превращаться в пейзаж.

САМАЯ ВАЖНАЯ ГЛАВА

*Все, что должно быть сказано, уже было сказано.
Но так как никто не слушал, все должно быть повторено снова.*

Андре Жид

Я бы предложил очень простой критерий оценки фотографии. Всего два пункта:

1. Ответьте себе на простой вопрос – ЧТО вы хотели сказать вашим снимком?
2. Смогли ли вы это сделать по-новому? КАК вы это сделали?

Попробую объяснить свою мысль.

Пункт первый – ЧТО. Вашей идеей для снимка может быть что угодно. Это могут быть, например: красота природы, следы времени на лице человека, забавное совпадение, бытовая сценка, грация животного, доброта людей... Одной идеи на снимок более чем достаточно.

Когда-то я составил свою собственную пирамиду ценности фотографии (хотя на каждом из этих уровней можно достигнуть совершенства):

На нижний уровень я поставил фотографии класса «зарубка на память» (на фоне Пушкина снимается семейство, я и моя кошка, посмотрите, какая я красивая, фотография моего ребенка в один год, в два года и т.д.) Это фотографии для семейного фотоальбома.

За ним идет так называемый технический уровень. Уровень, на котором впечатление от снимка достигается за счет технических средств (это макро- и микрофотография, съемка в рентгеновских лучах, аэрофотография, сверхскоростная фотография и т.д.). Мне кажется, что это не более чем интересно и познавательно.

Следующий уровень – красота красивых вещей («как прекрасен этот мир, посмотри», золотая осень, зимушка-зима, закат на море, обнаженная красивая девушка, «лучше гор могут быть только горы» и прочий панорамный National Geographic. Кстати, в NG фотографу дикой природы раньше выдавали две-три сотни катушек пленки. В расчете на один хороший кадр). Я довольно невысоко ставлю такие фотографии, потому что эта красота очевидна всем. Хотя, разумеется, это вовсе не так просто.

Помню рассказ про одного фотографа, снимавшего Валаамский монастырь. В первый день он поднялся перед рассветом и обошел все окрестности, наблюдая, где и в какое время будет солнце и куда будут падать тени. Выбирал и записывал позиции. А на следующий день перебежал со всем своим оборудованием от одного места к другому, чтобы успеть за солнцем (для пасмурного дня он готовил совершенно другой маршрут).

Уровень выше – репортажная фотография. Здесь уже недостаточно оказаться в девственно прекрасном заповеднике. Это часто опасно. Нужно ловить момент (это могут быть погромы в Лондоне, разворовывание продовольственной помощи в Уганде, бомжи на свалке, дети под бомбежкой, погоня за автомобилем принцессы Дианы и т.д.). Сильная фотография может привести к тектоническим сдвигам – например, к отправке гуманитарной миссии или к высадке десанта.

Дальше идет качественный рывок. Переход от фиксирования мира к его осмыслению. От того, что я вижу, к тому, что я понял. Поиск красоты в обычном. В том, на что никто не обращал внимания. Такие фотографии вообще невозможно сделать без любви.

Есть еще один уровень. Самый верхний. Но мне хочется, чтобы вы попробовали назвать его сами. Или предложили бы свою классификацию.

Мне кажется, что если совсем упрощать, если попробовать одним словом объединить то, что мне нравится в литературе, кино, живописи, фотографии... то это обязательно будет глагол (действие). И этот глагол – удивить. Не рассмешить, развлечь, испугать – а удивить!

Идея может быть совершенно любой. Как и способ ее воплощения. В своей картине (1894 год) польский художник Владислав Подковинский попытался изобразить экстаз. Эта картина вызвала грандиозный скандал. Один из зрителей пришел на выставку с ножом и изрезал все полотно.

Мне показалось забавным, что слово «атака» держится на букве «А», похожей на клинья ударов на штабных картах, а в слове «оборона» есть несколько глубоко эшелонированных лукович букв «О». С возможностью для контратаки в глубине обороны.

Изображение увиденного во сне кошмара впервые появилось только в XVI веке на акварели Альбрехта Дюрера. Художнику приснился накрывший долину потоп. «Первый поток воды неумолимо приближался; он обрушился с такой быстротой, с таким ревом, он поднял такой вихрь, что я пришел в ужас и, проснувшись, дрожал всем телом. Прошло немало времени, прежде чем я пришел в себя. Встав утром, я все это нарисовал, как видел, сверху. Бог совершенен во всяком деянии».

Если вы хотите добиться прогресса в шахматах, вам обязательно нужно разбирать сыгранные партии. Свои и чужие. Отмечать слабые ходы и искать сильные. Это же необходимо делать и в фотографии. Исходя из ответа на вопрос – ЧТО вы хотите сказать снимком, нужно и редактировать его. Убирать все лишнее – все, что может отвлечь внимание зрителя от вашей основной идеи.

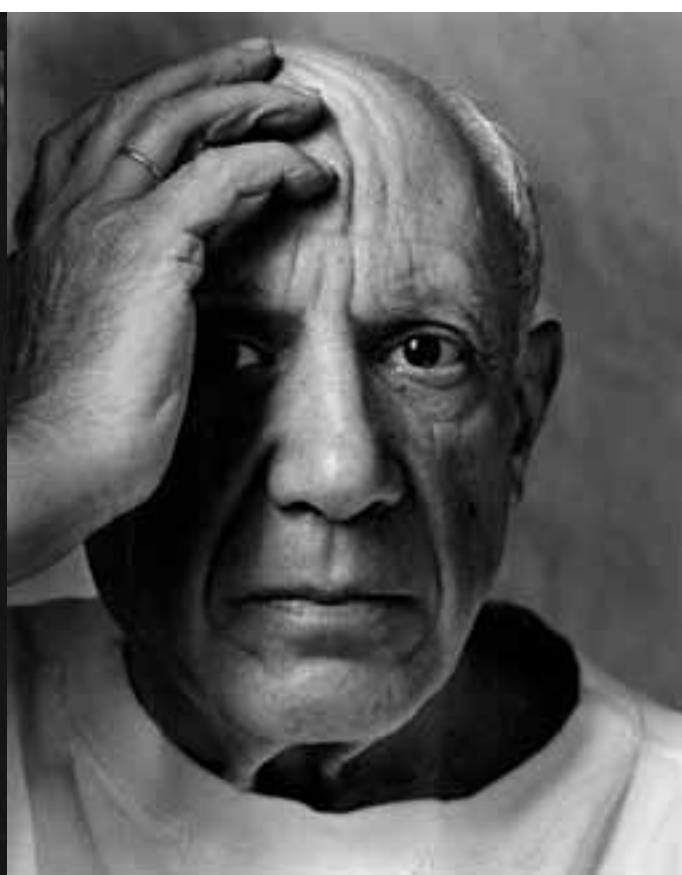
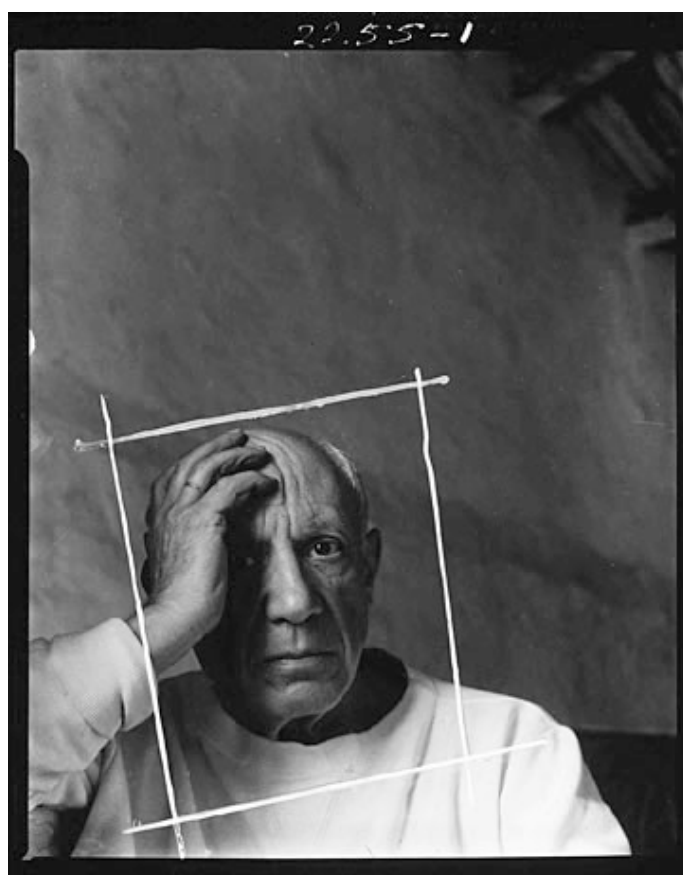
Попробую пояснить:

Канадский флаг по простоте и выразительности может считаться одним из самых красивых флагов в мире. Хотя настоящий лист канадского клена выглядит гораздо сложнее – у него 23 острых кончика. Дизайнер тестировал модель флага в аэродинамической трубе, чтобы видеть, как флаг будет выглядеть, развеваясь на ветру. 23-конечная форма листа при сильном ветре с трудом узнавалась бы на флаге, а 11-конечная смотрится замечательно.

Точно так же выглядят и хорошие логотипы – от них остается только одна, но самая узнаваемая часть. И из классических фотографий убрано все лишнее. Это самый простой способ редактирования. Потому что все, что не помогает – мешает. Отвлекает внимание.

И пункт второй – КАК. Иосиф Бродский в своей Нобелевской лекции говорил: «Искусство вообще и литература в частности тем и замечательно, тем и отличается от жизни, что всегда бежит повторения. В обыденной жизни вы можете рассказать один и тот же анекдот трижды и трижды, вызвав смех, оказаться душою общества. В искусстве подобная форма поведения именуется клише».

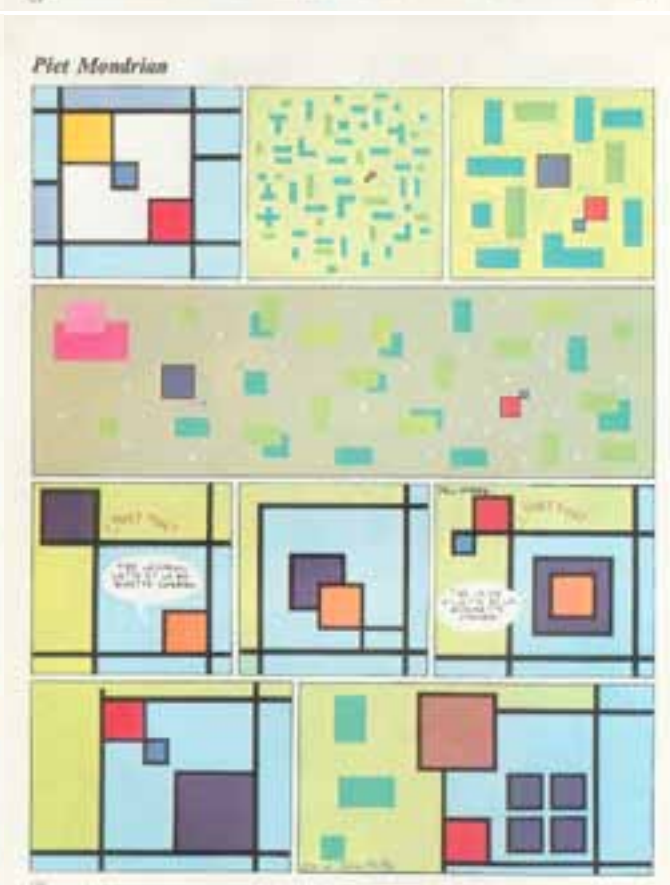
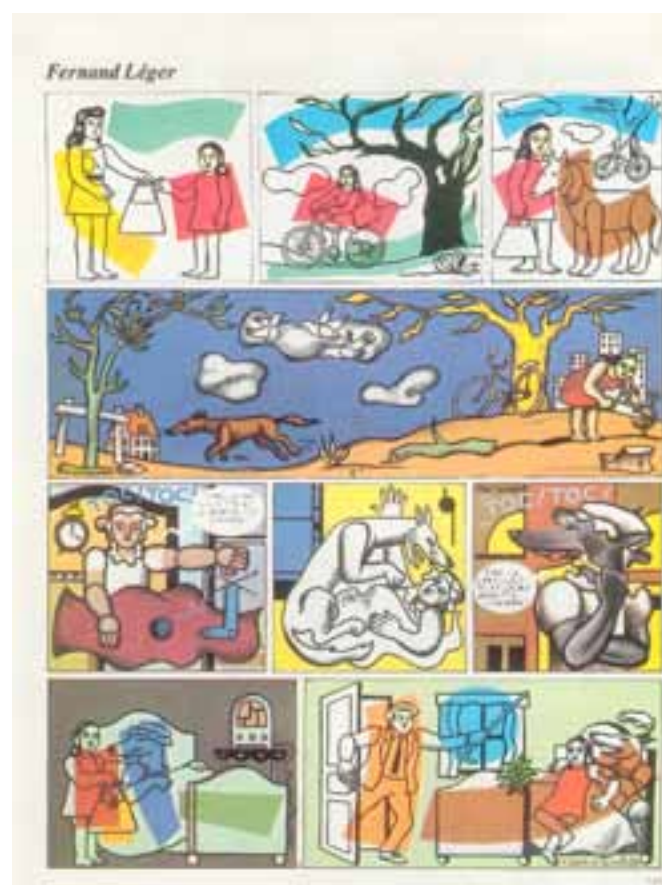
Это же справедливо и для фотографии. Но только отчасти.

Тему невозможно исчерпать, но ее можно развить. Первый человек, который сделал любимый снимок всех пляжных фотографов-халтурщиков «солнышко на ладошке» был гением. Хотя «физика» снимка примитивна – совмещение переднего и заднего плана. Простое тысячекратное повторение этой идеи ничего не дает, но понимание принципа работы этого снимка дает автору бесконечное пространство для творчества.

Посмотрите на интересный проект «Красная шапочка» художника Жана Эша. Одна и та же история, рассказанная в стиле Анри Руссо, Пабло Пикассо, Бернара Бюффе, Фернана Леже, Джорджо де Кирико, Хуана Миро и Пита Мондриана

Не бойтесь вечных тем. Старайтесь их раскрыть по-своему. Мой любимый Хорхе Луис Борхес писал, что историй всего четыре: «Одна, самая старая — об укрепленном городе, который штурмуют и обороняют герои. Вторая, связанная с первой, — о возвращении. Об Улиссе, после десяти лет скитаний приплывшем к родной Итаке. Третья история — о поиске. В прошлом любое начинание завершалось удачей. Теперь поиски обречены на провал. Последняя история — о самоубийстве бога».

THE HIPPOCRATIC OATH OF A PHOTOGRAPHER

I never have
and never will,
under any circumstances,
take a picture of a nude holding a transparent bubble.
Neither will I ever take,
help to take, approve of taking,
admire, discuss, or look at
a picture of an egg.
I will not photograph dogs playing with cats,
or cats playing with a ball of thread.
I will not make close-ups of grapes
so big that they look like apples,
or apples so close-upped
that they look like watermelons.
I will not take pictures of nursing mothers,
or old ladies in rockers, knitting,
entitled "The Evening of Life."
I will not photograph decorative old tramps
with hopelessly entangled white whiskers
and shiny noses.
I will not photograph the young ladies of Bali
although they are notoriously not particularly camera shy.
I will not take pictures of nudes
looking like tigers
because of the striped shadows
created by the light passing through Venetian blinds.
Above all, I will not photograph old barns in Connecticut
(so-called marvelous textures of weathered old boards)
or cottages in Texas
even if they call them castles,
or natives climbing coconut palms in Hawaii.
I will not take pictures of Bowery bums
sleeping under the Sunday edition of the New York Times for a blanket
with a poster of Marlene Dietrich posted on a fence in the background.
I will never take candid camera pictures of fat ladies at Coney Island
(never again).
I will never again photograph plaster casts of Greek statues,
or cabbages cut in half,
or salad leaves with drops of dew on them.
I will not take pictures of nudes on spring-boards
(not even back views),
or nudes rolling a hoop
or nudes smeared all over with Vaseline Cheeseborough
entitled "Porcelain."
I will not call a picture of a little boy standing against a wall
"JUS' BOY,"
or a picture of a child hugging a small goat
"TWO KIDS."
I will not photograph
the place of San Marco in Venice
through the grille work of a balcony
in the Palace of the Doges.
I will not photograph the general view of a rodeo
with a camera placed between the hind legs of a bucking broncho.
And last but not least:
If I am compelled
by the force of circumstances
to photograph a Mexican child in Mexico,
I will chase all the flies off his face
before taking the picture
(Thunder over Mexico notwithstanding).
And if I can help it
I will not photograph the brat at all.
In fact, if I can help it
I will refrain from taking any pictures of any description, under
any pretext whatsoever.

M. F. AGHA

Клятва Гиппократы для фотографа

Я никогда не делал и впредь ни при каких обстоятельствах не сделаю фотографию обнаженной натуры, держащей в руках прозрачный сосуд.

Я также никогда не сделаю сам и не окажу в этом помощь другому, не поощрю словом, не похвалю и даже не буду обсуждать, даже не взгляну на фотографию яйца.

Я не буду фотографировать собаку, играющую с кошкой, и кошку, играющую с клубком ниток.

Не буду делать снимок винограда крупным планом так, чтобы ягоды выглядели размером с яблоко, и снимок яблока так, чтобы оно выглядело размером с арбуз.

Я не буду снимать кормящих матерей или старушек за вязанием в кресле-качалке и озглавливать снимки «Закат жизни».

Я не буду делать фотографии симпатичных старых бродяг с безнадежно запутанными бакенбардами и блестящими носами.

Я не буду фотографировать девушек с Бали, несмотря на то что их бесстрашие перед камерой общеизвестно.

Я не буду делать фотографию обнаженной, которая в падающем сквозь венецианские жалюзи свете напоминает лежащего тигра.

Кроме того, я не буду фотографировать старые амбары Коннектикута (восхитительные текстуры дерева, выдержавшего шторм) или техасские кактусы, даже если там их называют «какты», или аборигена, карабкающегося на пальму, на Гаити.

Я не буду фотографировать бомжей из Бауэри, укрывшихся воскресным выпуском New York Times как одеялом, перед приклеенным на ограду постером с Марлен Дитрих.

Никогда я не сделаю фотографию толстушки на Кони Айленд «от живота», никогда больше.

Я никогда больше не сфотографирую гипсовый слепок с греческой статуи, или кочан капусты, разрубленный пополам, или листья салата с каплями росы.

Я никогда не сделаю снимок обнаженной на трамплине (даже вид сзади), или обнаженной, крутящей обруч, или обнаженной, обмазанной толстым слоем вазелина, чтобы дать ему название «Фарфор».

Я не стану называть фотографию маленького мальчика на фоне стены «Просто мальчик», а фотографию ребенка, обнимающего козленка, – «Два ребенка».

Я не буду фотографировать площадь Сан-Марко в Венеции сквозь решетку балкона Дворца дождей.

Я не буду фотографировать сцену родео, поместив камеру между задних ног волнующейся лошади.

И, в конце концов, если в силу обстоятельств я вынужден буду сфотографировать мексиканского ребенка в Мехико, я стоню всех мух с его лица, прежде чем сделать снимок (не смотря на громыхание в небе над Мехико).

И я постараюсь никогда не фотографировать капризных детей.

Да и вообще, если мне удастся, я воздержусь от съемки любых кадров любого содержания, под каким бы то ни было предлогом.

1937

В детстве мне казалось, что прогресс в творчестве, если такой и существует, движется только в одну сторону – от простого к сложному. Что современное искусство – это шарлатанство и происходит оно от лени и неумения рисовать по классическим канонам. Я считал, что перед любым талантливым человеком, который занимается каким-либо творчеством и быстро прогрессирует в нем, рано или поздно встает вопрос – в каком месте остановиться? Проблема в том, что если человек действительно прогрессирует, ему очень быстро начинает надоедать то, за что его хвалят. Он очень сильно отрывается от вкусов людей, которым когда-то нравились его работы. Его просто перестают понимать. И тогда он должен сделать выбор – вернуться назад, ко всеобщей любви, деньгам и признанию или продолжать развиваться и остаться совершенно непонятым. Почти все выбирают первый вариант.

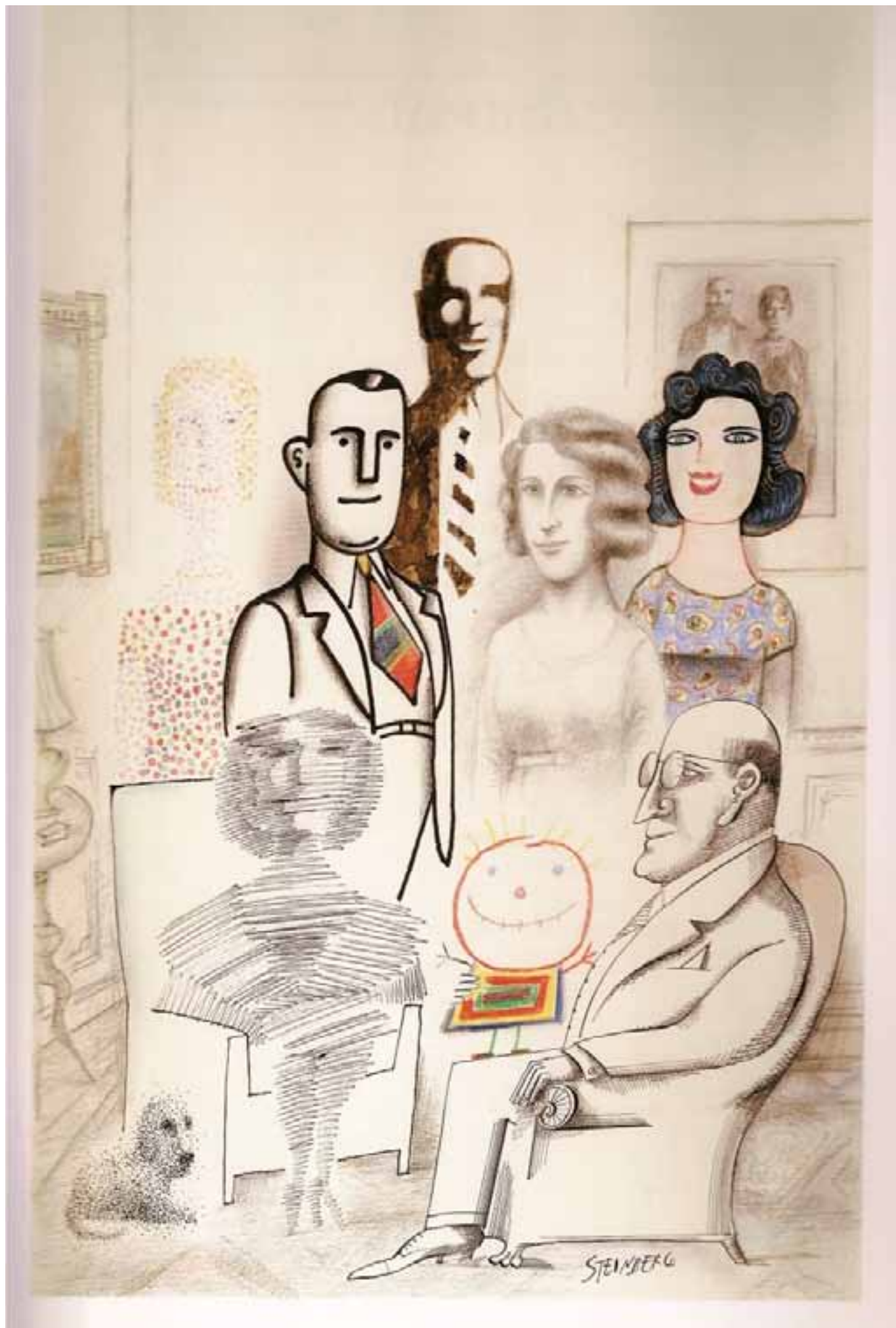
Первое сомнение во мне породили рисунки английского художника и поэта Эдварда Лира – у нас его знают как автора абсурдистских лимериков.

Честно говоря, мне никогда не нравились его иллюстрации. И я не сомневался в полном отсутствии у Лира какого-либо художественного таланта. Но каким для меня откровением стали его классические иллюстрации. В возрасте 19 лет он выпустил свою первую книгу «Иллюстрации семейства Пситтицидов, или Попугаев». Сравните – это тот же Эдвард Лир.

Потом я узнал, что множество авангардных художников были прекрасными рисовальщиками. А великий Хokusай за свою жизнь больше 50 раз менял имя, и каждый раз перемена имени означала новый период творчества. И каждый раз при смене имени он ставил новые задачи и искал новые пути решения.

*Высшее достижение состоит в том,
чтобы стереть границу между работой и игрой.*

Арнольд Тойнби

Великий Родченко писал: «Возьми историю искусств или историю живописи всех стран, и ты увидишь, что все картины, за ничтожным исключением, написаны или с пупа или с уровня глаз. Кажущееся впечатление от примитивов и икон не принимайте за точку с птичьего полета. Это просто поднят горизонт для вписания многих фигур; но каждая из них взята с уровня глаз».

И сегодня 95 процентов всех фотографий сделаны с высоты стоящего / сидящего человека. Плюс три процента – снимок с колена или с вытянутой руки (как правило – себя).

Между тем, если мы представим вокруг объекта сферу – все это возможные точки съемки. Прибавьте к этому различные наклоны камеры (горизонт завален) и столь любимые перевороты изображения – когда, например, отражение меняется с отражаемым. Разумеется, изменение ракурса не самоцель и имеет смысл только тогда, когда может что-то добавить снимку.

В нью-йоркском Музее современного искусства (МоМА) я долго простоял перед фотографиями Ли Фридлендера.

Он любил снимать серии. Композиция почти всегда кажется небрежной. Меня зацепила серия с деревьями Нью-Йорка. Особенно вот эта. Казалось бы, простое правило фотографа – снимай объект с разных сторон. Но такая простая идея – снимать из под объекта – мне в голову не приходила.

ФОТОШОП

*Все фотографии очень точны,
но ни одна из них не воспроизводит правду.*
Ричард Аведон

Спасая живопись, фотография приняла на себя ее проклятие – отображать мир таким, какой он есть. От фотографии стали требовать документальности. Снимок должен был быть памятником эпохи. Основным упреком фотографу было слово «постановка». Хотя огромное количество исторических фотографий, которые мы знаем, на самом деле постановка. От знамени над Берлином до флага над Ивудзимой. С появлением компьютера слово «постановка» сменилось на презрительное – «да это же фотошоп!». Фотошоп – значит подделка. Ненастоящее и не достойное уважения.

Хотя не совсем понятно, почему такие высокие требования к отображению действительности применяются именно к фотографии. Между тем, фотошоп – это просто желание приукрасить мир. Немного упрощая можно сказать, что фотошопом является очень многое из того, что нас окружает – женская косметика, процесс написания резюме, адвокатура, институт вежливости. Никто же не предъявляет претензии, например, к балету – так не бывает! Женщины в жизни не танцуют на пуантах! Да вся художественная литература это фотошоп. И живопись, и поэзия, и кинематограф. Фотошопом является любое желание выглядеть лучше – например, уборка квартиры перед приходом гостей, борьба с прыщами, ювелирные украшения, пломбирование зубов, рассказ о себе на первом свидании...

А сама фотография никому ничего не должна. Все, на что способен снимок – это произвести впечатление. И только с этих позиций к нему нужно подходить. Если вы не репортер серьезного агентства и в вашем контракте не оговорена недопустимость вмешательства в кадр, то вам можно делать все, что угодно. Ваша задача – донести мысль, выраженную в фотографии, до собеседника. И все, что помогает этому – прекрасно. Вы же, когда рассказываете какую-то историю, подбираете правильные слова, расставляете их в нужном порядке, а не вываливаете на собеседника весь поток сознания, который находится у вас в голове.

И совершенно непонятно, почему допустимы любые манипуляции только по одну сторону камеры – до снимка. Почему можно работать зумом – это аналог кропа в фотошопе. Как пурист может использовать вспышку и штатив? Почему допустимо сдвинуться в сторону, чтобы убрать лишнюю ногу из кадра, а в фотошопе сделать то же самое не допускается? Фотошоп – это просто инструмент, предназначение которого – сделать лучше. Просто глупо не пользоваться этой возможностью. За всю свою многолетнюю практику я ни разу не сталкивался со снимком, который нельзя было бы улучшить. И, разумеется, обработка кадра не должна бросаться в глаза.

Поклонник Абсолютной Документальности фотографии забывает, что обработка его снимка уже произошла в электронных мозгах его фотоаппарата. И если он не вмешивается в получившийся результат, то это означает только то, что их устроило усредненное значение, предложенное камерой.

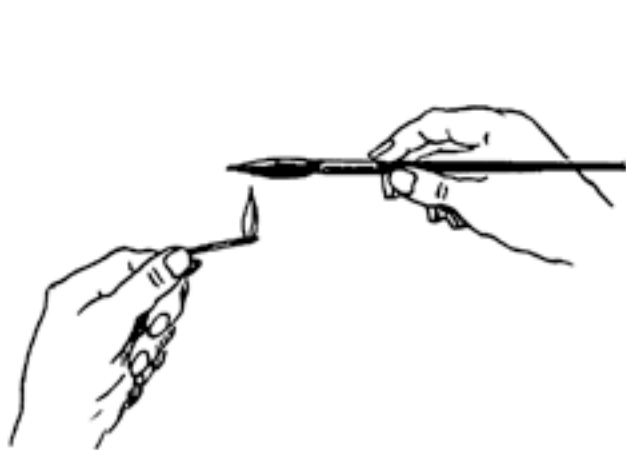

Рис VI 8 Выравнивание конца кисти над пламенем горящей свечи

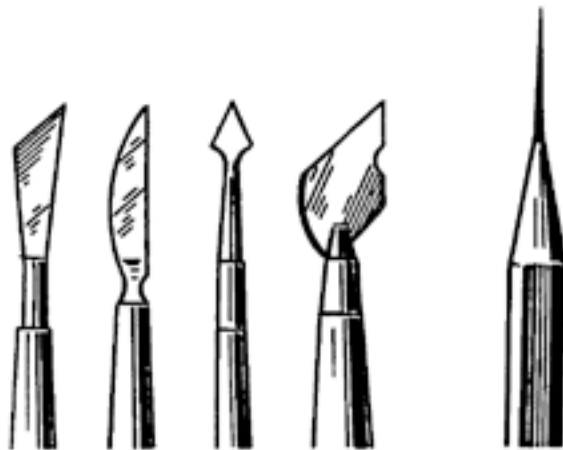

Рис VI 9 Скребки и скальпели, применяемые для ретуши

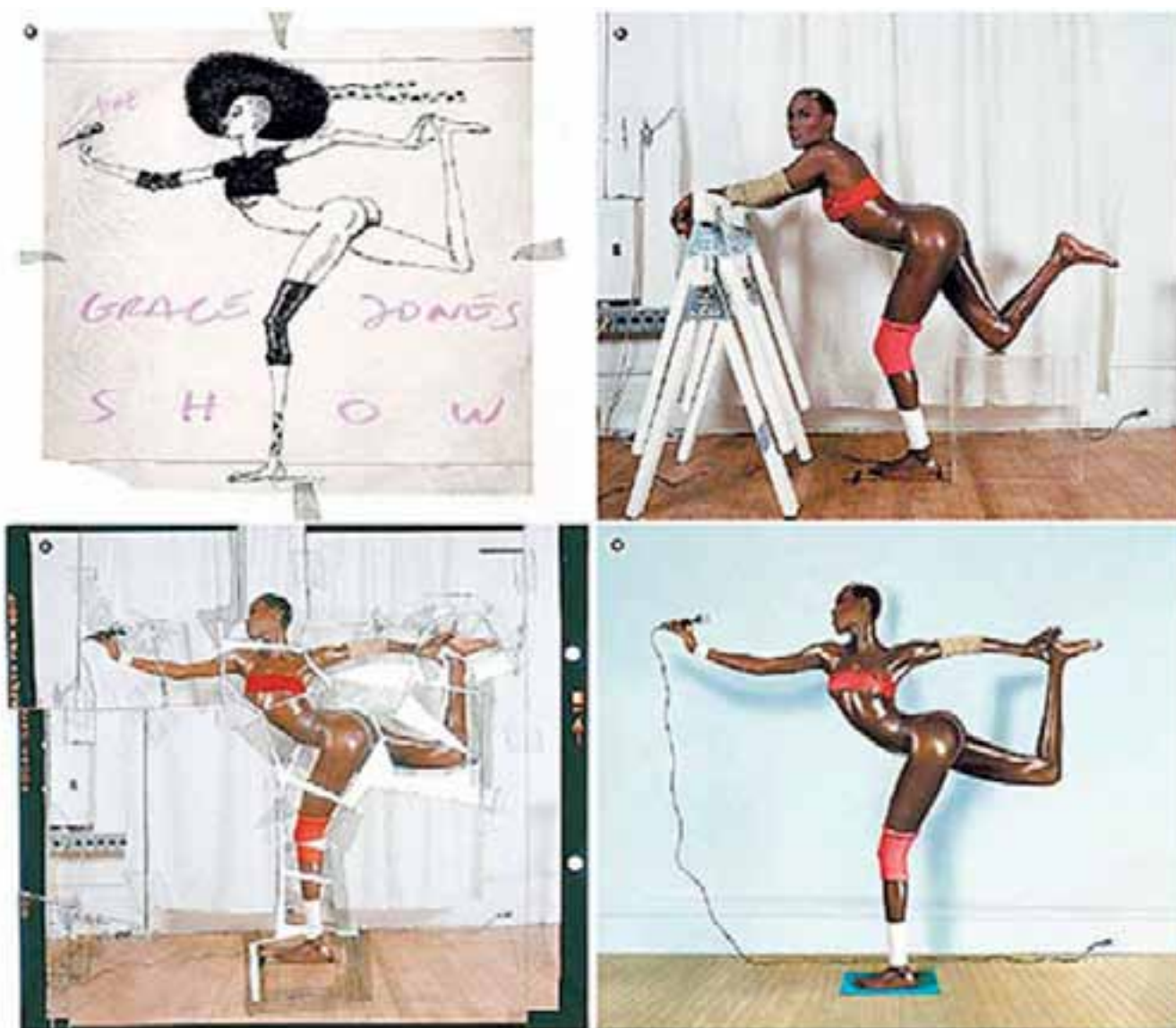
Рис VI.10 При- мер затачива- ния карандаша для ретуши

Инструменты для ретуши – рисунок из «Краткого справочника фотолюбителя» (Панфилов Н. Д., Фомин А. А. 1985). Для ретуши использовались – черный анилиновый краситель, тушь, черная акварель, гуашь, темпера, абразивный материал, кисти, ватный тампон, скребки, скальпели, карандаши. Необходимо было также иметь: резиновый клей, спиртовой лак, двукратную увеличительную лупу, ластик, вату, стеклянную пластинку для разведения анилина, посуду для воды, кювету, блюдца.

Возможно, при обработке фотографии вам пригодится совет профессиональных ретушеров – перевернуть фотографию вверх ногами. Когда мы видим картинку в правильном ракурсе, то воспринимаем ее целиком, а на помехи не обращаем внимания. Но стоит перевернуть картинку на 180 градусов, как все дефекты и мелочи моментально выступают на передний план.

Фотография Денниса Стока до и после обработки

Работа в дофотошопную эпоху над диском Грей Джонс Island Life 1985

Да и первые фильтры программы фотошоп возникли не на пустом месте. Все это было – соляризация, монтаж, изополихромия, маски и др. «фотошопные приемы».

Прекрасный художник и фотограф Алексей Курбатов рассказывал про свои эксперименты с «фильтрами» не после, а во время съемки. Он носит с собой кусок полиэтилена. И снимает через него. Это дает легкий эффект дымки. Для этого же некоторые фотографы выборочно намазывали гелем светофильтр на объективе. Получался взгляд как будто сквозь слезы (помните две истории про художника Уильяма Тернера?). Можно также подышать на линзу и снимать через запотевшее стекло. Фотографы-курильщики иногда снимают через дым. Интересный результат дает съемка через грязное стекло. Великий Юрий Норштейн вспоминал: «Когда меня в Швеции спросили, почему у нас в фильмах такое мягкое глубокое изображение, я ответил, что у них это никогда не получится, так как они каждый день моют стекла». Вообще, со стеклом очень интересно экспериментировать. Попробуйте как-нибудь поснимать через очки, бокалы, граненые стаканы, через мокрое стекло, через банку с водой, через толстый кусок стекла, через дверной глазок.

При съемке через капроновый чулок реальность приобретает сияние золотистого песка. Интересно снимать через прозрачный тюль. Особенно, когда в поле зрения есть блики или огоньки. Любопытный эффект получается, если в фольге проткнуть иголкой маленькое отверстие и снимать через него.

Разговорам о допустимости или недопустимости что-то исправлять на снимке почти столько же лет, сколько самой фотографии. В книге Кантен Бажак «История фотографии» рассказывается о дискуссии, похожей на спор сторонников и противников использования фотошопа при обработке фотографии, которая вспыхнула в 1855 году во Франции. Предметом дебатов стала ретушь. Ее противник фотограф Дюрье считал невозможным всякое вмешательство руки человека, ибо «вождение и царапанье кисточкой по фотографии будто бы ради внедрения какого-то искусства есть не что иное, как отрицание и уничтожение искусства фотографического». Поль Перье защищал ретуширование: «Так позвольте же мне ретушировать мои негативы, равно как и мои позитивы, если уж мне хочется их улучшить и если таким образом я могу повысить их уровень». Тогда в дискуссии победили сторонники ретуши. Кстати, сама ретушь была тогда двух категорий – «техническая» осуществлялась на негативе с помощью туши и ластика, а в «художественной», более тонкой, применяли карандаши, кисти, тушь, акварель или пастель – практически это совпадает с инструментами и фильтрами фотошопа сегодня.

В левом верхнем углу – фотография до ретуши

И в заключение – рассказ об одном из самых известных фотомонтажей в истории. В 1917 году две девочки из Коттингли (Великобритания) сфотографировались с феями, вырезанными из бумаги. Сам сэр Артур Конан Дойл написал об этом восторженную статью «Сфотографированы эльфы – эпохальное событие». Он принял след от булавки, которым поддерживалась вырезанная из бумаги фигурка эльфа за пупок. И пришел к выводу, что рождение в царстве эльфов может происходить так же, как и у людей. Артур Конан Дойл до самой смерти верил в подлинность этих фотографий.

ВНУТРЕННИЕ НАСТРОЙКИ

Что-то все время сдерживало нас и делало слабее.

Пока не стало ясно, что это мы сами.

Роберт Фрост

Говоря все время о том, что находится по ту сторону объектива, нельзя забывать и о самом фотографе. Точнее – о его правильных внутренних настройках. Без них никакой прогресс невозможен.

Не будет перерождения. Не будет ничего после смерти. Кому-то может это показаться печальным, но меня это невероятно вдохновляет. К этой жизни нужно относиться как к чуду и ее нельзя бездарно потратить. У нас есть очень мало времени, чтобы что-то успеть сделать. Нельзя откладывать жизнь на потом. С Нового года. С понедельника. Если вы хотите что-то сделать – у вас никогда не будет времени лучше, чем сейчас. Не надо отговорок – вот если бы у меня было... то я конечно... Не ждите, когда у вас что-то будет. Действуйте прямо сейчас.

Хочу рассказать две истории про людей, находящихся в тяжелейших ситуациях.

Томазо Кампанелла в конце XVI века организовал заговор с целью освободить юг Италии от испанского ига. Заговор раскрыли. От смертной казни его спасло только обилие грехов – его обвиняют не только в преступлении, но и в ереси и передают церковному трибуналу. Его долго пытали. Потом посадили на кол на сорок часов. Каким-то чудом Кампанелла выжил. Его приговорили к пожизненному заключению. И в тюрьме он написал свою утопию – «Город Солнца». Он не мог даже сидеть – писал лежа. Он не мог держать карандаш в изувеченной кисти – и привязывал его к руке.

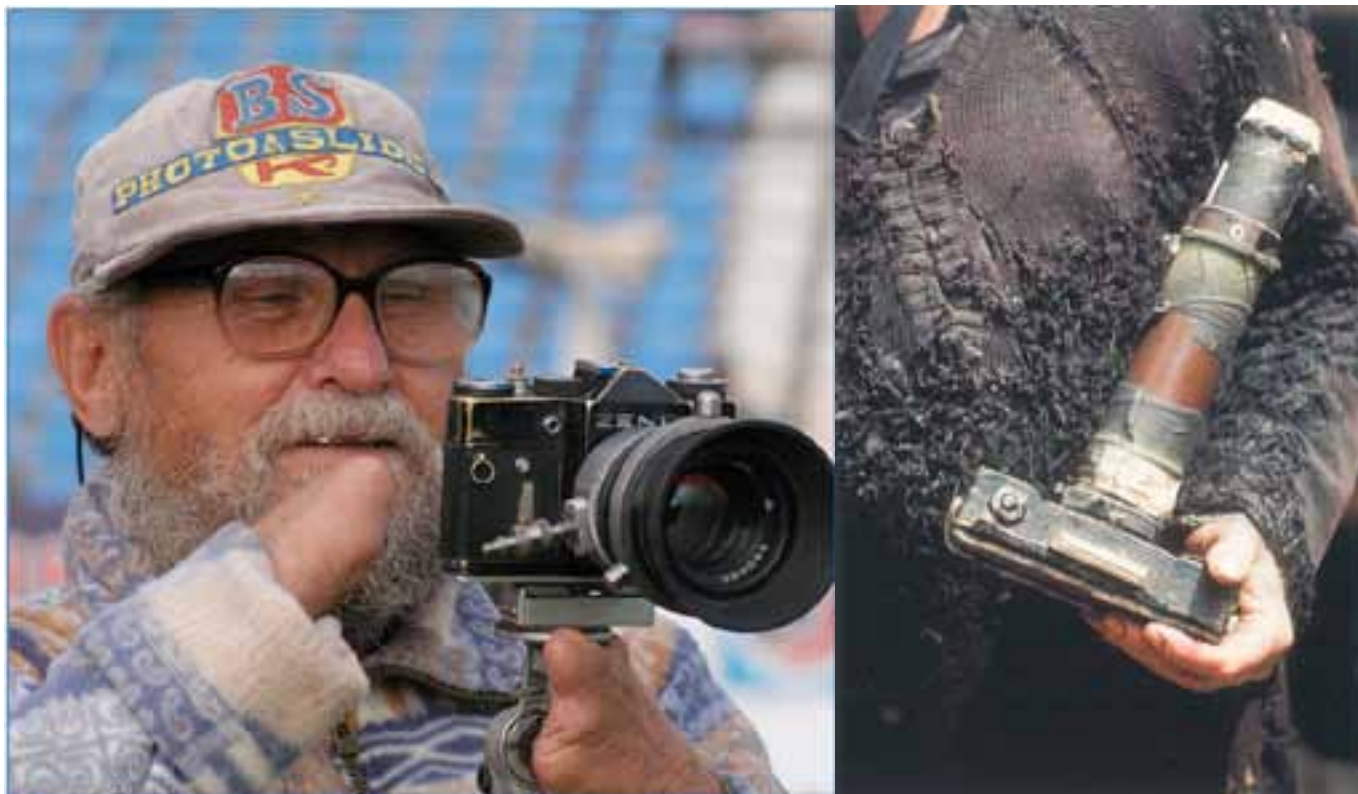
Иоганн Кеплер всю жизнь прожил в беспросветной нужде. Его мать обвинили в колдовстве. Обвинение содержало 49 пунктов: от связи с дьяволом и богохульства до порчи и некромантии. Ее должны были сжечь. Следствие тянулось пять лет. Кеплер постоянно хлопотал за нее и давал святым отцам взятки из своего мизерного жалования. И все это время производил сложнейшие астрономические наблюдения и вычисления – составленными им таблицами моряки и астрономы пользовались вплоть до начала XIX века. При этом Кеплер страдал близорукостью и в глазах у него постоянно двоилось. У Кеплера и Кампанеллы никогда не было идеальных условий. Они работали в тех, что были. Не думаю, что ваше положение хуже.

Если вы не довольны вашим прогрессом в фотографии – это замечательно. Это значит, что вы растете. Старайтесь держать планку как можно выше. Снимайте, снимайте, снимайте, но показывайте не более 1-2 кадров из ста. Попробуйте сделать за неделю один снимок, который вам по-настоящему понравится. И пусть вам не кажется, что это мало. 52 хорошие фотографии в год – это невероятно много. Не льстите себе – самодовольство губительно для творчества. Топливом для вашего развития может быть что угодно. Любое ваше достоинство или любой ваш недостаток. Например, психоаналитик Дональд Винникотт считал, что движущей силой художника является напряжение, созданное разницей между желанием общаться и желанием спрятаться.

Обобщив биографии сотен талантливых людей, психологи пришли к выводу, что у них у всех было несколько обязательных качеств: достойная цель, высокая работоспособность в любых условиях и умение держать удар. Как только человек начинает делать что-то, выбивающееся из обыденности, он сразу попадает под удар критики.

Мир так устроен, что похвалить новое сложнее, чем обругать. Похвала требует смелости и вызывает подозрение в ангажированности. Похвала подозрительна. Миром правят трусы. И любой нестандартный поступок, который может изменить этот мир, сначала воспринимается как глупость или ошибка.

Так, например, в 1838 году парижский врач убеждал жену изобретателя фотографии Луи Дагера поместить мужа в сумасшедший дом. Он уверял ее, что хобби ее мужа – ловить тени людей есть признак сумасшествия.

Фотограф Борис Краснянский снимал не имея кистей рук. А Мирослав Тихий сам мастерил фото-аппараты и объективы из подручных средств – из картона и линз от найденных им очков, полировал самодельные линзы сигаретным пеплом и зубной пастой.

Фотограф-самоучка Ю Юмаучи прожил 600 дней в небольшой хижине на Фудзияме, чтобы каждое утро снимать рассвет.

Встаньте на место критика. Ему просто опасно хвалить – его могут упрекнуть в незнании материала, указав на то, что на самом деле новое – просто перелицованное старое. Читать разгромные рецензии гораздо интереснее. Это возвышает читателя в своих глазах. Представьте мир, где все, кроме вас являются гениями. А вы – ничтожество. Уютно вам будет в таком мире? Именно поэтому так много гениев в прошлом. Они уже не конкуренты. Так что если вас ругают, а у вас есть уверенность в своих способностях – наплюйте на критиков. Направьте свою энергию не на войну с ними, а на реализацию новых идей.

«Очевидно, что музыка Стравинского будет существовать очень недолго». «Нью-Йорк Сан», 1937.

«Первый фортепьянный концерт Чайковского вышел, как первый блин - комом». «Новое Время», Санкт-Петербург, 1875

«Риголетто - самое слабое произведение Верди. Ему не хватает мелодичности». Музыкальный Париж, 1853

БУДУЩЕЕ

*В начале была эмоция,
а слова там вообще не было.
Луи-Фердинанд Селин*

Любое искусство стремится максимально завладеть вниманием зрителя. При этом все время уменьшается возможность слушателю/зрителю домысливать самому. Сокращается пространство между строк. Поясню. Искусство рассказывать истории возникло очень давно в темноте, освещаемой костром. Пространство для воображения слушателя было максимальным. Он сам мог вообразить себе оскал зверя и храбрость охотника. Это искусство плавно переросло в театр, обрастая по дороге музыкой, хором, другими актерами, декорациями и профессиональным освещением.

И как бы стремительно ни развивался кинематограф (из немого он превратился в звуковой, из черно-белого — в цветной, из плоского — в объёмный), и он не может до бесконечности стремиться к правдоподобию (растворить в себе зрителя). Он должен оставить какую-то свободу. Воздух.

Понятие того, как работают эти две силы — стремление завладеть вниманием (сила действия) и невозможность сокращения до нуля пространства фантазии (сила противодействия), позволяет сделать несколько прогнозов: по какому пути будут развиваться искусство и индустрия развлечений.

Достижение полного реализма не то что невозможно — оно ненужно. Нельзя сокращать до нуля возможность участия фантазии зрителя. Об это в своё время споткнулось искусство скульптуры. Идея раскрашивать статуи (для полного реализма) оказалась нежизнеспособной.

Не прижилась давно изобретенная стереофотография. Загнана в узкую нишу HDR-фотография. Устаревает гиперреализм в живописи. Затягивающий в себя реализм кино потребует вовлечения зрителя в действие, происходящее на экране. От человека, сидящего у экрана, должно хоть что-то зависеть. Появятся интерактивные фильмы. В ключевые моменты зритель сможет выбирать — по какому сценарию будет развиваться действие (убить ему незнакомца или вступить с ним в диалог). Это потребует снимать не один сюжет, а целое дерево сюжетов. Не за горами интерактивные сериалы. Например — кого оставить в команде Хауса (всемирную любовь, старика, стерву или тринадцатую), в конце серии будут решать зрители голосованием. Произойдет симбиоз кино и компьютерной игры. В середине прошлого века появились такие книги. Вы доходите до камня на развилке — пойдете налево (Переходите на страницу 25. И там вас убивают), пойдете направо (стр. 214), прямо (стр. 64). Действие ветвилось, в каких-то точках оно пересекалось или обрывалось. Не прижилось именно потому, что в книгах пространство для воображения и так огромно.

Появятся различные виды ассоциативного искусства — с огромными пространствами между строк. Что-то в этом направлении делает Cirque du Soleil и новое поколение изобразительного искусства. Когда картинка, которую вы видите, работает прежде всего как стимул для вашего воображения. Идеальный пример — музыка. Вам задается только эмоция. Все остальное вы додумываете сами.

И будущее фотографии лежит не в реализме, а в усилении ее эмоционального воздействия.

Вполне возможно, что завтра появятся технологии, позволяющие фиксировать на снимке запахи. Уже сегодня существуют анализаторы запахов, способные уловить несколько молекул пахучего вещества. Представьте, как расширит наше представление о мире такая камера. Возможно, в ней основные запахи будут маркироваться цветом, а интенсивность запаха – насыщенностью.

И мы тогда сможем увидеть мир глазами собаки:

Вместо четких границ фигуры человека мы видели бы некий размытый силуэт. Люди состояли бы из запаха кожи, волос, с яркими пятнами в районе паха, подмышек, рта. Прикрытых запахом одежды. С сильным шлейфом парфюма, табака, перегара или жевательной резинки.

Представьте запах кухни из открытых форточек и запах подвалов. Запах толпы из троллейбуса.

Железная дорога добавляла бы запах креозота и угля. Заправки - запах бензина и солярки.

Запахи продуктовых магазинов, аптек, цветочных киосков, магазинов одежды.

Запах распускающихся почек и пролетающих птиц.

Запах нагретой земли, травы, асфальта, пыли, реагентов, собачьих отметин на углах зданий.

Проезжающие автомобили оставляли бы длинные следы бензинового выхлопа. С облаками запаха омывателя...

Возможно, что новые фотографические технологии изменят и стандарты поведения.

Давайте представим на минуту, что завтра появятся камеры, позволяющие снимать человека без одежды. По сети неоднократно ходили истории, о теоретической возможности что-то разглядеть при съемке в ночном режиме в инфракрасном диапазоне. Но давайте представим, что такая технология изобретена и очень доступна. Везде – в камерах, мобильных телефонах и очках.

Как будет реагировать общество на возможность увидеть любого человека без одежды? Мне кажется, что мы тогда последовательно пройдем через три стадии:

1. Обязательно будет предпринята попытка законодательно запретить любые гаджеты с такой возможностью. Церковь и пуритане организуют крестовые походы против технологий, подрывающих основы морали. Конфискация и колоссальные штрафы для пользователей и отзыв лицензий и бойкот производителей. Все можно будет достать на черном рынке за огромные деньги.

2. Затем запрет начнет понемногу ослабевать, но будет налажен выпуск одежды, экранирующей съемку. В местах выступления политических деятелей будут установлены специальные детекторы, реагирующие на попытку съемки человека обнаженным. Мы не можем показать нашего президента голым и с обвисшим животом – это нанесет непоправимый урон престижу страны.

3. А потом неизбежно изменится отношение к обнаженному телу. В нем не будут видеть ничего постыдного. Люди начнут больше заботиться о собственной физической форме.

ЭПИЛОГ

*Если вы хотите, чтобы что-то произошло через 100 лет,
начинайте прямо сейчас.*
Борис Стругацкий

За последние 150 лет произошли колоссальные изменения в лучшую сторону в отношениях между людьми и в отношении людей к окружающему миру. Люди стали лучше и добрее. Эти перемены гораздо важнее, чем появление автомобилей, телевидения, компьютеров, интернета, полет человека в космос и ваш айфона вместе взятые. И что самое обидное – практически никто этого не замечает. Все с тоской вспоминают мифическое прекрасное прошлое и жалуются на падение нравов. Все это – вранье. Не было никакого Золотого Века. Мир был жесток, нетерпим и ограничен. И еще там очень плохо пахло.

Тема, конечно, не нова. «Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами, они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие» Сократ (470-399 гг до н. э.).

Давайте сравним.

1. Отношение к детям.

Ребенок был собственностью родителей. Абсолютно бесправной. Л.Н. Толстой – наше зеркало. «Незамужняя женщина эта рожала каждый год и, как это обычно делается по деревням, ребенка крестили, и потом мать не кормила нежеланно появившегося, не нужного и мешавшего работе ребенка, и он скоро умирал от голода» («Воскресение»). Просто переставала кормить.

Детоубийство осуждалось, но только убийство законных детей. Именно повсеместное убийство незаконнорожденных младенцев породило миф о том, что «в старые добрые времена мораль была выше и незаконнорожденных детей, если верить переписям, почти не было». Совершенно верно, не было – их просто убивали. По этой же причине, а не потому, что люди были чище и лучше, не было детских приютов: до детей, гибнущих на улицах, просто никому не было дела.

Детей били, они вырастали и в свою очередь били собственных детей. Так повторялось век за веком. Даже те гуманисты и педагоги, которые славилась своей добротой и мягкостью одобряли телесные наказания детей. Жена Мильтона жаловалась, что не выносит криков своих племянников, когда муж их бьет; Бетховен лупил учеников вязальными спицами, а иногда колол. Даже принадлежность к королевской семье не освобождала от побоев, чему пример – детство Людовика XIII. За обедом рядом с его отцом лежал кнут, а сам дофин уже в 17 месяцев прекрасно знал, что, если ему показали кнут, надо замолкнуть. В 25 месяцев его начали бить регулярно, часто по голому телу. Руссо рассказывает, как младенцев уже в первые дни били, чтобы успокоить. Одна мать пишет о своем первом сражении с четырехмесячным младенцем: «Я лупила его, пока рука не устала, буквально живого места не оставила, а он хоть бы на йоту уступил».

Ллойд Демоз в «Психоистории» писал об одном немецком школьном учителе, «который подсчитал, что в общей сложности отвесил 911 527 ударов палкой, 124 000 ударов плетью, 136 715 шлепков рукой и 1 115 800 пощечин.

2. Отношение к женщине.

У женщины практически не было никаких прав. Ты – Никто и звать тебя Никак. За женщину решали все – за кого ей идти замуж и чем заниматься. Она принадлежала мужу и точка. Женщины получили право распоряжаться своей жизнью (право на развод) и своим телом (право на аборт). Посмотрите американские фильмы 40-50 годов. Главный герой бьет жену. Это норма.

Существовала обширная литература, в которой женщина представляется исчадьем ада. «Женщина – это дверь, через которую входит дьявол, дорога по которой шествуют соблазн и зло». «Только мужчина сотворен по образу Божьему, женщина же сотворена из мужчины и только его придаток». На одном из средневековых соборов был даже поднят вопрос: человек ли женщина? Во Франкфурте в 1690 году выходит книга «Женщина не человек», а в Лейпциге в 1753 году печатается сочинение «Любопытное доказательство, что женщина не принадлежит к человеческому роду». Под влиянием этих воззрений сложились средневековые домострои.

Нередко жены мужьями закладывались или продавались. В XVII столетии патриарх Филарет обличал служивых людей, что они, отправляясь на отдаленную службу, закладывали своих жен товарищам и вместо процентов предоставляли им право любить со своими заложенными супружницами. Если должник не выкупал в срок своей жены, то займодавец продавал ее другому, другой третьему и т.д. Факты продажи жен часто встречаются даже в документах XVIII века.

Дехой И «Виллем ван де Вельде, рисующий морское сражение»

Сегодня довольно сложно представить себе, что нормальный человек вместо оказания помощи тонущим будет зарисовывать их.

3. Отношение к слабым.

Инвалидов старались не замечать. Они портили картину мира. Сравните это с современным европейскими ценностями. Помню, в Копенгагене меня поразили автобусы, которые, подъезжая к остановке, не только опускали специальную площадку, на которую могла заехать коляска, но еще и немного наклонялись, чтобы человеку было удобнее заехать на нее.

4. Отношение к чужим.

Возьмите Штаты – в газетах печатали объявления о премии за детские, женские и мужские скальпы индейцев. Еще в начале XX века в Европе были популярны человеческие зоопарки. Иногда их называли «этнологическая экспозиция», «выставка людей» или «негритянская деревня». Африканцев там выставляли зачастую рядом с обезьянами, чтобы показать, что они ближе к обезьянам, чем к людям.

Во время второй мировой войны практически всех японцев, проживающих в США, отправили в концлагеря.

5. Отношение к другим.

Появилось само понятие – свобода совести. Напомню, что согласно Уложению о наказаниях 1846 года человек не мог просто поменять свою веру.

Статья 197: За сочинения и проповеди, пропагандирующих другую религию или конфессию:

- В первый раз — лишение некоторых прав и заключение в смиренный дом от года до двух.
- Во второй раз — заключение в крепость на срок от четырех до шести лет. С тем же ущемлением в правах.
- В третий раз – ссылка в Томскую или Тобольскую губернии.

Гомосексуалистов травили и сажали в тюрьму. Гениального Тьюринга вынудили прибегнуть к гормональной терапии, после чего он покончил жизнь самоубийством. В некоторых штатах США принудительно кастрировали бродяг и алкоголиков.

6. Отношение к провинившимся.

За кражу еды голодным человеком его приговаривали к каторге. За многие преступления полагалась смертная казнь, часто публичная. Раньше, если человека отвергало общество, он становился изгоем. Дворяне стрелялись. Если отвергала крестьянская община – человек мог просто умереть от голода. Вы видели современные европейские тюрьмы? Людям перестали мстить за преступления, их пытаются исправлять.

7. Отношение к больным.

На сумасшедших ходили смотреть, как в театр. Была развита карательная психиатрия – электрошоковая терапия и лоботомия. В Германии в 1933 году был принят закон о принудительной стерилизации в случае «врожденного психического недостатка, шизофрении, маниакально-депрессивного психоза, наследственной эпилепсии, наследственной хорей, наследственной слепоты, наследственной глухоты, серьезных физических недостатков и сильной степени алкоголизма». Только в 1939 году было кастрировано 350 тысяч человек.

8. Отношение к политикам.

Посмотрите, как высоко поднялась планка – из-за каких пустяков сейчас на Западе уходят в отставку политические тяжеловесы. Нам это кажется даже смешным, но поверьте, что и у нас так будет. Мы просто очень подзадержались в своем развитии.

9. Отношение к животным.

У животных появились права. В Англии общество защиты животных появилось раньше, чем общество защиты детей. Вспомните наших писателей – над собаками и кошками постоянно издевались. А что? Бессловесная скотина. Расскажу только о такой популярной забаве, как «бросание лисицы». Игра заключалась в подбрасывании живых лисиц и прочих животных как можно выше в небо. Два человека становились на расстоянии шести-семи метров друг от друга, держась за концы пращи, которая раскладывалась между ними на земле. Затем на арену выпускался зверь. Когда он пробегал между игроками, те изо всех сил дергали за концы пращи, подкидывая животное в воздух. Победа в состязании присуждалась за самый высокий бросок. Высота бросков опытных игроков могла достигать семи метров. На устроенном курфюрстом Саксонии Августом Сильным состязании было брошено и погибло 647 лисиц, 533 зайца, 34 барсука и 21 лесная кошка.

10. Отношение к окружающему миру.

Не было никакой идиллии между человеком и природой. В самый пик индустриализма река Москва была загрязнена меньше, чем на закате сельскохозяйственной цивилизации. Реки всех крупных городов были отравлены фекалиями. А площадь лесов на территории Московской области при Иване Грозном была вдвое меньше, чем сегодня. Помню в сериале *Madman* меня поразила эпизод, когда главный герой не убрал за собой остатки трапезы после пикника. Сейчас это дикость.

11. Отношение к человеку как к личности.

Еще совсем недавно давление среды на человека было очень высоко. Основным правилом было – не высывайся. Например, в Скандинавии было такое понятие – Закон Янте, согласно которому общество не признает права своих членов на индивидуальность. Его сформулировал норвежский писатель Аксель Сандемусе в романе «Беглец пересекает свой след»:

Не думай, что ты особенный.

Не думай, что ты в том же положении, что и мы.

Не думай, что ты умнее нас.

Не хвались тем, что ты лучше нас.

Не думай, что ты знаешь больше нас.

Не думай, что ты важнее нас.

Не думай, что ты хорошо что-то умеешь делать.

Не смейся над нами.

Не думай, что нам есть до тебя дело.

Не думай, что ты можешь нас чему-то научить.

С тех пор общество колоссально изменилось. Сегодня это звучит примерно так:

Ты должен верить, что каждый что-то собой представляет.

Ты должен верить, что каждый человек так же важен, как и любой другой.

Может быть, ты и поумнее некоторых, но это еще не значит, что ты лучше их.

Ты должен верить, что любой человек так же хорош, как и ты.

Ты должен верить, что каждый человек знает что-то, что стоит знать.

Ты должен думать о каждом человеке как о равном тебе.

Ты должен верить, что каждый человек может что-то сделать хорошо.

Ты не должен смеяться над другими.

Ты должен думать, что всякий человек заслуживает заботы и внимания.

Ты можешь у каждого чему-нибудь научиться.

Да, прогресс непостоянен. Бывают откаты назад. Но все же перемены колоссальны. И мешают прогрессу сейчас две категории людей, больше всех говорящие о нравственности: политики и религиозные фанатики. 150 лет очень удобная точка отсчета. 150 лет назад было отменено крепостное право.

В конце хочу рассказать две истории. Они очень похожи.

Этот снимок находится в списке ста самых влиятельных фотографий XX века.

В 1993 году южноафриканский фотожурналист Кевин Картер специально прилетел в Судан, чтобы снимать сцены голода. Он отснял большую фотосессию в маленькой деревне Айод. Среди прочего Кевин сделал снимок умирающей от голода девочки, возле которой приземлился стервятник, ожидающий ее смерти. Кевин некоторое время понаблюдал за девочкой, после чего отогнал стервятника и ушел.

Его снимок был куплен журналом New York Times и почти сразу же был опубликован. За эту работу Картер получил Пулицеровскую премию, предложения работы от знаменитых журналов сыпались одно за другим. «Меня все поздравляют, — писал он родителям, — Не могу дождаться встречи и показать вам свой трофей. Это — самое высшее признание моей работы, о котором я не смел и мечтать».

Этот снимок помог мобилизовать мировую общественность на борьбу с голодом в Судане. Но самого фотографа пресса начала травить: «Человек, который настраивает свой объектив лишь для того, чтобы сделать удачный снимок страдающего ребенка, все равно что хищник, всего лишь еще один стервятник». Фотограф скажет потом друзьям, что жалеет о том, что не помог девочке: рядом был лагерь Объединенных Наций, где голодающим оказывали помощь.

Через три месяца после получения премии молодой фотограф покончил жизнь самоубийством. Он отравился себя угарным газом в автомобиле. Из предсмертной записки: «Меня преследуют яркие воспоминания об убийствах, и трупях, и злобе, и боли... картины голодающих или раненых детей».

И этот снимок находится в списке ста самых влиятельных фотографий XX века. Наверное, это самая известная фотография Вьетнамской войны. Ее сделал вьетнамский фотограф Ник Ут (настоящее имя Хуинь Конг Ут), работавший на агентство Associated Press. И он тоже получил за нее Пулицеровскую премию.

В 1972 году мирные жители деревни Чангбанг бежали из своих домов, спасаясь от боевых действий. Пилот южновьетнамских ВВС по ошибке принял их за солдат Вьетконга и начал сбрасывать напалмовые бомбы. В центре фотографии – девятилетняя девочка Ким Фук, визжащая от боли и сорвавшая с себя горящую одежду. Девочка не погибла благодаря фотографу. Сделав свой знаменитый снимок, Ник тут же отвез ее и других детей в госпиталь. После осмотра врачи сказали, что девочка не выживет: она получила сильнейшие ожоги. Но после четырнадцати месяцев в госпитале и семнадцати перенесенных операций Ким поправилась. Сегодня Ким посол – доброй воли ЮНЕСКО, председатель фонда «Ким», который помогает детям жертвам войны.

Сам Ник, работая фотографом был трижды ранен: в колено, в руку и в живот. Его опубликованный снимок привел к резкому росту антивоенных настроений в Америке. А президент Никсон публично назвал фотографию фальшивкой.

Мне не хочется заканчивать на морализаторстве – вот это плохо, а это хорошо. Просто помните, что камера – это мощнейший инструмент, способный изменить мир. И только от вас зависит – в каком направлении будут происходить эти перемены.

*p.s.
Я передал соль.*